

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования**

**РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ**

На правах рукописи

Ха Цун

**Динамика употребления заимствованных единиц
в медиадискурсе России и Китая
во второй половине XX века – начале XXI века**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

к.ф.н. доц. Е.М. Недопекина

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. МЕДИАДИСКУРС: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ЛЕКСИКА	15
1.1. Определение понятия «дискурс» и виды дискурса	15
1.2. Понятие «медиадискурс» и его особенности	22
1.3. Лексические особенности медиадискурса	28
Выводы по главе I	47
ГЛАВА II. ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ В 1950–2023 ГОДЫ	49
2.1. Лексические особенности русского медиадискурса	49
2.2. Особенности употребления лексических заимствований в русских медиаатекстах с 1950 по 2023 год	56
2.2.1. Китайские лексические заимствования в русских медиаатекстах: особенности употребления	57
2.2.2. Классификация заимствованных единиц в русском медиадискурсе	66
2.3. Динамика функционирования китайских заимствованных слов в русских медиаатекстах с 1950 по 2023 год	75
2.3.1. Статистические изменения в использовании китайских заимствований в русских СМИ	77
2.3.2. Прагматические изменения в употреблении китайских заимствований в русском медиадискурсе	90
Выводы по главе II	100
ГЛАВА III. ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В КИТАЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ В 1950–2023 ГОДЫ	102
3.1. Лексические особенности китайского медиадискурса	102
3.2. Особенности употребления лексических заимствований	110
в китайских медиаатекстах с 1950 по 2023 годы	110
3.2.1. Русские лексические заимствования в китайских медиаатекстах: особенности употребления	111

3.2.2. Классификация заимствованных единиц в китайском медиадискурсе..	118
3.3. Динамика функционирования русских заимствованных слов в китайских медиатекстах.....	125
3.3.1. Статистические изменения в использовании русских заимствований в китайских СМИ	126
3.3.2. Прагматические изменения в употреблении русских заимствований в китайском медиадискурсе	136
3.4. Сопоставительный анализ динамики функционирования заимствованной лексики в медиатекстах России и Китая	141
Выводы по главе III	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	160
Приложение 1 Список заимствованных лексических единиц китайского происхождения в русских медиатекстах с 1950 по 2023 г.....	182
Приложение 2 Список заимствованных лексических единиц русского происхождения в китайских медиатекстах с 1950 по 2023 г.....	188

ВВЕДЕНИЕ

Коммуникация между различными народами ведет к взаимодействию их языков и почти всегда сопровождается заимствованием лексики из одного языка в другой. Изучение динамики употребления заимствованных лексем становится особенно важным в связи с историей взаимодействия двух стран. Сегодня Китай и Россия придают большое значение взаимной интеграции, культурному, экономическому, политическому и научно-образовательному обмену. Между двумя странами существует тесный контакт во всех перечисленных сферах человеческой жизни. Однако отношения между этими двумя государствами на разных исторических отрезках отличались по степени дружественности, о чем свидетельствует не только разная интенсивность языковых контактов, но и особенности типа лексического заимствования и прагматики употребления заимствованных лексем в медийных текстах. В результате межгосударственного взаимодействия в разных сферах общественной жизни русский и китайский языки в период с 1950 по 2023 год пополнились заметным числом заимствованных лексем, и эти заимствования представляют собой определенный исследовательский интерес, так как обогащают словарный запас языка-реципиента и несут важную экстралингвистическую информацию.

Актуальность настоящей работы обусловлена прежде всего тем, что лексический состав языка переменчив и чрезвычайно зависит от внеязыковой ситуации в обществе. Соответственно, именно в лексике особенности межгосударственных контактов отражаются наиболее ярко. Происходящая в настоящее время смена политических ориентиров и формирование новых международных контактов приводит к значительным трансформациям в области заимствованной лексики. Охлаждение или полный разрыв отношений с западными партнерами, но в то же время зарождение стратегического партнерства с Китаем является фактором, влияющим на появление в русском языке слов китайского происхождения и заимствование в китайский язык слов русского происхождения, на изменение частотности употребления ранее существовавших заимствованных

единиц или их переосмысление с точки зрения семантических, стилистических и прагматических особенностей. Наиболее заметную роль в фиксации происходящих процессов играет язык средств массовой информации, поэтому исследование динамики использования заимствованных слов в медиадискурсе кажется совершенно оправданным и закономерным.

Степень разработанности проблемы. Значительный рост интереса к теме лексики иноязычного происхождения наметился еще в конце XIX – начале XX века. Среди ученых, занимавшихся вопросами заимствований и языковых контактов, следует назвать И.А. Бодуэна де Куртенэ (1963), который рассматривал заимствования как проявление системности языка, акцентируя внимание на их фонетических и морфологических особенностях, а также на психологическом восприятии иноязычной лексики; Ю.Д. Дешериева (1988), подчеркивавшего роль заимствований как неизбежного и продуктивного механизма лексического обогащения; Ю.А. Жлуктенко (1974), отмечавшего, что заимствованные элементы могут продолжать функционировать в языке-реципиенте даже после прекращения прямого языкового взаимодействия; Н.Б. Мечковскую (2021), писавшую о мотивации выбора иноязычных слов иностранного происхождения, степени их освоения, а также социальных факторах, влияющих на их интеграцию в язык-реципиент; а также Л.В. Щербу (1958), который анализировал влияние заимствований на фонетику, грамматическую систему и семантику, подчеркивая важность адаптации новых слов к системе принимающего языка. Кроме того, вопросы заимствований и языковых контактов поднимались в трудах В.В. Иванова (1973), И.Д. Кленина (1969), А. Мартине (1972) и В.Ю. Розенцвейга (1972).

Во второй половине XX и начале XXI веков подходы к изучению явления лексического заимствования стали более разнообразными и многоаспектными: лингвисты стремились выяснить исторические и этимологические причины употребления иностранной лексики, описать функциональную природу заимствований и процессы их адаптации в языке-преемнике. Над этой темой работали многие российские лингвисты, среди которых наиболее заметную роль играют труды Л.Н. Боженко (2006), Э.Ф. Володарской (2002), Л.П. Крысина (2002),

Л.Л. Кутиной (1972), Е.В. Мариновой (2014), А.Ю. Мусорина (2000), М.Ю. Семеновой (2009), О.Н. Чистяковой (2001) и др.

Исследование заимствованных лексем в китайском языке началось несколько позднее – первые работы на эту тему стали появляться только к середине XX века, после образования КНР. Всестороннее и систематическое описание лексических заимствований из других языков, например, английского, японского и русского, в китайский можно найти в исследованиях таких ученых, как М. Гао (1958), Л. Гун (2018), Ш. Лю (2005), Ю.С. Уфимцев (2005), С. Ху (1936), Ц. Цэнь (1990), Х. Яо (1998) и др.

Среди лингвистов, изучавших особенности употребления слов иноязычного происхождения в русском и китайском языке в сопоставительном аспекте, необходимо упомянуть таких лингвистов, как В.Н. Денисенко (2005), Л.П. Крысин (1965), Н.В. Перфильева (2018), Л. Ферм (1990), П. Ху (2017), Г. Хэ (2003), К. Чжан (2024) и др. Основные положения работ этих ученых лежат в основе данного исследования. Лингвистов, занимающихся изучением особенностей употребления заимствований в медиадискурсе, несколько меньше. В их числе Т.Г. Добросклонская (2012), Е.Н. Малюга, С.Н. Орлова (2016), А.В. Полонский (2012), Л.Б. Темникова (2016), С. Сун (2005). Заимствованная лексика в медиадискурсе является предметом исследовательского интереса таких исследователей, как Е.В. Гуляева (2021), М.В. Денисенко (2021), М.А. Ильясова (2021), Е.В. Кондрашева (2018), Е.Н. Ремчукова (2009). К теме языкового своеобразия медиатекстов не раз обращались Н.А. Ахренова и Р.И. Зарипов (2023), О.И. Калинин (2024), Д. Кристал (D. Crystal) (2001), М.Л. Новикова (2017), Н.Н. Оломская (2013), А.А. Тертычный (2012), М.А. Утенкова (2016) и др.

Основными источниками осведомленности о межгосударственных отношениях, а также инструментами формирования общественного мнения о той или иной стране и ее гражданах являются тексты средств массовой информации. Главной целью медиадискурса, по мнению таких ученых, как Е.А. Кожемякина (2010), М.А. Чекунова (2017) и О.Ф. Русакова (2006, 2018), является описание реальности, ее объяснение (интерпретация), регулирование деятельности

адресатов, воздействие на сознание адресатов, оценка действительности и прогнозирование состояния дел, при этом одной из его важных задач является распространение информации и формирование общественного мнения.

Объект исследования – заимствованные единицы в медиадискурсе России и Китая во второй половине XX века – начале XXI века.

Предметом исследования в данной диссертации являются особенности количественных, графических, смысловых и прагматических изменений слов русского происхождения в китайском языке и лексических единиц китайского происхождения в русском языке, встречающихся в текстах средств массовой информации России и Китая на разных исторических этапах в период с 1950 по 2023 год.

Цель исследования состоит в выявлении динамики семантики и прагматического потенциала заимствованных слов в русском и китайском медиадискурсе с 1950 года по настоящее время под влиянием экстралингвистических факторов.

Для реализации указанной цели в исследовании поставлены следующие **задачи**:

1) отобрать лексемы, заимствованные из китайского языка в русские медиатексты ведущих периодических изданий СССР (позднее России) за период с 1950 года по настоящее время, и проанализировать полученный лексический материал с точки зрения частоты использования, его принадлежности определенным тематическим группам, особенностей написания, смысла и прагматики использования заимствованных слов в русском медиадискурсе в указанный период;

2) выявить лексические единицы, заимствованные из русского языка в китайские медиатексты ведущих периодических изданий Китая в тот же период, и проследить динамику их употребления с точки зрения частотности их использования, тематической отнесенности, особенностей графики, семантики и прагматики употребления;

3) установить корреляцию между частотой использования заимствованных

единиц и спецификой политических отношений между Россией и Китаем за последние 75 лет;

4) предложить алгоритм исследования динамики использования иностранной лексики в медиатекстах для разных пар языков.

Гипотезой диссертации послужило предположение, что объем, способ заимствования, тематическая область, изменение семантики и прагматические характеристики иноязычной лексики в медийных текстах зависят от характера и интенсивности контактов между странами, языки которых находятся в состоянии постоянного взаимодействия, таким образом, выявляется динамика использования лексических заимствований, имевших место в текстах СМИ России и Китая на протяжении 75 лет сотрудничества двух государств.

Теоретико-методологической базой исследования стали труды по:

- языковым контактам: У. Вайнрайх (1972), Е.А. Гурбик (2024), Ю.Д. Дешериев (1966), М.В. Дьячков (1992), Л.Р. Зурабова (2022), Б. Лакс (2010), М.Е. Раюшкина (2021), Т.О. Розанова (2008);

- процессам ассимиляции заимствованной лексики: Ф. Боас (1911), Я. Ваккернагель (1953), Л. Завадовский (1982), И. Котяну (1974), Л.П. Крысин, (1994), Н. Лю (2025), А. Мейе (2010), Ц. Ни (2024), О.И. Черчук (2023);

- анализу дискурса в целом и медиадискурса в частности: Н.А. Ахренова (2024), Н.М. Дугалич и др. (2023), А.Н. Зарецкая (2010), О.И. Калинин, А.В. Игнатенко (2022), В.И. Карасик (2015), М.И. Киосе (2024), Л.В. Моисеенко (2021), Л.Е. Пак (2015), Д.В. Шапочкин и др. (2023);

- особенностям употребления заимствованной лексики в медиапространстве: Д.Г. Акубекова, (2025), А.В. Бенедиктович (2023), Н.В. Бондарева (2021), М.А. Давыдова (2025), Ю.В. Зайцева (2022), О.И. Захаров (2024), А.В. Зорина (2023), Т.И. Колесник (2024), Т.А. Урывская (2022);

- коммуникативно-прагматическому аспекту медиадискурса: И.И. Давтянц (2024), Ю.Н. Драчева (2021), Д.В. Козловский (2024), Д.С. Костинская (2025), М.Л. Новикова (2017), Н.Н. Оломская (2021), А.А. Орешкина (2024).

Материалом исследования послужили 45 китайских и 71 русских

лексических заимствований, отобранных из 3605 статей ведущих периодических изданий СССР (позднее – Российской Федерации) и КНР. Среди китайских изданий основными источниками материала стали 2731 текст печатной и электронной версий газеты «Жэньминь Жибао» [人民日报] и газеты «Справочные новости» [参考消息报], которые существуют с момента становления Китайской Народной Республики (с конца 1949 г.) и пользуются наибольшей популярностью и доверием у граждан Китая, согласно данным рейтингового агентства Китая, полученным в 2021 году¹. В качестве ключевых источников языкового материала русскоязычной прессы были использованы 874 статьи газет «Правда» и «Известия», так как их тираж не прерывался на протяжении всего исследуемого временного отрезка (1950–2023 гг.) и они также неизменно популярны у русскоязычных читателей. Так, газета «Известия» и сегодня является лидером топ-10 СМИ России, согласно данным национальной системы аналитики социальных сетей и СМИ «МедиаЛогия»², а газета «Правда», одно из наиболее авторитетных изданий СССР с момента своего создания в 1912 году, не прекращает свою работу по настоящее время [Летопись периодических изданий СССР, 1947–1990].

Количественные данные о частотности употребления заимствованных единиц в текстах средств массовой информации получены из Национального корпуса русского языка (газетный корпус)³ и Национального корпуса китайского языка (BCC Corpus)⁴. Значительный объем сведений лексикографического характера получен из различных словарей: «Толкового словаря иноязычных слов» (под ред. Л.П. Крысина, 2006), «Современного словаря иностранных слов» (под ред. Л.П. Крысина, 2014), «Словаря иностранных слов современного русского языка. 100 000 слов и выражений» (под ред. Т.В. Егоровой, 2014), «Словаря иностранных слов современного русского языка» (под ред. Л.М. Баша, 2021), «Нового словаря иностранных языков» (под ред. М. Ситникова, 2010), «Словаря китайских заимствованных слов» (под ред. М. Гао, 1984), «Словаря

---

¹ <https://www.phb123.com/shenghuo/pinpai/59022.html>

² <https://www.mlg.ru/ratings/media/>

³ <http://www.ruscorpora.ru/>

⁴ <https://bcc.blcu.edu.cn/>

заимствованных слов в китайском языке» (под ред. Ц. Цэнь, 1990).

В исследовании были применены следующие **методы**:

1) метод сплошной выборки использовался для отбора лексических заимствований в текстах медийного дискурса китайского и русского языков в период с 1950 по 2023 г.;

2) описательный метод применялся для описания фонетических, графических, семантических и грамматических преобразований лексем иноязычного происхождения в языке-преемнике, а также для идентификации заимствованного слова в неродной языковой системе;

3) аналитический метод использовался при анализе специфики употребления заимствований в прагматическом аспекте в русском и китайском медиадискурсах;

4) метод сопоставительного анализа лег в основу сравнения особенностей использования заимствованных лексических единиц в текстах СМИ двух стран;

5) приемы перевода и лингвистической интерпретации были необходимы для изучения особенностей перевода и интерпретации заимствованных единиц в газетных статьях на русском и китайском языках;

6) методы корпусной лингвистики применялись для автоматизированного отбора заимствований именно в газетных текстах, что позволило получить репрезентативный материал и повысить объективность данных;

7) количественный метод обработки данных применялся для определения числового значения случаев употребления заимствованных лексем в китайском и русском медиадискурсе на историческом отрезке с 1950 по 2023 г.;

8) метод сочетания статического и динамического исследования был необходим, чтобы более полно провести оценку процесса заимствования лексики, выявить соотношение между частотностью использования заимствованных единиц и близостью языковых контактов, а также определить тематические области, чаще других пополняемые иностранной лексикой;

9) метод прагматического исследования текста использовался в ходе интерпретации содержания фрагментов медийного текста, содержащих заимствованные единицы, и раскрытии скрытых в них смыслов путем соотношения

содержания статей с особенностями политических взаимоотношений между Россией и Китаем;

10) дискурс-анализ используется в аспекте фиксации контекста употребления заимствованной единицы, изменения ее коннотации в медийном дискурсе. Лингвокультурологический комментарий указывает на связь изменений в употреблении заимствованной лексики с политической ситуацией.

Научная новизна данной диссертации заключается в том, что в рамках данной темы впервые:

1) установлена корреляция между русско-китайским лексическим заимствованием в текстах медиадискурса и спецификой политических отношений между Россией и Китаем;

2) обоснованы изменения частотности использования заимствованной лексики в медиадискурсе русского и китайского языков в зависимости от степени дружественности отношений между Россией и Китаем в разные исторические периоды;

3) разработана классификация заимствованных иноязычных лексем в медийных текстах России и Китая, а также выявлена графическая, смысловая и прагматическая специфика употребления заимствованных лексических единиц в текстах СМИ двух стран на протяжении последних 75 лет в динамике;

4) предложен подход к изучению заимствованной лексики языков, находящихся в постоянном или периодическом контакте, который может применяться к парам разных языков.

Теоретическая значимость диссертации определяется ее вкладом в развитие сравнительно-сопоставительного языкознания, теорию языковых контактов и дискурсологию. В работе содержится подробный анализ определений понятий «дискурс» и «медиадискурс», а также приведены все имеющиеся классификации данных понятий в русскоязычной и китайскоязычной традициях. Представленный материал позволяет систематизировать научный терминологический аппарат с целью дальнейшего изучения дискурсивных практик. Выявление изменений в лексике медиадискурса на продолжительном временном

отрезке позволяет обобщить данные о языке медиатекстов в диахроническом аспекте, а также указывает на важность учета экстралингвистических (исторических и политических) факторов на формирование медийных текстов китайского и русского языков.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут использоваться при разработке обучающих курсов для студентов по направлению «Журналистика» и «Лингвистика», в преподавании таких дисциплин, как «Социолингвистика», «Лексикология», «Межкультурная коммуникация», «Теория и практика перевода» и «Стилистика», в вузах России и Китая, а также для подготовки специалистов в области торговых, политических и культурных контактов России и Китая. Собранный лексический материал может представлять интерес с точки зрения лексикографии русского и китайского языков, а также для разработки или корректирования языковой политики двух стран.

Основные положения, выносимые на защиту диссертации.

1. Язык как основное средство коммуникации является отражением межнациональных контактов, вследствие чего исследование лексического состава контактирующих языков позволяет проследить историю межгосударственных и межэтнических отношений: в период всестороннего сотрудничества КНР и СССР (1950–1960) зафиксирован заметный объем заимствований из русского языка в китайских медиатекстах: 48 лексических единиц; в период охлаждения отношений (1960–1989) объем заимствований в медиадискурсе обеих стран сократился: 9 слов русского происхождения в китайском медиадискурсе и 10 лексем китайского происхождения в русском медиадискурсе; на этапе нормализации (после 1989) снова наблюдается рост числа китайских заимствований в русскоязычных СМИ: 23 лексические единицы.

2. Способ заимствования, объем, тематика, семантические и прагматические особенности, частотность использования заимствованной лексики зависят от качества межгосударственных контактов страны языка-источника и страны языка-преемника. Медиадискурс как средство освещения глобальных трансформаций и инструмент идеологического воздействия наряду с разговорной речью наиболее

быстро реагирует на заимствования, способствует их распространению и закреплению в общественном сознании, что позволяет заимствованиям становиться частью национальной языковой картины мира.

3. Лексическое значение заимствованного слова может приобретать переносные и дополнительные смыслы в зависимости от контекста и коммуникативной ситуации медиадискурса, от общественно-политической ситуации и от качества отношений со страной, язык которой послужил источником заимствования.

4. Прагматика употребления заимствованного слова, отражающаяся в изменении функционально-стилистической принадлежности и стилистической окраски лексической единицы, позволяет анализировать общественные установки и идеологические ориентиры и зависит от степени дружественности и интенсивности межгосударственных контактов страны языка-источника и страны языка-реципиента.

Апробация работы. Материалы и промежуточные итоги данного исследования были обсуждены на заседаниях кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы в период с 2021 по 2024 г. Некоторые результаты работы изложены в формате докладов и выступлений на международных научно-практических конференциях: «Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика. К 90-летию со дня рождения профессора Л.А. Новикова» (Москва, 14–15 апреля, 2022); «Инновационные процессы в социально-гуманитарных науках и образовании IPHE-2022» (Москва, 1–2 декабря, 2022) и «Когнитивная лингвистика в контексте современной науки» (Челябинск, 19–21 сентября, 2023). Всего по теме диссертации опубликовано 5 научных работ. Среди них 1 статья напечатана в журнале базы данных SCOPUS (Q2), 3 статьи опубликованы в журналах базы данных ВАК, входящих в список РУДН, и 1 статья – в журнале базы РИНЦ.

Личный вклад автора является определяющим и заключается в непосредственном участии на всех этапах исследования, начиная со сбора материала, постановки цели и задач исследования, формулировки положений,

выносимых на защиту, до их реализации в тексте диссертации, в научных публикациях и докладах.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Научные положения диссертации соответствуют содержанию специальности 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика».

Структура работы представлена Введением, тремя главами, Заключением, Списком использованных источников и двумя Приложениями. В **первой главе** содержится краткий обзор подходов к определению понятий «дискурс» и «медиадискурс», приводится перечень основных видов медиадискурса и его языковых особенностей, особое место среди которых уделяется лексическим особенностям, уточняется понятийно-категориальный аппарат исследования. Во **второй и третьей главах** проводится исследование источников происхождения заимствованной лексики в русских и китайских медиатекстах соответственно в период со второй половины XX века по начало XXI века, предлагается классификация способов заимствований и тематических групп иностранной лексики в каждом из двух исследуемых языков, описывается специфика фонетической, графической, семантической, грамматической и стилевой адаптации заимствований в текстах русских и китайских СМИ, подробно рассматриваются изменения русской и китайской заимствованной лексики с точки зрения статистики, графики, смысла и прагматики использования данных лексем в текстах ведущих печатных изданий в динамическом аспекте. В **Заключении** перечисляются основные выводы и результаты проделанной работы. **Приложения** содержат перечни заимствованных единиц в русских и китайских медиатекстах с 1950 г. по 2023 г.

ГЛАВА I. МЕДИАДИСКУРС: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ЛЕКСИКА

В настоящей главе подробно рассматривается сущность дискурса в целом и медиадискурса в частности, приводится перечень основных подходов к изучению медиадискурса, анализируются наиболее распространенные его определения и жанровая классификация, что способствует более точному пониманию природы этого феномена. Во втором и третьем разделах исследуется специфика функционирования медийного дискурса в российском и китайском лингвокультурных пространствах, рассматриваются научные подходы к его интерпретации в языкознании двух стран, а также описываются языковые особенности медиатекстов на русском и китайском языках. Таким образом, глава формирует теоретическую базу для всестороннего анализа медиадискурса, позволяя определить степень его воздействия на лексическую систему языка и роль в распространении заимствованной лексики в практике речевого общения.

1.1. Определение понятия «дискурс» и виды дискурса

Фокус научного интереса лингвистов сегодня несколько смещается: помимо анализа и описания языковой структуры в целом, в центр внимания все чаще попадают механизмы и закономерности функционирования языка в конкретных коммуникативных условиях, то есть в процессе реального общения. Именно речевая деятельность попадает в поле зрения современных лингвистических исследований, и на первый план выходит изучение дискурса и дискурсивных практик.

Интерпретация понятия «дискурс» сопряжена с определенными трудностями, поскольку лексема «дискурс» охватывает широкий спектр значений и трактуется неоднозначно в различных научных школах, зачастую демонстрируя семантическую неоднородность и даже противоречивость. Очевидно, это обусловлено тем, что дискурс выступает объектом междисциплинарного анализа, и в силу разнообразия исследовательских подходов возникают разночтения в его

понимании и интерпретации. Итак, означенные трудности в толковании понятия вызваны рядом причин, среди которых нужно выделить следующие:

– разнообразие дисциплин исследования: дискурс изучается в таких науках, как лингвистика, политология, социология и т. д., при этом каждая дисциплина рассматривает это понятие под своим углом зрения;

– история изучения понятия: в разные исторические периоды ученые по-разному толковали и оценивали понятие «дискурс».

В последние десятилетия понятие дискурса стало одним из центральных объектов гуманитарных исследований, связанных с изучением языка в таких сферах, как социолингвистика, социопсихология, культурология, философия, общественные науки, а также в сфере власти и политических процессов.

Слово «дискурс» пришло из французского языка (*discours* – «речь, выступление», «рассуждение»). Во французской лингвистической традиции эта лексема не рассматривается отдельно от своего значения и употребляется для обозначения речи или речевой коммуникации; на русский язык переводится как *дискурс, дискуссия, рассуждение, речь, текст и слово* [Гак, 1998, 342].

Самое простое определение понятия «дискурс» – разговорная практика, речь. Первоначально «дискурс» использовался в английском языке и литературе и понимался в широком смысле как «коммуникативная деятельность» [Городецкий, 1985, 68]. В значительной степени эта трактовка применима на этапе сравнения изолированных предложений с теми, что функционируют в составе связного текста. Так, «несомненно, что введение понятия дискурса явилось реакцией против теории автономного синтаксиса в генеративной грамматике и поэтому связано главным образом с отказом от изучения синтаксической семантики на материале изолированных предложений» [Кубрякова, 2000, 6]. На практике это означает использование определенных синтаксических структур в коммуникативной деятельности, а в теории – пересмотр основ грамматики языка как структуры, обеспечивающей обработку и хранение информации, а также реализацию речевой деятельности.

Исторически сложившиеся методологические подходы к изучению дискурса

сформировались на основе трудов представителей ведущих европейских научных школ. Среди основных направлений исследований теории дискурса можно выделить швейцарскую, немецкую, голландскую, французскую школы.

Концептуальные основы изучения дискурса были заложены в трудах Ф. де Соссюра. Несмотря на то что сам Соссюр не использовал термин «дискурс» в его современном лингвистическом значении, предложенная им дихотомия «язык – речь» оказала значительное влияние на формирование дальнейших представлений о дискурсе. В трудах современных исследователей, опирающихся на идеи Соссюра, выделяются три ключевых положения: 1) понятия «дискурс» и «речь» рассматриваются как тождественные; 2) термин «дискурс» может использоваться как синоним «речь»; 3) дискурс интерпретируется как третья составляющая оппозиции «язык – дискурс – речь» [Соссюр, 1999, с. 129].

Идеи немецко-австрийской школы, важнейшей из которых является представление о процессуальном характере языка, представлены в работах В.Е. Чернявской (2006), У. Мааса (1984), Ф. Херманнса (1995). С одной стороны, «дискурс» определяется как комплекс текстов, посвященных определенной теме, и трактуется как «языковая репрезентация политической идеологии и социокультурных практик, упорядоченное и систематическое использование языка определенным образом, за которым стоит конкретная ментальность, обусловленная идеологией и национальной историей» [Чернявская, 2006, 13]. С другой стороны, У. Маас рассматривает дискурс как «соответствующую форму языка по отношению к социально и исторически обусловленным социальным практикам» [Масс, 1984, 204].

Немецкая школа разграничивает понятия «дискурс» и «текст» и рассматривает дискурс как особый способ использования языка, связанный с социальной практикой. С точки зрения Ф. Херманнса, дискурс – это «совокупность речевых действий в социокультурном и историческом контексте, в которых производятся и воспроизводятся коллективное знание, мышление, чувства, устремления, обязательства социальных групп в гетерогенной языковой общности» [Hermanns, 1995, 94].

Нидерландский лингвист Т.А. Ван Дейк, представитель голландской школы изучения дискурса, определяет дискурс как сложный коммуникативный акт, в котором говорящий и слушающий находятся в определенных пространственно-временных условиях в момент говорения. Коммуникативная деятельность может осуществляться в устной или письменной форме и включает как лингвистические, так и экстралингвистические средства. В качестве примеров приведем профессиональные диалоги, например, между врачом и пациентом, повседневное общение с близкими, а также восприятие информации из печатных источников, таких как газеты. Дискурс в узком смысле подразумевает текст или диалог. В связи с этим понятие дискурса рассматривается как завершённый или развивающийся результат коммуникативной деятельности, подлежащий интерпретации со стороны адресата. Исходя из вышесказанного, дискурс в самом общем смысле понимается как письменный или устный результат коммуникативной деятельности [Ван Дейк, 1999, 255].

Французскую школу дискурс-анализа представляет М. Фуко, который сначала отождествлял дискурс с вербальной коммуникацией, а впоследствии стал рассматривать его как специфическую форму высказывания, характерную для определенного социально-исторического контекста. М. Фуко понимал дискурс как овладение реальностью. Для него результатом дискурсивных практик является освоение не только мира, но и правил самого дискурса и в итоге формирование соответствующих конструкций мышления. По его мнению, дискурс – это одновременно и процесс, и результат в виде установленных способов обсуждения, правил и логики. Более того, дискурс – это особый способ ведения и организации реальности, реализуемый в различных дискурсивных практиках [Фуко, 1996, 30].

С позиции французской школы подчеркивается многозначность понятия «дискурс»: со структурной точки зрения, текст – это высказывание, а с точки зрения лингвистической оценки производства речи, мы имеем дело с текстом в контексте коммуникации, то есть с дискурсом. Таким образом, объектом дискурс-анализа являются культурные, социальные и идеологические тексты, произведенные строго институциональным способом [Серио, 1999, 27]. Этот метод анализа позволяет

соотнести разнообразие текстов с конкретными историческими и социальными контекстами, в которых они были созданы, и проследить их влияние на общественное развитие.

Кроме этого, в рамках культурологических исследований понятие «дискурс» использовалось французскими структуралистами и постструктуралистами. В частности, А.Ж. Греймас и Ж. Курте (1983), а также М. Пеше (1999) подробно изучали культурные аспекты дискурса. В их концепции он отождествляется с индивидуальной речью и стилем говорящего.

В отличие от зарубежных, российские ученые анализировали преимущественно внутриязыковые проблемы. С формированием теории дискурса в России возникла сначала лингвистика текста, а затем и учение об анализе дискурса. Последнее позволило рассматривать языковые единицы в условиях коммуникативной деятельности. В.А. Звегинцев настаивал на структурно-синтаксическом подходе к определению понятия дискурса и понимал его как несколько предложений, связанных единой мыслью, причем связь между предложениями он считал основным признаком дискурса [Звегинцев, 1976, 16].

По мнению Н.Д. Арутюновой, «дискурс – это связный текст в сочетании с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами». Н.Д. Арутюнова рассматривает речь как целенаправленное социальное поведение, как неотъемлемую часть механизма взаимодействия людей и их сознания, то есть когнитивного процесса. «Дискурс – это речь, погруженная в жизнь». Именно поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применим к древним и тем текстам, связь которых с жизнью не может быть восстановлена [Арутюнова, 1990, 136–137].

Н.Д. Арутюнова трактует дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова, 1990, 136–137]. В издании «Современная политическая

наука» сформулировано определение дискурса как «целостного комплекса человеческой деятельности, взятого в ее смысловой значимости, а также знаковой системы, позволяющей подобные комплексы создавать и понимать» [Гаман-Голутвина, 2019, 466]. Однако любое толкование этого понятия определяется принципом, предложенным Ю.С. Степановым: «Между системой и текстом – дискурс» [Степанов, 1995, 36].

В социологии дискурс тесно связан с дискурс-анализом. По мнению социолога О.А. Воронковой, дискурс – это «процесс коммуникации, который включает в себя непрерывные коллективные обсуждения социально значимых вопросов и последующие их решения, влияющие на процесс социальной практики» [Воронкова, 2002, 15]. Поэтому целью дискурс-анализа является определение причин социальной коммуникации и влияния на нее социальных, культурных и политических факторов.

Дискурс в постмодернистской философии упоминается в работах немецких философов К.О. Апеля (1988) и Ю.В Хабермаса (1987). В философии постмодерна дискурс представляет собой идеальный коммуникативный процесс, который достигается путем отрыва от социальной реальности, традиции и личного авторитета.

Разнообразие определений понятия «дискурс» и научных подходов к нему приводит к возникновению множества классификаций дискурса. В коллективной монографии «Современные теории дискурса» О.Ф. Русакова выделяет следующие типы дискурсов:

- 1) повседневные дискурсы: бытовые разговоры, дружеское общение и т.д.;
- 2) институциональные дискурсы: юридический, административный и т.д.;
- 3) публичные дискурсы: дискурс гражданских инициатив и выступлений, дипломатический, PR-дискурс;
- 4) политический дискурс: дискурс политических идеологий, политических институтов, политических акций;
- 5) медиа-дискурсы;
- 6) арт-дискурсы;

7) дискурсы деловых коммуникаций [Русакова, 2018, 29].

По мнению В.Г. Костомарова, классификацию видов дискурса также можно осуществлять в соответствии со сферой и средой общения: 1) бытовой; 2) научный; 3) политический; 4) деловой; 5) профессиональный; 6) книжный; 7) разговорный; 8) массово-коммуникативный [Костомаров, 2005, 45].

Широко известна классификация типов дискурса, которая предлагается В.И. Карасиком, где выделяет два типа дискурса: персональный дискурс, в котором говорящий выступает в личном качестве, и институциональный, где говорящий воспринимается как имеющий определенный социальный статус. В рамках институционального дискурса, по его мнению, различается политический, административный, военный, медицинский, педагогический, дипломатический, научный, деловой, рекламный, юридический, спортивный, сценический и другие виды [Карасик, 2000, 43].

А.А. Карамова классифицирует дискурс на основе тематического и жанрового критериев, а также по ряду других параметров.

1. По тематике.

2. На основе жанрового критерия:

а) по иллюкативной характеристике: информативные, этикетные, императивные, оценочные жанры;

б) по форме передачи информации: письменные, устные жанры;

в) по внешней форме: монологические, диалогические жанры;

г) по месту в полевой структуре: портативные, маргинальные жанры;

д) по способу выражения: вербальные, паралингвистически осложненные жанры.

3. По характеру субъекта: институциональный дискурс и индивидуальный, или личностный дискурс.

4. По временному плану.

5. По национально-культурному параметру: русский (российский) дискурс, американский дискурс и т. д. [Карамова, 2017, 355–366].

При всем разнообразии типов дискурса, выделенных В.И. Карасиком и

А.А. Карамовой, медиадискурс в этом списке не фигурирует. Тем не менее очевидно, что он играет важную роль в процессе обмена информацией и в жизни современного общества в целом.

Таким образом, дискурс – это «язык в языке», близкий по смыслу понятию «текст», иными словами, дискурс – это определенная лексика, семантика, прагматика и синтаксис, являющие себя в актуальных коммуникативных актах, речи и текстах [Степанов, 1998, 670].

Дискурс классифицируется лингвистами по различным основаниям. Среди многообразия его типов особое место занимает медиадискурс, поскольку он выступает своеобразным посредником между разными сферами жизни общества. Большой интерес представляет лексика медиадискурса, в частности, заимствованная лексика и специфика ее употребления.

1.2. Понятие «медиадискурс» и его особенности

Российские и зарубежные лингвисты предлагают множество подходов к определению медиадискурса и к самому обозначающему его термину. Среди наиболее часто используемых русских номинаций медиадискурса можно назвать следующие: дискурс масс-медиа (Е.И. Шейгал (2000)), дискурс в массовой коммуникации (Ю.В. Ключев (2013)), массмедиаальный дискурс (Э.Г. Меграбова (2009)), масс-медийный дискурс (С.Н. Зарезина (2004)), массово-информационный дискурс (В.И. Карасик (2002)), медиадискурс (Т.Г. Добросклонская (2008, 2012)), медийный дискурс (Е.Ф. Серебренникова (2011)), язык СМИ (Б.А. Зильберт (1986)) и т. д. В зарубежных исследованиях чаще используются такие термины, как *language in the news* – язык новостей (R. Fowler (1991)), *mass media discourse* – дискурс масс-медиа (Т.А. van Dijk (1995)), *mass media* – масс-медиа (А. Bell (1991)), *media discourse* – медиадискурс (N. Fairclough (1989)), *the media* – медиа (M. Montgomery (1996)) и др.

Российские ученые (Т.Г. Добросклонская (2008, 2012), Н.Б. Егорченкова (2016), Н.И. Клушина (2018), В.Ю. Кожемякин (2010), А.А. Петрова (2016),

А.В. Полонский (2012), О.Ф. Русакова (2018), И.К. Сескутова (2009), Н.Л. Шамне (2016) и др.), занимавшиеся проблемой медийных текстов, относят изучение медиатекстов к дисциплине «Медиалингвистика», предметом которой является изучение особенностей функционирования языка в сфере массовой коммуникации. Основным теоретическим компонентом медиалингвистики является анализ «специального понятия медиатекста, которое присутствует во всех исследованиях языка СМИ» [Добросклонская, 2012, 26].

Медиадискурс реализуется преимущественно через различные типы медиатекстов, включая новостные, рекламные и другие жанры. Термин «медиатекст» является важной частью теоретического фундамента медиалингвистики. Основная идея заключается в том, что в различных медиадоменах и медиа-жанрах тексты способны приобретать множественные уровни знаковости и, следовательно, становиться набором не только слов, но и знаков любой другой семиотической системы, изобразительной, акустической или иной, чтобы привлечь внимание к себе и, возможно, к своему статусу как источнику информации [Романов, 2021, 71]. В связи с этим в настоящем исследовании особый акцент сделан на анализе заимствованной лексики с учетом ее семантических и прагматических характеристик.

В контексте изучения медиадискурса принципиально важно определить его центральное понятие – медиатекст – коммуникативный процесс, реализуемый конкретными участниками в определенных условиях с целью достижения определенных речевых эффектов. Дискурс, как уже отмечалось ранее, представляет собой совокупность производных речевой деятельности, поэтому в настоящей работе медиатексты изучаются как ключевые единицы медиадискурса. Важно подчеркнуть, что смена научной парадигмы в изучении деятельности средств массовой информации, а также переход от текстуального направления к дискурсивному в рассмотрении процесса создания и интерпретации медиатекста обусловлены формированием иного взгляда на коммуникативную деятельность. Она характеризуется как социально значимая деятельность, анализ которой требует выхода за пределы ограниченной области знаний и применения

междисциплинарного подхода. Поэтому обращение к понятию «медиадискурс» имеет не только теоретическое обоснование, но и значимые методологические последствия для анализа современных коммуникативных процессов.

В работе «Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ» Т.Г. Добросклонская делит медиатексты на следующие категории: 1) новости; 2) информационные анализы и комментарии; 3) публицистика; 4) реклама. Новости наиболее полно отражают одну из основных функций массовой коммуникации – информационную. Комментарий выполняет информационную функцию, усиливая ее влияние за счет выражения мнений и оценок. Для рекламных текстов характерно усиление воздействия через художественно-эстетические формы [Добросклонская, 2008, 70].

Б.А. Зильберт делит жанры массовой информации на три основные категории в зависимости от их вида: 1) информационные; 2) аналитико-публицистические; 3) художественно-публицистические. К информационным жанрам он относит тексты, фиксирующие факты и явления; для аналитико-публицистических жанров, по его мнению, характерны интерпретация, обсуждение, анализ и обобщение фактов. С точки зрения Б.А. Зильберта, первая категория текстов передает новости, а вторая и третья – объяснительные знания. Фактором, объединяющим первую и вторую категории текстов, является форма прямого, неизобразительного изложения содержания материала, однако в аналитических жанрах эта форма часто носит ярко выраженный эмоциональный характер. Третья категория жанров состоит из «журналистских презентаций социальных фигур с элементами художественного воображения» [Зильберт, 1986, 76–77].

Исследователь О.Ф. Русакова предлагает четкое разграничение различных интерпретаций понятия «медиадискурс»: по ее мнению, формулировка его дефиниции обусловлена фокусом внимания исследователя. Рассматривая СМИ в качестве социального института, медиадискурс можно определить как способ медийной репрезентации общественно значимых позиций, установок, концепций, компетенций, тезисов, который представляет собой специфический «медиаарезим». В случаях, когда объектом анализа является переговорная процедура,

осуществляемая с помощью СМИ, медиадискурс рассматривается как процесс диалога, осуществляемого в сфере масс-медиа [Русакова, 2018].

По мнению Н.Н. Панченко, медиадискурс характеризуется надежностью источника, оперативностью и своевременностью передачи информации, актуальностью и фактологической точностью текстов. Она отмечает, что «достоверность информации в медиадискурсе зависит от надежности источника информации, в том числе от способа и среды ее получения, а также от взаимосвязанных категорий информативности и объяснительности информации, субъективности и объективности ее подачи» [Панченко, 2010, 12].

Л.Б. Темникова подчеркивает, что «СМИ не только передают информацию, но и влияют на сознание людей, формируют общественное мнение, сознательно отбирая, выделяя и субъективно интерпретируя события окружающей действительности. В результате СМИ изменились по структуре и стилю, претендуя на отражение новых социально-философских концепций современного общества. Это закономерно привело к появлению новых тенденций, подходов и методов языка современных научных исследований» [Темникова, 2016, 7–8]. Исследователь выделяет несколько разновидностей медиадискурса:

1) по коммуникативным функциям: а) публицистический дискурс; б) рекламный дискурс; в) PR-дискурс;

2) по каналам реализации: а) теледискурс; б) радиодискурс; в) компьютерный дискурс (интернет-дискурс).

Публицистический дискурс определяется временным фактором: оценка событий осуществляется с опорой на прошлое или ориентиром на будущее. Коммуниканты могут быть разделены не только пространственно, но и во времени, в том числе в исторической ретроспективе. Многообразие жанров этого типа дискурса выражается в следующих разновидностях:

- информационные жанры: заметка, хроника, репортаж, отчет, интервью и т. д.;

- аналитические жанры: аналитическая статья, комментарий, рецензия, корреспонденция, обзор и т. д.;

- сатирические жанры: памфлет, фельетон и т. д.;
- художественно-публицистические жанры: эссе, очерк и т. д.

[Горшков (2006, 300); Кайда (2005); Кожина (2005); Тертычный (2012)].

Рекламный дискурс можно классифицировать по различным критериям:

- 1) по объекту представления: реклама товаров, предприятий, услуг и т. д.;
- 2) по области применения: коммерческая, политическая реклама и т. д.;
- 3) по характеру адресата: для массового потребителя или для узкого круга;
- 4) по носителю информации: печатная реклама, телевизионная реклама, интернет-реклама и т. д.;

5) по способу воздействия: образная, субъективная и т. д.;

- 6) по средствам выражения: прямая, иносказательная и т. д.
- [Crystal, 2001, 205].

Следует отдельно выделить PR-дискурс как разновидность институционального дискурса, имеющий свои жанровые и структурные особенности. К базисным текстам относятся пресс-релиз, приглашение, бэкграундер, факт-лист, заявление для СМИ, пресс-кит, брошюра, проспект, буклет, листовка и т. д. Смежные же тексты не обладают четко выраженными свойствами PR-текста, например, слоган – краткий текст, отражающий основную идею деятельности субъекта политической коммуникации; резюме – биография индивидуума, который не является субъектом PR; пресс-ревью – вторичные материалы печатных средств массовой информации, которые ориентированы на деятельность субъекта PR [Оломская, 2013, 250].

Телевизионный дискурс характеризуется авторитарностью, направленностью, обобщенностью и актуальностью. Он представлен различными жанрами: информационными, исследовательскими и музыкальными передачами, авторскими программами, развлекательными шоу, викторинами, документальными расследованиями, реалити-шоу и интервью [Hall, 1980, 130].

В радиодискурсе жанровая специфика обусловлена особенностями формулирования высказывания и его восприятия адресатом. Иными словами, жанровое разграничение здесь связано с каналом коммуникации: восприятие текста

осуществляется исключительно на слух. Среди жанров радиодискурса назовем информационные программы, новости, радиодрамы, писательские программы, музыкальные программы, викторины и интервью [Оломская, 2013, 255].

Компьютерный дискурс отличается разнообразием языковых тем, а также большой вариативностью используемых языковых средств. Возможности персонального общения значительно расширились благодаря техническим средствам и существованию глобальных компьютерных сетей. Компьютерный дискурс характеризуется инновационностью, самобытностью, произвольностью, простотой и реализуется в нескольких разновидностях: электронной почте, синхронных и асинхронных чатах, виртуальных мирах, веб-текстах [Зеленовская, 2014, 18].

Рассмотренные типы медиадискурса предполагают наличие определенных каналов воздействия – аудио- и визуальных. Телевизионный и компьютерный дискурсы характеризуются аудиовизуальной коммуникацией, радиодискурс – аудиокоммуникацией. Они являются структурно, стилистически, композиционно и дискурсивно специфическими формами «общей социально-дискурсивной среды времени» [Виноградов, 1980].

Таким образом, анализ понятия «дискурс» и «медиадискурс», а также классификации различных типов медиадискурса, позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих принципиальное значение для подтверждения гипотезы, заявленной в настоящем исследовании.

1. В рамках данной работы медиатексты рассматриваются как сложные коммуникативные образования, реализуемые посредством средств массовой информации с целью целенаправленного влияния на общественное сознание и нередко ведущие к формированию речевых практик носителей языка.

2. Медиатексты используются средствами массовой информации как инструменты коммуникации и отражают культурно-языковую специфику конкретного общества. Основная причина обращения к медиатекстам при изучении особенностей употребления заимствованных единиц заключается в том, что медиадискурс одновременно фиксирует языковые нормы, характерные для

носителей языка, в первую очередь на лексическом уровне, а также формирует отношение читателей к внутренним и внешнеполитическим событиям, к странам-партнерам, что проявляется в прагматике текстов.

Таким образом, коммуникативное поле современного медиадискурса представляет собой богатый источник языкового материала, позволяющего сделать ценные наблюдения в области лексических изменений в русском и китайском языках.

1.3. Лексические особенности медиадискурса

Медиадискурс реализуется в корпусе медиатекстов, под которым понимают «динамические сложные единицы высшего порядка, посредством которых осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций» [Кузьмина, 2011, 13]. Согласно М.Ю. Казак, «медиатекст – интегративный многоуровневый знак, объединяющий в единое коммуникативное целое разные семиотические коды (вербальные, невербальные, медийные) и демонстрирующий принципиальную открытость текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях» [Казак, 2012, 325]. Ввиду того, что информационное поле формируется преимущественно медиатекстами, важен анализ их лингвистических особенностей.

К числу значимых характеристик медиатекстов относятся их общие языковые особенности, а также конкретные лексические, синтаксические, стилевые и коммуникативно-прагматические черты. Языковые особенности медиатекстов проявляются в их многоуровневой структуре, включающей одновременно элементы публицистического и официально-делового стиля, а также некоторые свойства разговорной речи. Лексические особенности отражают динамическое обновление словарного состава, активное функционирование неологизмов и заимствований, высокую частотность номинаций, связанных с текущей общественной повесткой. Синтаксические особенности определяются стремлением к компактности, смысловой насыщенности, использованию

клишированных конструкций и структур, обеспечивающих оперативность восприятия текста. Стилиевые особенности выражаются в сочетании информативности и экспрессивности, жанровой гибридности, наличии устойчивых композиционных моделей. Коммуникативно-прагматические характеристики проявляются в ориентации медиатекстов на массовую аудиторию, необходимости интерпретации событий и формировании оценочных и воздействующих смыслов. Однако для более детального раскрытия этих особенностей важно обратиться к соответствующим аспектам медиадискурса с точки зрения его лексической специфики.

Языковая специфика медиадискурса представляет собой комплексную систему, анализ которой целесообразно вести по четырем взаимосвязанным направлениям: лексическому, синтаксическому, стилевому и коммуникативно-прагматическому. Рассмотрим последовательно каждый из этих аспектов, хотя они не существуют изолированно, а находятся в постоянном взаимодействии, формируя целостный и динамичный облик современного медиадискурса, отражающего его институциональную природу и постоянную адаптацию к технологическим и социокультурным изменениям.

Лексическая система медиадискурса выступает наиболее чувствительным индикатором социальных и технологических изменений. Ее характеризует интенсивная динамика, проявляющаяся, прежде всего, в активной неологизации. Медиадискурс служит основной зоной формирования и легитимации новых слов, которые часто возникают как реакция на актуальные события. Например, в период пандемии COVID-19 широкое распространение получили такие номинации, как *локдаун*, *ковидный паспорт*, *социальная дистанция* [Зорина, 2023, 185]. Другой яркой чертой является активное заимствование, преимущественно из английского языка, с последующей морфологической адаптацией, что приводит к созданию в русских медиатекстах гибридных структур, органично встраивающихся в русскоязычный контекст: *стримить*, *анбан*, *фейковость* [Акубекова, 2025, 165]. Параллельно наблюдаются семантические сдвиги, когда существующие слова приобретают новые смысловые оттенки в медийном контексте, как,

например, *bubble* в значении «локальная автономная среда» или *greenwashing* – «имитация экологической ответственности» [Зайцева, 2022, 75]. Стремление к компактности и высокой информационной плотности порождает тенденцию к языковой экономии, выражающуюся в использовании кратких, семантически насыщенных единиц (*фейк, хейт, краш* [Бенедиктович, 2023, 176]), а также полисинтетических номинаций для экспрессивной передачи сложных понятий таких как: *постправда-медиа, вирус-шатдаун-кризис* [Захаров, 2024, 607]. Кроме того, медиатексты активно продуцируют устойчивые экспрессивные словосочетания – неофразеологизмы: *информационный шум, цифровой след*, выполняющие роль когнитивных центров [Давыдова, 2025, 261].

Синтаксическая организация медиатекстов функционально подчинена задачам оперативной и ясной передачи информации массовой аудитории. Это выражается в стремлении к компактности и смысловой насыщенности высказываний, что достигается за счет эллипсиса, именных конструкций и причастных оборотов. Важной чертой является широкое использование клишированных и стандартизированных конструкций, которые ускоряют восприятие и обеспечивают жанровую узнаваемость. Особенно это характерно для новостного дискурса, опирающегося на устойчивые композиционные модели, такие как *lead – body – background* [Клименко, 2025, 72]. Для обеспечения связности текста и управления вниманием читателя активно применяются дискурсивные маркеры: *однако, таким образом, следовательно*, которые структурируют информацию и задают интерпретационную рамку [Власян, 2022, 30]. В целом, синтаксис тяготеет к относительной простоте, что облегчает восприятие. Это проявляется, в частности, через преобладание простых и сложносочиненных предложений, а также использование в цифровой среде элементов, имитирующих устную речь и диалог: риторических вопросов, прямых обращений, инклюзивных форм. [Герасимова, Иссерс, Малышева, 2025, 57].

Стилевое своеобразие медиадискурса рождается на пересечении его жанрового многообразия, ориентации на массовость и необходимости сочетать информативность с функцией воздействия. Ключевой особенностью выступает

жанрово-стилистическая гибридность, или «наложение функциональных стилей и ориентация на массового адресата» [Сайфуллина, Олизко, 2023, 189]. В медиатекстах органично переплетаются элементы публицистического, официально-делового и научно-популярного стилей с разговорной речью. Эта гибридность существует в постоянном напряжении между стандартизацией и инновацией. С одной стороны, медиадискурс, особенно в таких жанрах, как новости или пресс-релизы, отличается высокой степенью стандартизованности и устойчивостью композиционных моделей [Оломская, 2013, 251]. С другой стороны, потребность в актуальности и экспрессивности стимулирует стилистические эксперименты и языковую игру. Стилистический облик медиатекстов также демонстрирует вариативность, обусловленную региональными и социальными особенностями целевой аудитории, что отражается в использовании специфических номинаций и маркеров идентичности в локальных СМИ [Васильева, 2022, 40]. Кроме того, на стилистику медиатекстов все большее влияние оказывают цифровые технологии, включая автоматизированную генерацию текстов, что ведет к появлению новых шаблонов и влияет на частотность языковых средств [Данилова, 2025].

Коммуникативно-прагматический аспект является системообразующим для медиадискурса, поскольку именно здесь языковые средства подчиняются стратегическим задачам воздействия на аудиторию и формирования реальности. Все уровни языка работают на достижение эффективной коммуникации с массовым и часто разнородным адресатом. Центральное место занимает ярко выраженная оценочность и образность, которые редко позволяют тексту оставаться абсолютно нейтральным. Через тщательный отбор лексики (*скандальный, беспрецедентный, катастрофический*) и синтаксических структур, формируется определенное – позитивное или негативное – отношение к описываемым событиям [Глазко, 2022, 644]. Эта оценочность тесно связана с манипулятивным потенциалом медиадискурса, который часто реализуется на лексическом уровне через использование эвфемизмов, например: *«оптимизация расходов»* вместо *«сокращение бюджета»*, эмоционально заряженных слов и приемов создания

псевдообъективности [Новикова, 2023, 238]. Более глубокий, когнитивный уровень прагматики связан с моделированием реальности. Медиадискурс выделяет конкретные концептуальные доминанты, например, *кризис*, *безопасность*, которые задают устойчивые метафорические модели (*обвал рынка*, *рост напряженности*) и, таким образом, структурируют восприятие аудитории [Костинская, 2025, 601; Драчева, 2021, 112]. В современном цифровом медиaprостранстве все более значимой становится диалогичность и интерактивность, стирающая границы между автором и аудиторией. Это находит отражение в использовании элементов разговорной речи, прямых обращений и интерактивных форматов, превращающих коммуникацию в совместное производство смыслов [Патюкова, Оломская, 2021].

Как показывает анализ, лексические, синтаксические, стилевые и коммуникативно-прагматические особенности медиадискурса, при всем их своеобразии, служат единой цели – эффективной коммуникации с массовой аудиторией. Таким образом, лексические, синтаксические, стилевые и коммуникативно-прагматические особенности медиадискурса представляют собой не изолированные компоненты, а элементы единой, сложно организованной и динамической системы. Их постоянное взаимодействие и взаимовлияние формируют уникальный языковой механизм, способный оперативно адаптироваться к меняющимся социальным запросам, технологическим вызовам и культурным контекстам, выполняя одновременно информативные, направляющие и мощные воздействующие функции в пространстве массовой коммуникации. Этот механизм обеспечивает выполнение медиадискурсом его ключевых функций, это не только информирование, но и интерпретация, оценка воздействия и, в конечном счете, конструирование той версии социальной реальности, в которой существует современный человек. Понимание специфики каждого из аспектов и закономерностей их взаимодействия составляет необходимую основу для глубокого анализа конкретных медийных практик и дискурсивных стратегий в современном информационном пространстве.

Таким образом, активное заимствование лексики представляет собой один из системообразующих факторов, формирующих динамичный характер

медиадискурса. Для последующего анализа конкретных заимствованных единиц в медиатекстах необходимо определить теоретические основания исследования, а именно – сущность и основные параметры понятия «лексическое заимствование» в лингвистической традиции.

Изучение процесса заимствования имеет длительную историю и занимает значимое место в отечественной и зарубежной лингвистике. На протяжении XIX–XX вв. исследователями были сформулированы различные подходы к пониманию сущности заимствования как особого языкового явления. В результате в языкознании утвердилось представление о том, что заимствование выступает одним из основных механизмов взаимодействия языков и культур, обеспечивая передачу лексических элементов и их дальнейшее функционирование в системе языка-реципиента. В научной литературе последовательно подчеркивается многоаспектность данного процесса, включающего причины возникновения заимствований, формы их проявления, типологию иноязычных элементов, степень ассимиляции заимствованных единиц, а также особенности их адаптации в речи. В связи с этим возникает необходимость уточнить содержание термина «лексическое заимствование» и обозначить его ключевые характеристики.

Понятие «заимствование» традиционно занимает центральное место в теории языковых контактов. В классической трактовке оно определяется как «процесс усвоения языком элементов иной языковой системы» [Гимпелевич, 1966, 5]. В последующих исследованиях возникла потребность в более детальном описании данного явления. Так, Л.П. Крысин характеризует заимствование как «процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой», подчеркивая, что объектами перехода могут выступать не только слова, но и морфемы, синтаксические конструкции, а также семантические модели [Крысин, 1968, 12]. В зарубежной традиции Е. Хауген, рассматривая заимствование в диахронической перспективе, выделяет его двухступенчатый характер, включающий проникновение иноязычной единицы и ее последующую интеграцию (ассимиляцию) в систему языка-реципиента [Naugen, 1950, 210].

Универсальность «лексического заимствования» как языкового явления,

отмеченная А.А. Реформатским – «Нет ни одного языка на земле, в котором словарный состав ограничивался бы только своими исконными словами» [Реформатский, 1979, 134], обусловлена его ключевой ролью в развитии языка. Заимствование выступает «неотъемлемой составляющей функционирования и исторического изменения языка, одним из основных источников пополнения словарного запаса» [Смирнова, 2016, 86]. Характер этого процесса непосредственно отражает историю межъязыковых и межкультурных контактов, поскольку «заимствованная лексика отражает факты этнических контактов, социальные, экономические, культурные связи между языковыми коллективами» [Сепир, 1993, 656]. В связи с этим в лингвистике заимствование рассматривается, прежде всего, как форма межъязыкового взаимодействия на лексическом уровне. Данное понимание закреплено в классическом определении Л.П. Крысина: «Заимствование – это переход элементов одного языка в систему другого языка, как следствие длительных контактов между ними» [Крысин, 1968, 12]. В ходе такого перехода и последующей адаптации лексические значения заимствованных единиц нередко изменяются, подвергаясь сужению или расширению семантики.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» приводится следующее, ставшее общепризнанным, определение: «Заимствование – элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный в другой язык в результате контактов между ними, а также как сам процесс такого перехода» [Добродомов, 1990, 158–159].

Подчеркивается, что заимствование нередко связано с появлением в языке-реципиенте новых реалий, предметов материальной или духовной культуры, а также социальных и институциональных нововведений. Это позволяет рассматривать заимствование как сложное и многоуровневое явление, затрагивающее различные уровни языковой системы и обуславливающее существование нескольких его разновидностей.

Поскольку в данной работе анализируется функционирование именно лексических заимствований, необходимо конкретизировать содержание соответствующего термина. Л.П. Крысин предлагает следующее определение,

включающее как процессуальную, так и результативную сторону явления: «Лексическое заимствование – это 1) переход элементов одного языка в систему другого языка как следствие более или менее длительных контактов между этими языками; 2) слово или оборот вошедшее в язык в результате такого перехода» [Крысин, 1999]. Данная трактовка позволяет рассматривать лексическое заимствование одновременно как механизм межъязыкового взаимодействия и как конкретный результат интеграции иноязычной единицы в словарный состав языка-реципиента.

Из приведенного определения вытекает ряд существенных характеристик функционирования заимствованных единиц. Во-первых, заимствованное слово, переходя из одного языка в другой, как правило, адаптируется к фонетической системе языка-реципиента: его звучание может несколько отличаться от исходного, и стремится к артикуляционным, просодическим нормам нового языкового окружения. Во-вторых, оказавшись в системе языка-реципиента, заимствованные единицы постепенно включаются в его лексическую и словообразовательную подсистемы. Это проявляется, с одной стороны, в изменении их фонетического облика в направлении более привычном для носителей языка, а с другой стороны – в возможности образования на их основе новых слов, которые наследуют исходное значение и тем самым расширяют словообразовательный потенциал соответствующей лексемы.

Уточнение сущности и определения лексического заимствования предполагает обращение к причинам его возникновения, поскольку именно мотивационные факторы определяют характер, интенсивность и направление взаимодействия языков. Причины заимствований делятся на экстралингвистические (внешние) и внутрилингвистические (внутренние). По теории Л.П. Крысина [Крысин, 2004, 26–27], к внешним причинам относят:

- дифференциацию понятий, которая проявляется в случаях, когда возникает «потребность уточнить или детализировать соответствующее понятие, разграничить некоторые смысловые оттенки, прикрепив их к разным словам»;
- развитие международных контактов, которое способствует формированию

международного тезауруса и унификации терминологии;

– формирование структурно аналогичных слов, включая накопление в языке однотипных слов, имеющих схожие морфемы, что упрощает заимствование новых слов с подобными словообразовательными элементами.

Необходимо подчеркнуть, что указанные внутренние факторы не существуют изолированно – они взаимосвязаны. Например, желание сэкономить языковые средства может объясняться стремлением использовать более яркие выражения или трудностями при соединении частей заимствованного слова с лексико-семантической системой языка-реципиента. Внутрilingвистические факторы, связанные с внутренней динамикой языкового развития, обеспечивают интеграцию заимствованной лексики в язык. Кроме внутренних и внешних причин, стоящих за вхождением заимствований в лексический состав языка, ученые выделяют психологические факторы. Это причины, при которых появившееся новое и недостаточно известное слово, вызывает особый интерес у аудитории, инспирируя реакцию подражания. С.В. Мангушев считает, что «психологические составляющие заимствования реализуются в двух тенденциях: осознанном воздействии носителей языка на его структуру и подсознательном стремлении к вмешательству в его внутреннюю жизнь» [Мангушев, 2004, 159].

Переходя от рассмотрения причин и механизмов заимствования к вопросам его типологии, необходимо отметить, что проблема классификации заимствованной лексики остается одной из наименее разработанных в современном языкознании. Несмотря на значительный объем исследований, посвященных иноязычной лексике, до сих пор не создана общепринятая иерархическая система, позволяющая охватить многообразие форм и способов проникновения и функционирования заимствований в языке. Специалисты подчеркивают, что лексическая система требует системного описания, что предполагает необходимость разработки универсальных принципов классификации.

В этом контексте заслуживает внимания позиция академика Ю.Д. Апресяна, который, характеризуя современные лингвистические подходы, отмечал: «Современная семантика стремится представить весь словарь в его основной части

как сложную систему единиц, организованную на основе относительно небольшого числа “сквозных” семантических признаков. Часто они специфичны для данного языка и отражают характерную для него цельную картину мира (ср. “образ мира по данным языка”)» [Апресян, 1999]. Эти замечания подчеркивают необходимость рассматривать заимствования не изолированно, а в контексте общей языковой системы, что, в свою очередь, усложняет попытки их унифицированной классификации.

Обзор научной литературы по иноязычной лексике свидетельствует о том, что исследователями предпринимались неоднократные попытки систематизации заимствований, основывающиеся на различных критериях, таких как степень освоенности, структурные характеристики, функциональные различия и др. Одной из наиболее ранних и долгое время доминировавших, была классификация, предложенная немецкими учеными в начале XX века. Она предполагала деление заимствованных слов на *Lehnwörter* (усвоенные слова) и *Fremdwörter* (иностранные слова). Несмотря на ее широкое распространение, этот подход неоднократно подвергался критике. Так, О.Б. Шахрай указывал на некорректность смешения формального признака степени освоенности и функционального признака употребительности, что приводило к построению классификации на неоднородных основаниях [Шахрай, 1961].

Л.П. Крысин подчеркивал ограниченность данной системы, в то же время отмечая: «Однако взамен этой классификации не предложено ничего позитивного» [Крысин, 1968, 14]. Его замечание фиксирует важную методологическую проблему: при очевидной несостоятельности традиционного деления на *Lehnwörter* и *Fremdwörter* в лингвистике все еще отсутствует научно обоснованная и общепринятая классификация лексических заимствований.

Продолжая рассмотрение существующих подходов к классификации заимствованной лексики, следует обратиться к тем направлениям, которые сформировались в германистике. Именно немецкая лингвистическая традиция дала ряд разработанных классификационных моделей, отражающих специфику функционирования иноязычных элементов в немецком языке и демонстрирующих

разнообразие критериев, применяемых исследователями.

Одной из таких систем является классификация, представленная в интерпретации Н.С. Степановой, которая, обобщая подход Л.Р. Зиндера и Т.В. Строевой, рассматривает весь словарный состав немецкого языка как единое целое и разделяет его на две крупные группы: собственно немецкие слова и иностранные слова. К первой группе относятся исконно немецкая лексика и заимствования, полностью или частично ассимилировавшиеся в системе языка, включая интернационализмы. Ко второй группе автор относит слова, обладающие такими признаками, как иноязычное звучание, наличие параллельных немецких синонимов, низкая словообразовательная продуктивность и специфически иностранная семантика [Степанова, 1962, 185].

Альтернативная интерпретация иноязычной лексики приводится Н.С. Степановой со ссылкой на классификацию Л.Ю. Гранаткиной, которая выделяет три группы: интернациональные слова, общеупотребительную иноязычную лексику и малоупотребительную иноязычную лексику. Несмотря на различия, обе классификации в изложении Н.С. Степановой подчеркивают неоднородность и сложную структурную организацию иноязычных элементов в немецком языке [Степанова, 1962, 184].

Значимый вклад в разработку критериев разграничения заимствований принадлежит Д.С. Лотте – основателю российской школы терминоведения. Принимая деление на «своих» и «чужих», он предлагает оценивать степень освоенности слова на основе следующих параметров:

1. Соответствие звуковой формы норме языка;
2. Гармоничность морфологической структуры со строением языка;
3. Наличие производных слов [Лотте, 1982, 12].

По мнению исследователя, взаимодействие этих факторов позволяет определить, является ли конкретная лексическая единица «усвоенной» или остается «иностранной».

Другую классификационную модель предлагает Р. А. Будагов, выделяющий культурно-исторические и чисто языковые заимствования. Первые подразделяются

на:

а) слова, входящие в язык вместе с обозначаемым предметом или понятием либо создаваемые по аналогии с формами другого языка (значительную часть здесь составляют кальки);

б) слова, заимствованные без нового понятия, с целью дифференциации уже существующих слов.

Чисто языковые заимствования, в понимании ученого, представляют собой слова, созданные с использованием ресурсов древних языков. Кроме того, ученый различает заимствования:

1. по источнику (прямые и косвенные);
2. по составу (заимствованные слова или культурные заимствования);
3. по степени проникновения и характеру ассимиляции;
4. по особенностям семантических изменений, которые они претерпевают в системе языка-реципиента [Будагов, 1965, 129].

Существенно отличается позиция швейцарского лингвиста Ш. Балли, который выделяет два основных вида заимствований. Первый – это слова, заимствованные без изменений; такие единичные заимствования «обычно ассимилируются языком в целом, их произношение приводится в соответствие с фонологической системой, а значит “приноравливается” к словам, с которыми они ассоциируются». Второй тип – многочисленные заимствования одного происхождения, которые образуют структурно однородную группу и «дают заимствующему языку формативные элементы (основы, префиксы, суффиксы, типы словосочетаний)» [Балли, 2002, 348]. Исследователь также подчеркивает, что заимствования «вопреки всему, подчиняются основным и в тоже время, противоположным законам того и другого языков» [Балли, 2002, 349], что подчеркивает их двойственную природу.

В немецкой лексикологии широко распространена классификация, которая исходит из работ Бельца (1974) и развитая Кристине Ремер и Бригитте Мацке. Она предусматривает выделение четырех типов заимствований:

1. иностранные слова (Fremdwörter);

2. интернационализмы (Internationalismen);
3. освоенные заимствования, или заимствованные слова (Lehnwörter);
4. заимствованные формы и кальки (Lehnprägungen), включающие Lehnbildungen и Lehnbedeutungen [Römer, 2005].

Эта классификация объединяет как формальные, так и семантические параметры, и потому является одной из наиболее функциональных в германистике.

Продолжая обзор существующих классификационных моделей, необходимо выделить подход, предложенный М.В. Орешкиной, который представляет одно из наиболее современных и детализированных направлений в изучении лексических заимствований. В отличие от традиционных типологий, основанных преимущественно на степени освоенности или формально-семантических признаках, данная классификация ориентирована на конкретные механизмы проникновения и адаптации иноязычных элементов в русской языковой системе. К числу таких механизмов относятся:

1. прямое заимствование, предполагающее переход иноязычного слова или фразеологического оборота в новую языковую среду при сохранении его основных фонетических характеристик, например, *фильм* ← англ. *film*.

2. фонетическая (практическая) транскрипция, ориентированная на воспроизведение звучания слова средствами языка-реципиента, например, *парашют* ← фр. *parachute*.

3. транслитерация, представляющая собой побуквенную передачу графического облика иноязычного слова и противопоставляющаяся транскрипции, например, *гидальго* – *идальго*, *Ватсон* – *Уотсон* [в каждой паре первое написание соответствует принципу транслитерации, второе – принципу транскрипции].

4. калькирование, или скрытое заимствование, то есть создание слова или выражения из родных языковых элементов по иностранному образцу. М.В.Орешкина выделяет несколько типов калек:

- 1) словообразовательные кальки и полукальки, представляющие собой поморфемный полный или частичный перевод, например, *земледелие* ← лат. *agricultura*;

2) семантические кальки, при которых слово получает новое переносное значение под влиянием иностранного аналога, например, *мышь* как приспособление для управление курсором компьютера под влиянием англ. *mouse*; *утонченный, изысканный, изощренный'* под влиянием фр. *raffiné*;

3) фразеологические кальки, возникающие в результате пословного перевода устойчивых выражений, например, нем. *im Ganzenund Vollen* → *целиком и полностью*; англ. *bluestocking* → *синий чулок*;

4) ложные кальки, обусловленные ошибочной интерпретацией морфолого-семантической структуры иностранного слова, например, русское название растения аквилегия 'орлики' – является переводом лат. *aquilegia*, ошибочно воспринятого как производное от *aquila* - 'орел'.

Особое внимание исследователь уделяет явлениям лексико-семантической интерференции, сопровождающих процессы калькирования. Она проявляется в нарушениях сочетаемости (бледное содержание), замене не родных слов ('принести подарки из Москвы' вместо *привезти*), а также в смешении значений при близкородственном двуязычии (например, *было хорошее время* в значении 'погода'). В ряде случаев подобные семантические кальки рассматриваются как разновидности интерференции [Орешина, 2023, 155–157].

Лингвист В.В. Виноградов в своей работе «К истории лексики русского литературного языка» выделяет пять групп заимствований.

К первой группе относятся прямые заимствования, при которых слово функционирует в языке-реципиенте в приблизительно той же форме и с тем же значением, что и в языке-оригинале (англ. *boomerang* → исп. *bumerán'* бумеранг').

Вторую группу составляют кальки, то есть буквальный перевод морфологической структуры иноязычного слова или выражения (англ. *yellowpages* → исп. *páginasamarillas* 'желтые страницы')

К категории экзотизмов относятся слова, обозначающие культурные и национальные особенности иноязычного общества; такие единицы, как правило, не имеют синонимов в языке-реципиенте (англ. *software*, англ. *blues*).

Отдельную группу образуют иноязычные вкрапления – слова, употребление

которых обусловлено степенью владения говорящего иностранным языком (англ. *fashion* → исп. *fashionista* - 'мода').

Наконец, он выделяет слова-интернационализмы, представляющие собой общеупотребительные единицы в сфере науки, политики и культуры (англ. *briefing* → исп. *briefing* 'брифинг') [Виноградов, 1987].

Обобщая представленные в научной литературе классификации, можно отметить, что заимствованная лексика рассматривается исследователями как многоаспектное явление, описываемое с опорой на различные критерии. Ряд подходов ориентирован на степень освоения слова в языке-реципиенте (традиционное деление на усвоенные и чужие слова; модели Л.Р. Зиндера, Т.В. Строевой и Л.Ю. Гранаткиной), другие – на формально-структурные признаки и соответствие фонетическим и словообразовательным нормам (Д.С. Лотте, Р.А. Будагов, Ш. Балли). А также в современной типологии М.В. Орешкиной, детализирующей механизмы проникновения единиц (прямое заимствование, транскрипция, транслитерация, калькирование). Функциональный аспект заимствований отражен в классификации В.В. Виноградова, различающего прямые заимствования, кальки, экзотизмы, иноязычные вкрапления и интернационализмы.

Совокупность рассмотренных подходов подтверждает, что заимствованная лексика представляет собой структурно сложный пласт, включающий разные типы и способы проникновения и адаптации. Понимание этой внутренней неоднородности особенно важно при изучении функционирования заимствованных единиц в медиадискурсе, где они выступают одним из ключевых показателей его открытости и динамичности.

Одной из лексических характеристик медиадискурса является активное использование заимствованных единиц, способствующих расширению понятийного аппарата и отражающих процессы глобализации, международного сотрудничества и межкультурного взаимодействия. В современных исследованиях заимствованные слова рассматриваются как результат межъязыкового взаимодействия, при котором лексическая единица одного языка (языка-донора) усваивается другим языком (языком-реципиентом) и начинает функционировать в

его системе [Кожевникова, 2010, 222]. В современной лингвистической литературе термины «заимствованное слово» и «лексическое заимствование» употребляются неоднозначно. Так, Л.П. Крысин определяет «заимствованное слово» как «слово, вошедшее в лексическую систему языка-реципиента» [Крысин, 1968,106], подчеркивая тем самым его статус как результат процесса заимствования. В ряде работ термин «лексическое заимствование» используется для обозначения лексемы, пришедшей из языка-донора, и фактически сближается с термином «заимствованное слово» («...этот термин и термин “заимствованное слово” часто употребляются как синонимы» [Сенько, Чекоева, 2018,195]), тогда как в других исследованиях «лексическое заимствование» трактуется как «процесс возникновения в лексике языковой единицы вследствие взаимосвязи языков» [Саяхова, 2021,739]. В настоящей работе под «заимствованными словами» будут пониматься конкретные лексические единицы, перенятые из другого языка и функционирующие в системе языка-реципиента, а термин «лексические заимствования» используется для обозначения более широкого феномена, включающего как сами заимствованные лексемы, так и процессы их адаптации и интеграции, изменения их семантической структуры, стилистической характеристики и частоты употребления.

Установив различия между понятиями «заимствованные слова» и «лексические заимствования», необходимо обратиться к более широкому термину – «заимствованные единицы», который используется в лингвистике для обозначения различных элементов, входящих в язык из внешних источников. В традиционной трактовке под заимствованными единицами понимаются, прежде всего, элементы словаря и структуры, переходящие из одного языка в другой. Так, Н.М. Шанский подчеркивал: «заимствованные слова – это слова, вошедшие в язык из других языков» [Шанский, 1972, 103], фиксируя тем самым статус таких единиц как результата межъязыкового переноса. Сходную позицию занимает С.И. Ожегов, определяя заимствование как «перенесение в данный язык слова, выражения или грамматической формы из другого языка» [Ожегов, 2010]. Эти формулировки свидетельствуют о том, что объектом заимствования могут быть не только

отдельные лексемы, но и более сложные языковые элементы. Общую направленность процесса подчеркивает мысль А.А. Реформатского о том, что «лексика языка является наиболее подвижной его частью, открытой для пополнения за счет заимствований» [Реформатский, 1996], что позволяет рассматривать заимствованные единицы как структурно значимый компонент словарного состава языка.

Одной из наиболее распространенных категорий в описании заимствованной лексики являются заимствованные слова, или собственно этимологические и общеупотребительные заимствования. М.В. Орешкина определяет их как «полностью освоенные заимствующим языком (в фонетическом, графическом, грамматическом и семантическом отношении) слова, которые не воспринимаются носителями как иностранные, обозначают общераспространенные реалии, их иноязычное происхождение можно обнаружить лишь с помощью этимологического анализа, они зафиксированы толковыми словарями» [Орешкина, 2023, 157]. Такое понимание подчеркивает, что данная группа включает единицы, прошедшие полную адаптацию и ставшие неотъемлемой частью лексической системы языка-реципиента, утрачивая признаки иноязычности в повседневной коммуникации.

Обобщая авторитетные определения, можно заключить, что термин «заимствованные единицы» охватывает все элементы языковой системы, перенесенные из других языков и получившие функциональное закрепление в речи. Эти единицы могут представлять собой как отдельные слова, так и устойчивые выражения, грамматические формы и иные структурные элементы, пришедшие в язык в результате межъязыкового и межкультурного взаимодействия. Приведенные формулировки авторитетных исследователей позволяют использовать данный термин в широком научном смысле, опираясь на общепризнанные принципы лексикологии и теории языковых контактов.

Переходя от общего определения «заимствованных единиц» к более узким терминологическим категориям, необходимо уточнить содержание понятий, традиционно используемых для описания лексики внешнего происхождения. В современной лингвистике такие термины, как «иностранное слово», «иноязычное

слово» и «слово иноязычного происхождения», нередко употребляются как сходные, однако их семантические границы не совпадают. Опираясь на лексикографическую традицию, можно установить как общие черты, так и принципиальные различия между ними.

Понятие «иностранный язык» трактуется в словарной традиции как «слово, принадлежащее другой языковой системе». В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова содержится следующее определение: «Иностранный язык – слово, принадлежащее иностранному языку» [Ожегов, Шведова, 2010]. Это определение подчеркивает внешний статус слова и фиксирует его принадлежность другому языку, независимо от того, используется ли оно в русском языке или остается элементом иной языковой системы.

Близким, но не тождественным является термин «иноязычное слово», который в словарной традиции связывается, прежде всего, с употреблением слова в русском языке при сохранении признаков чуждости. В Большом толковом словаре Д.Н. Ушакова приводится следующее определение: «Иноязычный – чужой по языку; относящийся к чужому языку» [Ушаков, 1935–1940]. Из этого определения следует, что иноязычное слово — это слово чужого языка, функционирующее в русском, но сохраняющее формы или признаки иной языковой системы. Оно уже находится внутри русского языка, но воспринимается как «чужое».

Более широким является понятие «слово иноязычного происхождения», которое фиксирует историческую природу слова. В Толковом словаре Т.Ф. Ефремовой приводится следующее определение: «Иноязычный: происходящий из иностранного языка» [Ефремова, 2006].

Таким образом, под словом иноязычного происхождения понимается любая лексема, заимствованная из другого языка в какой-либо период истории, вне зависимости от ее современного статуса. Многие такие слова утратили ощущение «чуждости», например, *книга*, *окно*, *письмо*, но продолжают считаться словами иностранного происхождения, поскольку их этимология восходит к внешним языковым источникам.

Сопоставление этих трех понятий позволяет выявить их различия.

«Иностранное слово» относится к элементу, принадлежащему другому языку; «иноязычное слово» представляет собой слово чужого языка, функционирующее в русском и сохраняющее признаки чуждости; «слово иноязычного происхождения» описывает этимологическую историю слова, включающую как освоенные, так и неосвоенные заимствования. Таким образом, различия понятий отражают разные уровни включенности лексической единицы в систему русского языка: от внешней принадлежности – через частичную адаптацию – к полному освоению при сохранении иностранного происхождения.

Таким образом, лексические особенности медиадискурса во многом определяются характером и степенью присутствия заимствованных единиц, отражающих процессы межъязыкового и межкультурного взаимодействия. Рассмотренные в разделе подходы к трактовке понятий «заимствованные слова», «лексические заимствования», «иностранное слово», «иноязычное слово» и «слово иноязычного происхождения» показывают, что данные термины фиксируют разные уровни адаптации и интеграции внешних элементов в систему русского языка. Уточнение содержания этих понятий и анализ их соотношения позволяют сформировать теоретическую основу для дальнейшего исследования динамики заимствованной лексики в медиатекстах и обеспечить корректность последующего сопоставительного анализа.

Выводы по главе I

Понятие «дискурс» имеет большой вариатив трактовок, что обусловлено разнообразием подходов к его изучению. В современном научном знании дискурс приобретает особую значимость в различных областях знания – культуре, политике, истории, лингвистике, философии и др. Интерпретация этого понятия во многом зависит от дисциплинарного контекста, в рамках которого оно используется.

В языкознании дискурс рассматривается с учетом социальных условий и коммуникативного контекста, в котором разворачивается речевое взаимодействие. Он акцентирует внимание на динамическом характере языковой коммуникации и играет важную роль в интерпретации речи с учетом лингвистических параметров.

Медиадискурс определяется как совокупность процессов и результатов речевой деятельности в сфере масс-медиа, включая специфику их организации и координации в условиях медийной среды. В разные периоды развития медиадискурса выделялись такие разновидности, как газетный дискурс, радиодискурс, телевизионный дискурс и интернет-дискурс. Цели медиадискурса: описание и интерпретация событий действительности, выявление актуальных социальных и политических проблем, регулирование общественной деятельности, формирование общественного мнения, а также оценка происходящего и прогнозирование возможного развития событий. Медиадискурс отличается широким охватом аудитории, оперативностью распространения информации и способностью эффективно организовывать коммуникацию между институтами массовой информации и обществом. В своей структуре медиадискурс сопряжен с другими типами дискурса – культурным, экономическим, политическим и иными, с которыми он находится в тесной взаимосвязи, что проявляется как в содержательном, так и в лексико-стилистическом аспектах медиатекстов.

В ходе исследования было выявлено, что в настоящее время не существует единого общепринятого определения понятия «медиадискурс». В современной лингвистике он трактуется с учетом не только текстовой компоненты, но и экстралингвистических факторов, необходимых для адекватного понимания

смысла высказывания – социокультурных, паралингвистических, психологических компонентов, а также авторских интенций.

Медиадискурс реализуется в корпусе медиатекстов, к числу значимых характеристик которых относятся их общие языковые особенности, а также конкретные лексические, синтаксические, стилевые и коммуникативно-прагматические черты. Лексическая система медиадискурса выступает наиболее чувствительным индикатором социальных и технологических изменений. Одной из лексических характеристик медиадискурса является активное использование заимствованных единиц, способствующих расширению понятийного аппарата и отражающих процессы глобализации, международного сотрудничества и межкультурного взаимодействия. Активное заимствование лексики представляет собой один из системообразующих факторов, формирующих динамичный характер медиадискурса, поэтому важно разграничить понятия «заимствованные слова», «лексические заимствования», «иностранный язык», «иноязычное слово» и «слово иноязычного происхождения». Данные термины фиксируют разные уровни адаптации и интеграции внешних элементов в систему русского языка.

По мнению лингвистов, основным каналом фиксации и распространения заимствований в современном языке выступают средства массовой информации, поскольку они стремятся использовать лексику, отражающую актуальные реалии, и систематизируют ее по тематическим полям. Исходя из этого, задачей настоящего исследования является анализ особенностей употребления заимствованной лексики в медиадискурсе как наиболее динамичной и репрезентативной речевой среды, фиксирующей процессы заимствования и способствующей кодификации новых единиц в языке.

ГЛАВА II. ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ В 1950–2023 ГОДЫ

В данной главе рассматривается специфика функционирования заимствованной лексики китайского происхождения в русском медиадискурсе в период с 1950 по 2023 год. На основе анализа медиатекстов выявляются характерные черты употребления таких единиц, их адаптация к русской языковой системе, а также тенденции в динамике и прагматике их функционирования. В центре внимания – медиатексты как отражение социокультурных и политических изменений, способствующих проникновению китайских заимствований в русскоязычную коммуникацию. Структура главы охватывает лексические особенности русского медиадискурса, конкретные примеры заимствований, их классификацию, а также статистические и прагматические изменения, происходившие в процессе их интеграции.

2.1. Лексические особенности русского медиадискурса

В последние годы в российской лингвистике наблюдается заметный рост интереса к языковым особенностям медиадискурса, что связано с его возрастающим влиянием на различные сферы общественной жизни. В современном медиа пространстве медиадискурс реализуется в различных формах, основными из которых являются телевидение; радио; печатные издания, например, газеты, журналы и др.; и Интернет. Его тематическое многообразие охватывает все основные сферы общественной и повседневной жизни: политику, экономику, культуру, образование, спорт, науку и технику и др.

Для изучения лексических особенностей русского медийного дискурса, прежде всего в области употребления лексики иностранного происхождения, необходимо определить исторические этапы, в течение которых медиадискурс на русском языке подвергался значительным трансформациям.

1. Первый период приходится на 1950 – 1985 годы. После победы в

Великой Отечественной войне в стране господствовала идеология Коммунистической партии Советского Союза. В советский период средства массовой информации служили инструментом трансляции государственной политики, а их деятельность находилась под жестким контролем государства – медиадискурс этого времени отличался регламентированностью и устойчивостью. Однако с началом перестройки в 1985 году начались заметные изменения, которые затронули и язык медиа.

Лексика медиатекстов этого периода в основном отражает специфику советского времени и включает слова с выраженной идеологической окраской (*партия, социализм, коммунизм, ударник*), политическую терминологию (*Совет народных депутатов, Госкомитет, комсомол*), военную и патриотическую (*герой Советского Союза, защитник Родины, фронтовик*), экономическую (*плановое задание, нормативы, индустриализация*), научно-техническую лексику (*спутник, инновации*) и лексику, связанную с культурой и социальной сферой (*социальная справедливость, культурное строительство, воспитание молодежи*). В тот период немногочисленная лексика иноязычного происхождения, встречающаяся в медиатекстах, была заимствована в основном из европейских языков. К примеру, «холодная война» от англ. *cold war*, «космонавт» от греч. *kosmosnautes* и «детанта» от фран. *détente* [Лю, 2022, 35]. Более того, в анализируемый период появляются слова, заимствованные из китайского языка: *маоизм* – 毛主义 – «идеология Мао Цзэдуна»⁵, *чанкайшист* – 蒋介石分子 – «сторонник Чан Кайши»⁶, *сяоцзыбао* – 小字报 – «малострочная газета или агитационный плакат периода Культурной революции»⁷, *тофу* – 豆腐 – «традиционный китайский соевый продукт»⁸.

2. Второй период относится к 1985 – 1991 годам. 11 марта 1985 года М.С. Горбачев, избранный Генеральным секретарем Центрального комитета КПСС, объявил о начале перестройки. Среди его инициатив были в том числе повышение

⁵ Цель наша и у всех народов мира // Правда. – 1968. – 09 июня. – №161.

⁶ Провокации чанкайшистских формирований в Тайваньском проливе усиливаются // Советская Россия. – 1962. – 14 июля. – №163.

⁷ «Сяоцзыбао» как средство внутрипартийной борьбы в Китае // Труд. – 1970. – 22 сентября. – №225.

⁸ Китайская национальная кухня: традиции и современность // Литературная газета. – 1978. – 03 ноября. – №44.

прозрачности управления страной и либерализация публичных высказываний.

Лексические особенности медиадискурса этого периода обусловлены постепенным освобождением от жестких идеологических рамок и тематической предопределенности. Лексические новации отражали ослабление идеологической риторики и изменения в общественно-политической жизни страны. В медиатекстах появились новые лексические единицы, связанные с процессами демократизации (*свобода слова, открытость, критика системы*), социальными трансформациями (*социальные проблемы, права человека, социальная справедливость*), с политическими (*демократизация, многопартийность, народные депутаты*) и экономическими реформами (*рынок, кооперативы, частная собственность*), а также с актуализацией национальной тематики (*суверенитет, национальное самоопределение, конфликт*) [宋晓亮, 2017, 102].

В этот период в медиатекстах появляется много заимствованных слов, прежде всего из английского языка (например, «бизнес» – от *business*, «брифинг» – от *briefing*). Как отмечает Л.П. Крысин, 1990-е годы стали периодом особенно активного проникновения англицизмов в русский язык [Крысин, 1998, 45], а также из китайского (например, *ушу* – 武术 – «традиционное китайское боевое искусство»⁹, *кунг-фу* – 功夫 – «форма боевых искусств и самосовершенствования»¹⁰, *пиньин* – 拼音 – «система латинской транскрипции китайских иероглифов»¹¹) и др., которые получают широкое распространение в СМИ.

3. Третий период очерчивается рамками 1991 – 2000 годов. 25 декабря 1991 года, после распада Советского Союза, Б.Н. Ельцин сменил М.С. Горбачева на посту главы государства и стал первым президентом Российской Федерации. В ходе президентской деятельности он использовал опыт западной либерально-демократической политической системы и положил тем самым начало экономической политике свободного рынка. В этот период медиа получили независимость от государственного контроля, люди стали свободно высказываться

---

⁹ Ушу как упражнение в СССР // Известия. – 1987. – 11 декабря. – №345.

¹⁰ Мастера китайского кунг-фу выступили в Москве // Советская культура. – 1987. – 18 сентября. – №109.

¹¹ Пиньин как основа современной китайской орфографии // Известия. – 1989. – 12 апреля.

в СМИ.

Для медиатекстов данного периода характерно лексическое разнообразие, обусловленное развитием рыночной экономики (*приватизация, акционерное общество, инвестиции, биржа*), формированием новой политической терминологии, связанной с демократическими институтами (*Госдума, президент, оппозиция, правительство*), усилением внимания к социальной проблематике (*пенсия, безработица, бедность, льготы*), распространением международной лексики (*глобализация, международные отношения, Всемирный банк*), а также активным употреблением слов, связанных с правовой сферой (*право, закон, конституция, судебная реформа*) и криминальной тематикой (*мафия, рэкет, коррупция, преступность*) [贾冬雪, 2016, 54].

В связи с ориентацией России того периода на опыт западных стран в медиатекстах появляется лексика, заимствованная из англоязычного пространства – прежде всего из США – вместе с обозначаемыми ею реалиями. Среди них большой пласт слов, связанных с развивающейся интернет-индустрией (например, *браузер* и *Интернет* от *browser* и *Internet*) [Зорина, 2018, 5–14]. Следует отметить, что в 1990-е годы в русских медиатекстах используются немногочисленные китайские заимствования, такие как *путунхуа* – *普通话* – «нормативный китайский язык»¹², *тайцзицюань* – *太极拳* – «традиционное китайское боевое искусство, известное как тайцзи»¹³ и др.

4. Четвертый период приходится на 2000 – 2023 годы. 31 декабря 1999 года Б.Н. Ельцин внезапно объявил об отставке, и с этого момента в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации В.В. Путин стал исполнять обязанности президента. 26 марта 2000 года В.В. Путин победил на президентских выборах, после чего в России начался новый этап политического развития, ознаменованный поиском собственного пути и установления сотрудничества с Востоком и коллективным Югом. В этот период продолжают функционировать федеральные государственные СМИ, такие как «Первый канал» и «Россия-24», а

---

¹² Праздник революционного потребления // Известия. – 2002. – 30 сентября.

¹³ Ушу: «длинный кулак» или плетка? // Аргументы и факты. – 2002. – 08 февраля.

также появляются новые государственные медиаструктуры, позиционирующие себя как международные информационные агентства – «Россия сегодня» и «Спутник». Язык российских СМИ приобретает черты институциональной риторики, ориентированной на освещение широкого спектра социально-политических процессов, преимущественно с позиций, отражающих официальную точку зрения.

Лексика российских медиатекстов этого периода отражает поступательное развитие страны в политической, экономической, социальной и культурной сферах, а язык СМИ заметно трансформируется, демонстрируя адаптацию к новым общественным реалиям. В качестве специфической лексики этого периода можно выделить следующие словарные группы: политическая лексика, отражающая функционирование государственной власти (*суверенная демократия, вертикаль власти, губернатор*), экономическая (*импортозамещение, санкции, валюта*); социальная (*пенсионная реформа, социальная поддержка, образовательные стандарты*), лексика, отражающая внешнюю политику и международные отношения (*многополярный мир, гибридная война, национальная безопасность*), связанная с цифровыми технологиями (*цифровизация, искусственный интеллект, социальные медиа*), экологическая (*устойчивое развитие, углеродный след, зеленая энергетика, климатические изменения*), а также культурная и спортивная лексика (*культурное наследие, чемпионат мира, мировая сцена*) [贾冬雪, 2016, 61].

Среди указанных слов значительное число заимствованных единиц, преимущественно из английского языка (например, *модернизация* от англ. *modernization*) [Крысин, 2004, 215–216]. Вместе с тем в рассматриваемый период фиксируются и слова украинского происхождения, в частности Евромайдан (от укр. Євромайдан), получившие широкое распространение в медиадискурсе 2013–2014 гг. Кроме того, заимствование осуществляется из китайского языка, например, *один пояс – один путь – 一帶一路* – «глобальная инициатива Китая по развитию инфраструктуры и торговых связей»¹⁴, *тайконавт – 太空员* – «китайский

---

¹⁴ «Газовая мышеловка» для Ашхабада // Правда. – 2023. – 07 декабря. – №134.

космонавт»¹⁵, *Таобао* – 淘宝 – «крупнейшая китайская онлайн-торговая платформа»¹⁶, *Бэйдоу* – 北斗 – «китайская навигационная спутниковая система»¹⁷.

Лексические особенности медиадискурса отражаются в использовании слов определенных тематических областей: политики (*президент, премьер*), экономики (*рыночная экономика, ВВП*), культуры (*экспозиция, хип-хоп*) и образования (*магистратура, кандидат*), спорта (*бейсбол, Олимпиада*), здравоохранения и медицины (*страхование, COVID-19*) и т. д. В медиадискурсе также используются слова и словосочетания, относящиеся к сфере функционирования СМИ (*реклама, сведения, массовая коммуникация, интернет-коммуникация, федеральное издание* и т. д.). В журналистских текстах звучат имена собственные (*Путин, Пекин, Вашингтон*) и аббревиатуры (*СССР – Союз Советских Социалистических Республик; СНГ – Содружество Независимых Государств; СМИ – средства массовой информации; РАН – Российская академия наук*) [李佳, 2015, 71].

В языке СМИ широко используются устойчивые выражения и афоризмы (*яблоко раздора*¹⁸, *на злобу дня*¹⁹, *посыпать голову пеплом*²⁰). Кроме того, для создания выразительности и эмоциональной окраски применяются метафоры (*окно в Европу*)²¹, эпитеты (*золотые руки*)²², риторические вопросы (*Что поможет Вам на пути к Вашей цели?*)²³, ирония (*На чемпионате Европы по самому «нашему» виду спорта Россия не выиграла «золота». Такого закономерного провала еще не было*)²⁴, фразеологические обороты (*играть первую скрипку, присутствие духа*)²⁵, каламбуры (*Век живи – век трудись*)²⁶, пословицы (*Всяк правду ищет, да не всяк ее творит*)²⁷. Отдельный пласт лексики СМИ составляют заимствованные слова, о

---

¹⁵ Великий китайский поход // Известия. – 2003. – 15 октября.

¹⁶ Клубы РФПЛ вышли из отпуска // Известия. – 2018. – 10 января.

¹⁷ Китай запустил девятый спутник системы глобальной навигации // Коммерсант. – 2011. – 28 июля.

¹⁸ Яблоки раздора // Огонек. – 2014. – 25 августа.

¹⁹ На злобу дня // Труд. – 2005. – 12 марта.

²⁰ Посыпать голову пеплом // Независимая газета. – 2011. – 18 ноября.

²¹ Окно в Европу // Российская газета. – 2010. – 7 июля. – № 151(5214).

²² Золотые руки // Труд. – 2003. – 3 мая.

²³ Интервью с маршалом Жуковым // Правда. – 1966. – 9 авг.

²⁴ Чемпионат // Независимая газета. – 2007. – 29 янв.

²⁵ Сюрпризы зари // Правда. – 1970. – 5 янв.

²⁶ Россия после начала кризиса // Свободная республика. – 2008. – №9.

²⁷ Пять неожиданных концовок известных пословиц // Аргументы и факты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aif.ru/society/education/ne_plyuy_v_kolodec_pyat_neozhidannyh_koncovok_izvestnyh_poslovic

которых речь пойдет ниже. Таким образом, на рассматриваемом временном отрезке с 1950 по 2023 год в истории СССР и позднее Российской Федерации можно выделить четыре периода, значимых с точки зрения политического устройства и общественной жизни. Каждый из них отличается характерной спецификой, в том числе в области лексических трансформаций медиадискурса.

В 1950 – 1985 годы лексика медийных текстов формировалась под значительным воздействием коммунистической идеологии. Это выражалось в активном употреблении лексем, отражающих партийные лозунги и марксистско-ленинскую терминологию. СМИ широко использовались в целях пропаганды и агитации, что находило отражение в частотности слов, связанных с политическими и экономическими достижениями Советского Союза. Основным источником заимствований, использовавшихся в этот период в советских журналистских текстах, выступал английский язык; кроме того, встречались заимствования из других европейских языков, а также – хотя и в ограниченном количестве – из китайского.

В 1985 – 1991 годах в советских средствах массовой информации появляются новые лексемы, отражающие начало реализации курса на гласность и перестройку, провозглашенного М.С. Горбачевым. Ослабляется идеологическая цензура, появляется лексика, с помощью которой выражается критическая по отношению к государственным структурам и политическим процессам направленность медийных текстов. В них по-прежнему преобладают заимствования из английского языка, в то время как доля лексики, заимствованной из других европейских языков и китайского, заметно снижается.

В 1991–2000 годы политические и экономические преобразования, последовавшие за распадом СССР, обусловили появление новой лексики, связанной с рыночной экономикой, демократическими институтами и реформами. Расширение информационного пространства за счет частных и коммерческих СМИ повлияло на стилистику медийных текстов, в которых возросла доля разговорной, экспрессивной и массовой лексики. Основным источником заимствований остается английский язык, однако в этот период отмечается и рост числа заимствований из

китайского языка.

В период с 2000 по 2023 год в российском медиадискурсе фиксируется активное употребление слов, связанных с государственной безопасностью и стабилизацией политической обстановки. Кроме того, распространение онлайн-медиа и социальных сетей способствует появлению нового словаря, связанного с цифровыми технологиями и коммуникациями. Что касается лексики иностранного происхождения, то в этот период главным ее источником неизменно остается английский язык, а также растет количество заимствований из китайского языка.

Таким образом, лексические особенности российских СМИ за период с 1950 по 2023 год отражают ключевые исторические события и социальные трансформации в стране: от идеологизированного и нормативно регламентированного языка советского периода к либеральному, прагматичному и стилистически разнообразному языку постсоветского этапа и современной России.

2.2. Особенности употребления лексических заимствований в русских медиатекстах с 1950 по 2023 год

На различных этапах своего развития русский язык принимал большой объем иностранных слов, которые со временем настолько прочно интегрировались в языковую систему, что их иноязычное происхождение зачастую уже не осознается носителями. Процесс заимствования всегда происходит в контексте определенных исторических условий и, как правило, он связан с общественно значимыми политическими событиями. По мере изменения социокультурной и политической обстановки трансформируется и лексический состав языка, последовательно пополняясь иноязычными лексическими единицами. При этом ряд заимствований, некогда активно использовавшихся, со временем устаревает и исчезает из употребления, что свидетельствует о естественной способности языка избавляться от нефункциональных элементов. В то же время некоторые заимствованные слова, ранее почти вышедшие из активного употребления, на следующем историческом этапе могут возвращаться в язык, при этом нередко с измененной семантикой или

стилистической окраской.

Заимствование слов, выражений и фраз из других языков может осуществляться как устным путем – через непосредственное общение с носителями иностранного языка, так и письменным – посредством обращения к официальным документам, научной литературе, популярным изданиям и другим письменным источникам.

2.2.1. Китайские лексические заимствования в русских медиатекстах: особенности употребления

В настоящем разделе на материале газет «Правда» и «Известия» в их бумажной и электронной версиях за период с 1950 по 2023 год анализируются источники заимствований из китайского языка, особенности их адаптации в русском как языке-реципиенте, а также их стилистические характеристики и прагматические функции в медиатекстах. В ходе исследования было проанализировано 874 статьи и новостных сообщения, опубликованных в указанных изданиях, в которых были выделены 45 лексических единиц китайского происхождения, устойчиво функционирующих в русских медийных текстах.

Вскоре после основания газета «Правда» стала официальным печатным органом Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). Она служила основным средством пропаганды партийной линии и социалистических идеалов. В газете освещались достижения советского государства в таких сферах, как экономика, наука, культура, спорт и т. д. После распада СССР и ликвидации КПСС газета утратила статус официального органа партии, но продолжила свое существование. Сегодня «Правда» является официальным печатным органом Центрального комитета Коммунистической партии Российской Федерации. Издание последовательно отражает идеологические установки КПРФ и публикует материалы, отражающие позицию партии по ключевым вопросам внутренней и внешней политики.

Языковая специфика публикаций «Правды» проявляется в преобладании формальной и официальной тональности, подчеркивающей авторитетность и значимость издания, а также в активном использовании идеологически маркированной лексики, связанной с коммунистической доктриной (например: *пролетариат, буржуазия, товарищ*).

Газета «Известия», основанная как печатный орган Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, в 1938 году получила статус официального издания Верховного Совета СССР, сохранив при этом роль одного из ведущих печатных органов страны. Основное внимание авторы журналистских материалов уделяли внутренним и международным событиям, экономическим достижениям, научно-техническому прогрессу, вопросам культуры и международной политики. После распада Советского Союза «Известия» утратили статус официального органа государственной власти и стали независимым изданием, успешно адаптировавшимся к условиям рыночной экономики. В настоящее время газета продолжает выходить как в России, так и в странах СНГ, сохраняя статус одного из ведущих общенациональных изданий. Таким образом, газета «Известия» представляет собой значимый источник информации и аналитического осмысления происходящих событий, сочетая объективность в подаче материалов с глубиной анализа и высоким уровнем языковой культуры.

Перейдем к рассмотрению этапов употребления заимствованной лексики в российском медиадискурсе на материале указанных периодических изданий за 1950 – 2023 годы.

1. Период советско-китайского всестороннего сотрудничества с 1950 по 1960 год.

С октября 1949 года, когда в Китае к власти пришла коммунистическая партия, государственные отношения между Советским Союзом и КНР были дружественными, что способствовало многоплановому сотрудничеству, оба государства активно взаимодействовали по целому ряду направлений, в частности в военной, экономической и политической сферах. В 1950 году СССР и КНР подписали «Китайско-советский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи»,

который укрепил союз между двумя странами. В это время СССР оказывал Китаю большую экономическую и техническую поддержку, чтобы помочь в осуществлении индустриализации, особенно в области тяжелой промышленности и в развитии инфраструктуры. Кроме того, с целью укрепления китайской армии Советский Союз предоставил Китаю передовые военные технологии. Наконец, в этот период усиливаются культурные и образовательные контакты между двумя странами. В течение десяти лет Советский Союз направлял в Китай значительное число специалистов с целью подготовки китайского технического персонала, а также укрепления взаимопонимания и развития двустороннего сотрудничества.

Важно отметить, что в 1950-е годы обе страны особенно активно взаимодействовали в общественно-политической, промышленной, научно-образовательной, технологической, культурной и бытовой сферах. Это стало причиной того, что в русском медиадискурсе появились китайские заимствованные лексемы. На страницах газет «Правда» и «Известия» в описываемый период встречается 12 слов китайского происхождения, среди которых, например, такие, *маоизм* – 毛主义 – «система взглядов, проявлявшаяся в политике руководства Китая во времена правления Мао Цзедунa в 50–60-е годы XX в.» [Ефремова, 2006, 491], *ципао*²⁸ – 旗袍 – «традиционное китайское женское платье, символизирующее национальную идентичность и культуру, получившее известность в СССР как элемент экзотической восточной моды» [Белявский, 2004], *бумажный тигр* – 纸老虎

---

²⁸ В период с 1950 по 1960 гг.

Культурные традиции Китая на выставке в Москве // Известия. – 1957. – 12 мая. – № 111.

*Из контекста публикации: «Особый интерес вызвала коллекция женской национальной одежды, среди которой выделяется традиционное китайское платье «ципао», выполненное из ярких тканей с изящной вышивкой. Представители китайской делегации отметили, что ципао соединяет в себе элементы старинных ремесел и современного кроя, демонстрируя стремление китайских мастериц к обновлению народных художественных традиций».

В период с 1960 по 1989 гг.

Участие КНР в Парижской международной женской ярмарке // Известия. – 1985. – 26 октября. – № 299.

*Из контекста публикации: «На только что завершившейся 50-й Международной женской ярмарке в Париже Китайская Народная Республика впервые представила свою коллекцию изделий индустрии моды. Экспозиция включала ципао, современные платья и другие образцы женской одежды – всего девяносто четыре комплекта, выполненные в шести тематических категориях».

В период с 1989 по 2023 гг.

Персонализированные туры набирают популярность // Правда. – 2019. – 2–5 августа. – №83.

*Из контекста публикации: «У нас клиенты с разными потребностями. Так, мы приняли заказ от одного дизайнера ципао, который хотел поехать в Японию за тканями. Некоторые туристы выбирают туры в южную часть Тихого океана, чтобы осуществить мечту о таинственном путешествии. Потребности наших клиентов разные, рыночное пространство персонализированных туров огромное».

虎 – «о том, что не содержит явной, серьезной угрозы, представляет мнимую опасность для кого-л.» [Кузнецов, 2000, 1323].

Китайские слова, проникающие в русские медиатексты, претерпевают значительные изменения в фонетике, графике, грамматике и стилистике их употребления. Например, слово «маоизм», которое обозначает систему взглядов, проявлявшуюся в политике руководства Китая во времена правления Мао Цзэдуна в 1950 – 1960-е годы, представляет собой пример фонетико-словообразовательного заимствования и может быть охарактеризовано как полукалька. Лексема содержит заимствованный корень *-мао-* – 毛 – máo, соответствующий фамилии первого председателя КНР, однако не является калькой в строгом смысле термина, поскольку оформлена с помощью русской суффиксальной морфемы *-изм-*, функционирующей в системе русского словообразования и используемой для формирования абстрактных имен существительных мужского рода, обозначающих в том числе общественно-политические, философские учения и идеологические системы. В системе русского языка данная лексема относится к абстрактным существительным мужского рода с отвлеченным значением, оформленным по типу нулевого окончания. Она характеризуется отсутствием формы множественного числа, принадлежит к типу несклоняемых по числу имен и реализуется в речи через парадигму существительных первого склонения.

2. Период ухудшения советско-китайских отношений (1960–1989 годы)

После 1959 года недовольство Китая руководством и политикой Советского Союза привело к постепенному ухудшению отношений между двумя странами, кульминацией чего стали серьезные разногласия в 1960 году, положившие начало так называемому китайско-советскому расколу. Первоначально в конце 1950-х – начале 1960-х годов отношения между СССР и Китаем ухудшились из-за идеологических и политических разногласий; основными точками конфликта стала начатая Н.С. Хрущевым политика, направленная на преодоление культа личности И.В. Сталина и ликвидацию политической и идеологической системы, созданной в СССР в период его правления, а также критика Советского Союза со стороны китайского лидера Мао Цзэдуна, в особенности по вопросам идеологического

осмысления и стратегического видения перспектив социалистического строительства.

Враждебность между Китаем и Советским Союзом усилилась в 1969 году после начала конфликта на острове Дзамбо, когда на фоне холодной войны обострились пограничные споры между двумя сторонами. Советский Союз был обеспокоен разработкой ядерного оружия и военной экспансией Китая, которые, по его мнению, могли затронуть геополитические интересы страны Советов. Китай, со своей стороны, демонстрировал сильное неприятие советского влияния и гегемонии в международных делах, считая, что Советский Союз отошел от истинного марксизма-ленинизма.

В 1970-е годы Китай и СССР продолжали взаимодействовать в некоторых областях, например, в сфере экономики и культуры, но в целом отношения оставались напряженными. Только в конце 1980-х годов, когда к власти пришел М.С. Горбачев, Советский Союз приступил к проведению миролюбивой внешней политики, направленной на ослабление напряженности в отношениях с Китаем, и контакты между двумя государствами постепенно восстановились.

Несмотря на политическое, экономическое и культурное противостояние, диалог между странами не прерывался, о чем, в частности, свидетельствует наличие 10 лексических заимствований, зафиксированных в текстах газет «Правда» и «Известия», охватывающих различные тематические сферы. Например, в текстах советских журналистов в этот период встречаются китайские заимствования, такие как *хунвэйбин* – 紅衛兵 – «члены отрядов радикально настроенной молодежи, участвовавших в массовых кампаниях периода культурной революции²⁹ в Китае (1966–1976 гг.)» [Комлев, 2006, 722]; *дацзыбао* – 大字報 – «стенная газета, афиши (написанные от руки), листовки. Были распространены в Китае в 50–70-е годы XX в.» [Комлев, 2006, 944], *Великая пролетарская культурная революция* – 文化大革命 – «серия идейно-политических кампаний, развернутая Мао Цзэдуном

---

²⁹ Великая пролетарская культурная революция (1966–1976 годы) – политическая кампания, инициированная Мао Цзэдуном с целью устранения «буржуазных» элементов в китайском обществе и укрепления идеологии коммунизма. В ходе революции происходили массовые репрессии, преследования представителей интеллигенции, а также масштабное разрушение элементов традиционной культуры.

под лозунгом борьбы с “ревизионизмом” и “остатками буржуазии в партии, правительстве и армии”» [Большая российская энциклопедия, 2010, 318] и *Дунфанхун* – 东方红 – «первый спутник, запущенный по космической программе Китая» [Энциклопедия ньюсмейкеров: справки по новостным сюжетам, электронный ресурс].

В период обострения китайско-советских отношений китайские заимствования, попадающие в русские медиатексты, претерпели ряд фонетических, грамматических и семантических трансформаций. Так, китайская лексема *дацзыбао* является примером фонетического заимствования, в языке-реципиенте лексема сохраняет трехсложную структуру, аналогичную той, которую она имеет в языке-источнике. Гласные звуки в первом и третьем слогах прямо транскрибируются по правилам записи пиньин³⁰: во втором слоге [zi] произносится как [цзы]. Однако вместо последовательности трех слогов четвертого китайского тона в русском языке лексема получает ударение на третий слог. Первый слог *да* [dà] означает «большой», второй *цзы* [zi] переводится как «иероглиф» и последний *бао* [bào] – «газета», то есть буквальная семантика этого слова – «газета больших иероглифов». В русском языке оно относится к существительным, так как имеет значение предметности и приобретает формальное значение среднего рода (в начальной форме оканчивается на – о) и в русских текстах не изменяется по падежам и числам.

Китайское слово 红卫兵 [hóng wèi bīng] в значении «молодежные отряды, принимавшие участие в революции 1966 года» вошло в русский язык как *хунвэйбин* [Комлев, 2006, 944]. Представленное в китайском языке тремя иероглифами, в русском как в языке-реципиенте, оно трансформируется в одно слово. Рассматриваемая лексическая единица обладает характеристиками имени существительного: денотативно выражает предметность, морфологически маркирована мужским родом и склоняется по падежам и числам в соответствии с грамматической нормой современного русского языка. Однако если в китайском

---

³⁰ Пиньин – официальная система латинской транслитерации китайских иероглифов, принятая в Китае в 1958 году.

языке эта лексема многозначна, то в русский язык она заимствована в одном значении, как обозначение активных участников массовых политических акций периода Культурной революции. Таким образом, в русских медиатекстах рассматриваемого периода слово *хунвэйбин* используется преимущественно для описания молодежных формирований, участвовавших в борьбе с партийным аппаратом и интеллигенцией. Кроме того, в современных российских медиа это слово продолжает употребляться главным образом в историко-политическом контексте, связанном с периодом напряженности между СССР и Китаем.

3. Период нормализации и дальнейшего развития стратегических российско-китайских отношений с 1989 по 2023 год.

С приходом к власти М.С. Горбачева в марте 1985 года и в условиях масштабных политических преобразований в странах Центральной и Восточной Европы, а также активизации внутренних реформ в Советском Союзе, китайско-советские отношения начали демонстрировать тенденцию к улучшению. Несмотря на сохранявшиеся политические и идеологические разногласия, между двумя государствами постепенно восстанавливались экономическое и военное сотрудничество. Руководство СССР осознавало стратегическую значимость китайско-советского партнерства в условиях нарастающей геополитической конкуренции. После распада Советского Союза 25 декабря 1991 года двусторонние отношения трансформировались в китайско-российский формат.

На новом этапе взаимодействия внешнеполитические связи между Россией и Китаем не были прерваны, однако развивались в изменившихся политико-экономических условиях. В 1992 году был подписан «Договор о дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем», за которым последовали активные контакты на высшем уровне. Обе стороны декларировали приверженность принципам уважения государственного суверенитета, территориальной целостности и самостоятельного выбора пути развития.

С началом XXI века российско-китайские отношения вышли на новый уровень и стали характеризоваться комплексным характером. Страны добились значительного прогресса в торгово-экономическом и военно-техническом

взаимодействии, особенно в сфере энергетики. Осознание растущего глобального влияния Китая стало для России стимулом к углублению двустороннего сотрудничества. После 2014 года, в контексте украинского кризиса и ухудшения отношений России с Западом, сближение с Китаем приобрело особенно выраженный характер, что выразилось в подписании ряда ключевых соглашений в энергетической, научно-технической, оборонной и гуманитарной сферах.

Эти процессы нашли отражение в лексике российских средств массовой информации. В медиатекстах этого периода фиксируются 23 лексемы китайского происхождения, обозначающие реалии современной китайской действительности. Например, слово *тайконавт* (от кит. 宇航员 – «космонавт из Китая»), обозначающее китайского участника космических миссий: «*Китайская Народная Республика начала новый отбор тайконавтов (космонавтов) в количестве 17–18 человек. ОНИ ВОЙДУТ в третью группу наших тайконавтов. После всесторонних тренировок примут участие в будущих миссиях на китайскую космическую станцию*», – рассказал директор Китайского космического пилотируемого инженерного бюро (CMSEO) Ян Ливэй³¹, лексема *Changan*³² – 长安 – наименование китайской автомобилестроительной компании: «*В компании “Ирито” (дистрибутор Great Wall и Changan, эти компании имеют собственное производство в Липецкой области) сообщили, что в 2015 году планировали произвести примерно 20 тыс. автомобилей, но, судя по всему, эти планы также будут пересмотрены*», передающееся в русском языке через латинскую транслитерацию; а также *Чжаньэ*³³ – 嫦娥 – название китайского лунного зонда, адаптированное в русской графике по принципу фонетической передачи: «*Китайские луноход «Нефритовый заяц» и посадочный модуль «Чаньэ-3» благополучно пережили лунную ночь и на днях вышли из «спящего режима». Далее в заметке поясняется, что лунная ночь длится около пятнадцати земных суток, за это время температура на поверхности спутника опускается до экстремально*

---

³¹ Космос ждет тайконавтов // Правда. – 2018. – 15–16 мая. – №48.

³² Китайские автокомпании резко снизили сборку в России // Известия. – 2015. – 12 янв.

³³ «Чаньэ-3» сфотографировал Землю // Российская газета. – 2014. – 14 января.

низких значений. Пока аппараты находились в спящем режиме, специальные радиоизотопные источники поддерживали внутри отсеков с оборудованием приемлемую температуру». Все это примеры заимствований, зафиксированных в медиатекстах последнего этапа российско-китайских отношений.

Так, слово *тайконавт*, относящееся к новейшим заимствованиям, иллюстрирует активизацию аэрокосмического взаимодействия двух стран. Эта лексема представлена в русском языке в двух вариантах графического оформления: *тайконавт* и *тайкунавт*. Она восходит к китайскому выражению 太空员 [tài kōng yuán], где 太空 означает «космос», а 员 – морфологически служит суффиксом. В русском языке первая часть заимствованного слова *тайко-* сохраняет фонетическую близость к китайскому компоненту *тайкун*; вторая часть *-навт* замещает китайский суффикс *-юань* и представляет собой продуктивную словообразовательную модель в русском языке.

Таким образом, *тайконавт* является полукалькой, сочетающей фонетически переданный корень и традиционный аффикс, присущий русской словообразовательной системе. Морфологически *тайконавт* – это существительное мужского рода второго склонения, с нулевым окончанием, изменяющееся по числам и падежам.

На протяжении трех указанных этапов в русскоязычном медиадискурсе фиксируются заимствования из китайского языка, охватывающие политическую, экономическую, культурную и социальную лексику. Несмотря на периоды отчуждения, языковые контакты не прекращались, что подтверждается устойчивым, хотя и ограниченным, присутствием китайских слов в текстах российских СМИ. С углублением двустороннего взаимодействия китайские лексемы не только активизировались в употреблении, но и подверглись адаптации к нормам русского языка, демонстрируя разнообразные пути языкового освоения и отражая динамику межгосударственных отношений.

В следующем разделе будет рассмотрена классификация заимствованных единиц китайского происхождения и особенности их функционирования в русском медиадискурсе.

2.2.2. Классификация заимствованных единиц в русском медиадискурсе

Критерии классификации заимствованной лексики, выявленной в медиатекстах газет «Правда» и «Известия» за последние 75 лет, представлены ниже в контексте изучения ее функционирования в российском медиадискурсе.

А) По происхождению (по языку-источнику заимствования)

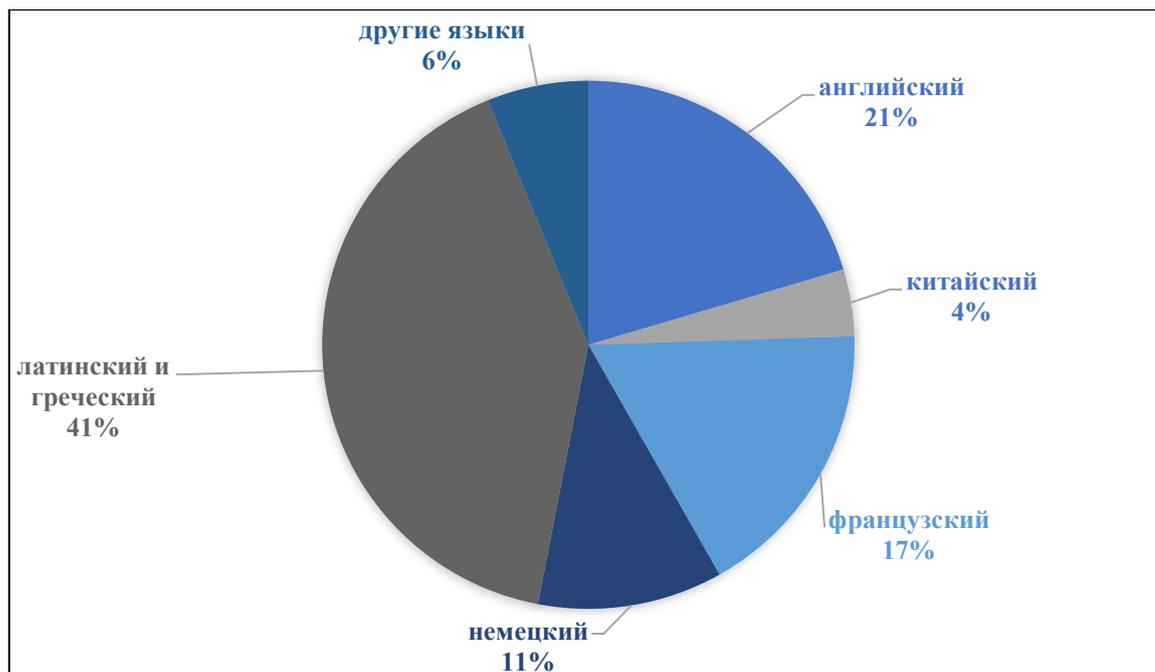

Рисунок 1. Распределение заимствованных слов по языкам-источникам в медиатекстах газет «Правда» и «Известия» (1950–2023 гг.)

С целью разработки классификации китайских заимствований, выявленных в корпусе медиатекстов газет «Правда» и «Известия» за 1950–2023 годы, была проведена классификация заимствованных единиц по языку-источнику. Всего было проанализировано 1 125 заимствованных слов. Как показывает диаграмма (см. Рисунок 1), наиболее значительная доля заимствований приходится на лексику греческого и латинского происхождения (41%), что отражает их фундаментальную роль в формировании научного, политического и культурного дискурса русского языка в целом. Заметную долю составляют также заимствования из английского (21%) и французского (17%) языков, при этом удельный вес англицизмов существенно возрастает в период после 1990-х годов, что связано с процессами глобализации и активным проникновением западной терминологии. Немецкий

язык является источником 11% изученных заимствований, что исторически обусловлено тесными научными и техническими связями России и Германии. Слова китайского происхождения составляют 4 % (45 единиц) от общей массы заимствованной лексики, что свидетельствует об устойчивом, хотя и ограниченном, лингвокультурном влиянии. Остальные языки в совокупности дают 6 % заимствованной лексики.

Интересно, в русскоязычных медиатекстах китайский язык занимает важное место среди источников лексических заимствований несмотря на существенные структурные различия между русским и китайским языками. Русский язык как флективный синтетический характеризуется развитой системой словоизменения, включающей категории рода, числа и падежа. В отличие от него, китайский язык принадлежит к изолирующему типу, в котором грамматические отношения выражаются посредством служебных слов, порядка слов и интонации, при минимальном использовании морфологических средств.

Дополнительным барьером для лексического заимствования служит несходство фонетических систем двух языков. Китайская фонология, основанная на системе тонов и обладающая специфическим звукорядом, существенно осложняет адаптацию китайских лексем в русской языковой среде, особенно в сфере медийного дискурса, где значимы как произносительная, так и графическая доступность заимствуемого материала.

Б) По способу заимствования

Посредством анализа 45 заимствованных из китайского языка слов, зафиксированных в текстах газет «Правда» и «Известия» за 1950–2023 годы, установлено, что почти все они пришли в тексты русских СМИ путем транскрибирования китайских звуков в русские. Например, такие нарицательные существительные, как *тофу* – 豆腐 – «пищевой продукт из бобов сои, напоминающий творог» [Кузнецов, 2000, 1335], *цигун* – 气功 – «комплекс традиционных китайских дыхательных, медитативных и двигательных практик, направленных на регулирование жизненной энергии 'ци'» [Большая российская энциклопедия, 2018, 54] и *эрху* – 二胡 – «китайский смычковый музыкальный

инструмент с двумя металлическими струнами» [Музыкальная энциклопедия, 1981, 27], заимствуются с помощью транскрипции.

Применение данного способа заимствования обусловлено рядом лингвистических и историко-культурных факторов, приведенных ниже.

1. Специфика китайской графической системы. Поскольку китайская письменность основана на иероглифах, которые не передаются с помощью буквенно-звуковой системы, при заимствовании на первый план выходит необходимость воспроизведения фонетической формы, а не графической. В этих условиях транскрипция выступает как наиболее функциональный и адекватный способ передачи китайских лексем в русском языке.

2. Историческая практика заимствования. Первые китайские заимствования начали проникать в русский язык еще в XVIII–XIX веках, в условиях ограниченных культурных контактов между двумя странами. При этом адаптация лексики осуществлялась, как правило, через языки-посредники – монгольский, японский или западноевропейские, – преимущественно по модели транскрипции. Такой подход способствовал упрощению произносительных усилий и обеспечивал более естественное включение заимствованных слов в систему русского языка. Например, такие лексемы, как *цяоцзы* (饺子) – «традиционные китайские пельмени из тонкого теста с различными начинками; одно из наиболее распространенных блюд северного Китая» [Пузиков, 2012, 52], *эрху* (二胡) – «китайский смычковый музыкальный инструмент с двумя металлическими струнами» [Музыкальная энциклопедия, 1981, 27] и *дао* (道) – «центральное понятие древнекитайской философии; означает “путь”, “способ”, “истинный порядок” или “естественный закон”, лежащий в основе мироздания и человеческого поведения; ключевое понятие даосизма и важная категория в конфуцианстве» [Филосовская энциклопедия, 1962, 323–324] были транскрибированы в соответствии с фонетическими возможностями русского языка, что облегчало их произношение для носителей.

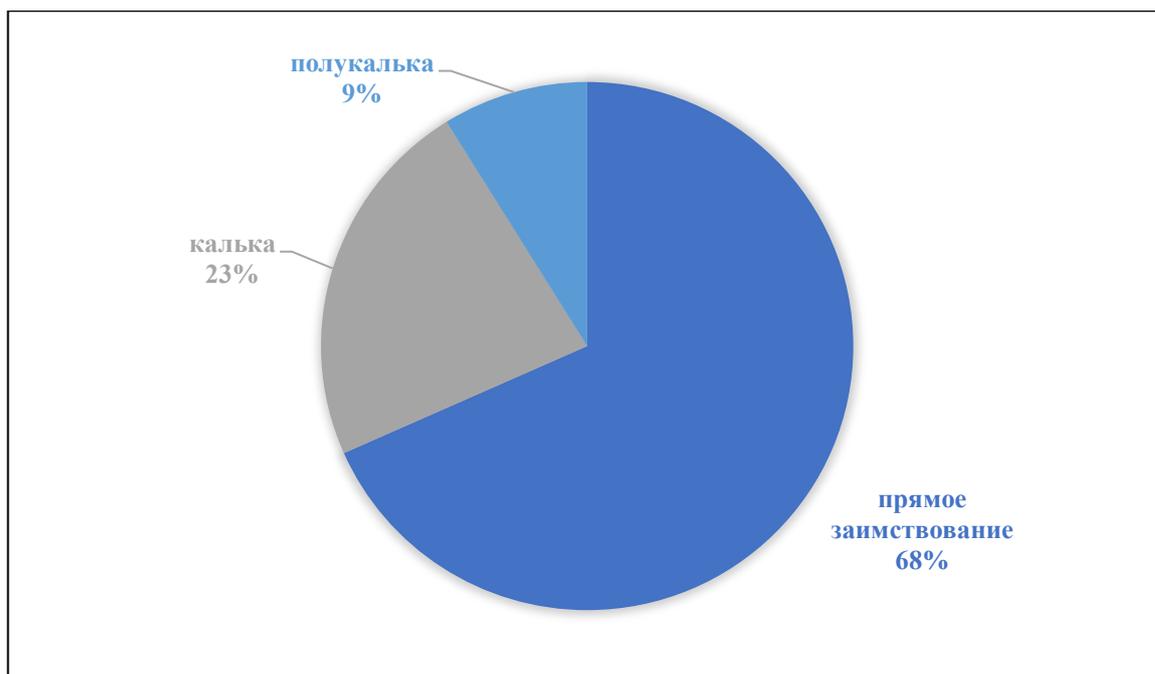
3. Отсутствие необходимости в точной передаче графической формы. В большинстве случаев заимствования из китайского языка в русском не требуют

воспроизведения каждого иероглифа или сохранения их письменного облика. Например, название города *Шанхай* транскрибируется в соответствии с его фонетическим восприятием, а не графическим написанием.

Таким образом, предпочтение транскрипции другим способам адаптации иноязычных лексем в русском языке объясняется в случае с китайскими заимствованиями стремлением максимально приблизить их русское звучание к оригинальной фонетической форме.

В) По способу грамматической адаптации

С этой точки зрения китайские заимствования, зафиксированные в русских медиатекстах, можно разделить на три основные группы: прямые заимствования (вкрапления), лексико-семантические кальки и полукальки, оформленные с использованием русских словообразовательных аффиксов.

Рисунок 2. Распределение китайских заимствований по способам грамматической адаптации (на материале газет «Правда» и «Известия», 1950–2023 гг.)

Посредством анализа 45 китайских заимствованных слов, выявленных в медиатекстах газет «Правда» и «Известия» за 1950–2023 годы, установлено, что наибольшую долю составляют прямые заимствования – 68 % от общего числа (см. Рисунок 2). Под прямыми заимствованиями здесь понимаются лексемы, заимствованные из китайского языка без словообразовательной переработки, с сохранением исходного фонетического облика. Такие лексические единицы

преимущественно относятся к сфере повседневных реалий, товаров, культурных понятий и активно функционируют в медийной коммуникации, особенно в контексте тем, связанных с образом жизни, бытом, культурой и социально-экономическими вопросами. Примеры таких слов: *жэньминьби* – 人民币 – «официальная валюта Китайской Народной Республики» [Крысин, 2006, 216], *дацзыбао* – 大字报 – «стенная газета, афиши (написанные от руки), листовки. Были распространены в Китае в 50–70-е годы XX в.» [Комлев, 2006, 944] и др.

Лексико-семантические кальки и полукальки гораздо менее распространены. Калькирование чаще встречается в письменном языке, а его основная сфера употребления – область политики и культуры. Такими кальками являются *Китайская Народная Республика* – 中华人民共和国 и *бумажный тигр* – 纸老虎 – в китайской традиции данная метафора обозначает человека или силу, кажущихся грозными, но фактически бессильных. Полукальки, заимствованные из китайского языка в русскоязычные медиатексты, как правило, подвергаются грамматической адаптации посредством присоединения русских словообразовательных аффиксов. Доля таких единиц относительно невелика, и их употребление ограничено преимущественно специализированными дискурсами, в частности в области политического анализа, идеологии и международных отношений. Примеры подобных полукалек: *тайконавт* – 太空员 – «китайский космонавт» [Мостицкий, 2005–2012], *маоизм* – 毛主义 – ««система взглядов, проявлявшаяся в политике руководства Китая во времена правления Мао Цзедунa в 50–60-е годы XX в.» [Ефремова, 2006, 491]. В русскоязычных медиатекстах подобные слова нередко используются в составе словосочетаний, таких как *маоистское движение* или *программа подготовки тайконавтов*.

Распространение различных грамматических типов заимствований в русскоязычных медиатекстах – прямых заимствований, лексико-семантических калек и полукалек – обусловлено совокупностью культурных, исторических и языковых факторов. Ключевым фактором, способствующим широкому распространению прямых заимствований, является активное культурное, торговое

и научное взаимодействие между государствами. В условиях обмена товарами, технологиями и идеями лексика, связанная с повседневной жизнью, предметной сферой и услугами, легко входит в обиход без необходимости перевода. С исторической точки зрения этому способствовали дипломатические контакты, миграционные процессы, а также трансляция знаний через философские, экономические и политические концепты, заимствованные из китайской интеллектуальной традиции.

Прямые заимствования часто оказываются более функциональными в коммуникативном отношении, поскольку они быстрее усваиваются носителями языка и, как правило, не требуют сложной адаптации. Особенно это актуально в случаях, когда обозначаемое явление не имеет эквивалента в языке-реципиенте, например, в научно-технической или культурной сфере.

Кальки и полукальки, напротив, появляются в медиадискурсе как результат стремления сохранить семантическую и культурную специфику оригинального термина. Эти формы заимствований особенно характерны для переводных текстов и аналитических публикаций, в которых важна точность передачи смысла понятия. Журналисты, переводчики и редакторы, работающие с тематикой китайской философии, политики или истории, стремятся создавать лексемы, максимально приближенные к оригинальному семантическому содержанию, но адаптированные к морфологическим и синтаксическим нормам русского языка. Это позволяет не только транслировать терминологическое значение, но и сохранить культурный контекст, в котором функционирует исходный термин.

Грамматическая система русского языка также оказывает определяющее влияние на тип и форму заимствования. Полукальки, как правило, возникают в тех случаях, когда необходимо морфологически адаптировать иноязычную основу к нормам русской грамматической структуры: согласовать по грамматическому роду, числу и падежу, а также встроить в продуктивные словообразовательные модели. Такой тип адаптации реализуется посредством присоединения типичных для русского языка словообразовательных аффиксов к заимствованной основе, что обеспечивает ее включение в систему словоизменения и делает лексему

синтаксически и морфологически приемлемой для функционирования в составе высказывания.

Таким образом, частотность и распределение различных типов заимствований в медиадискурсе определяется совокупностью лингвистических и экстралингвистических факторов.

Г) По специфике семантической адаптации

В период с 1950 по 2023 год китайские заимствования проникают в русские СМИ в первую очередь на фоне политических, экономических и культурных изменений в России, прежде всего в контексте межгосударственных отношений после Второй мировой войны и в рамках начавшейся в 1946 году холодной войны. В представленной диаграмме (см. Рисунок 3) отражено соотношение двух типов заимствований китайского происхождения, выявленных в текстах газет «Правда» и «Известия» за указанный период. Китайские заимствования этого времени рассматриваются с учетом их семантического статуса в языке-реципиенте и подразделяются на два типа: 1) полные синонимы уже существующих в системе русского языка единиц; 2) новые лексемы, номинирующие реалии, ранее не представленные в лексиконе языка-реципиента.

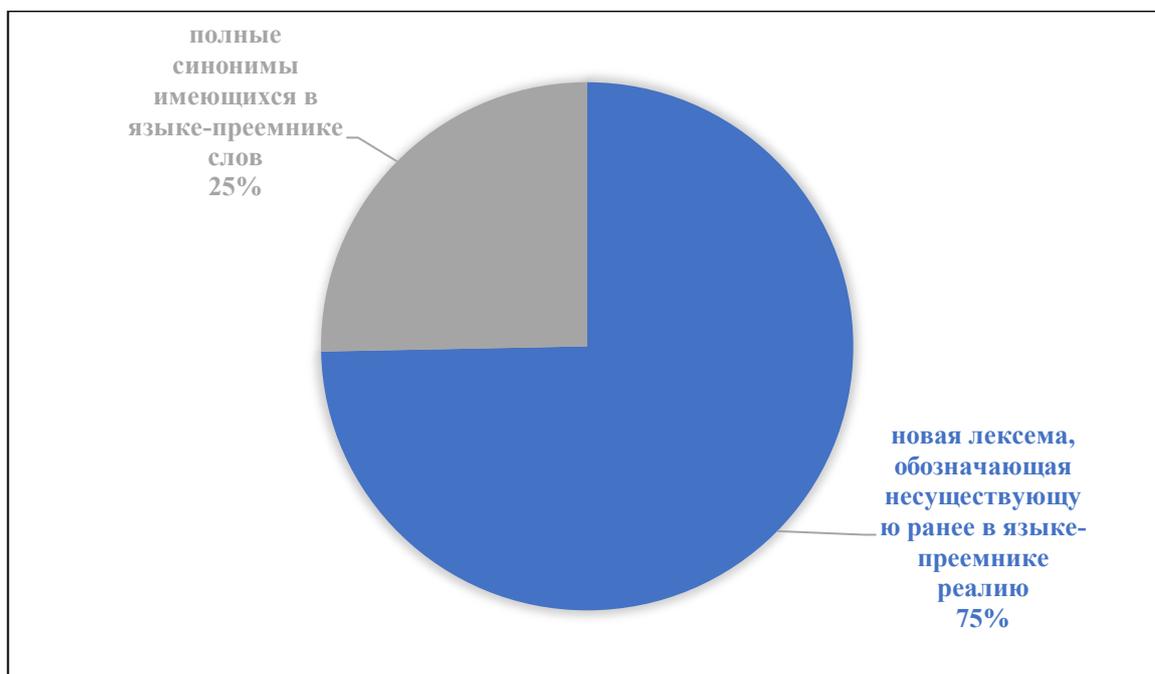

Рисунок 3. Распределение китайских заимствований по характеру семантической адаптации в газетах «Правда» и «Известия» (1950–2023 гг.)

Выделим ряд причин, по которым в исследуемый период в русскоязычных медиатекстах преобладают лексемы, обозначающие новые предметы, понятия и культурные феномены, заимствованные из китайского языка, в то время как случаи использования слов китайского происхождения в качестве синонимичных эквивалентов существующих русских единиц остаются сравнительно редкими.

1. После Второй мировой войны, особенно в период холодной войны, Китай стал одним из ключевых акторов на международной арене как в политическом, так и в экономическом измерении. Руководство СССР, а затем и России, проявляло устойчивый интерес к внутренним трансформациям в КНР, включая особенности ее политической системы, модели экономического развития, социальной структуры и культурной политики.

В этой связи задача медиатекста заключалась не только в передаче информации, но и в репрезентации специфических китайских реалий в языковом сознании русскоязычного читателя. Это обусловило необходимость включения в текстовую ткань медийных сообщений новых лексических единиц, способных обозначать уникальные явления китайского происхождения, таких как аспекты экономических реформ, элементы идеологической риторики, достижения в сфере космических исследований и другие ключевые события, связанные с развитием КНР.

Именно с этим связано проникновение в русский медиадискурс таких слов, как *Культурная революция* – 文化大革命 – «серия идейно-политических кампаний, развернутая Мао Цзэдуном под лозунгом борьбы с 'ревизионизмом' и 'остатками буржуазии в партии, правительстве и армии'» [Большая российская энциклопедия, 2010, 318], *Большой скачок* – 大跃进 – «кампания экономического и социального преобразования, проводившаяся в Китае в 1958–1960 гг.; имела целью ускоренную индустриализацию и рост сельскохозяйственного производства; привела к тяжелым экономическим последствиям и массовому голоду» [Большая российская энциклопедия, 2005, 485], *Реформы и открытость* – 改革开放 – «курс экономических и политических преобразований в Китае, начатых в 1978 г. Дэн Сяопином; включал либерализацию экономической системы, развитие рынка,

привлечение иностранных инвестиций и создание специальных экономических зон» [Большая российская энциклопедия, 2015, 192], *Пояс и путь (Один пояс, один путь) – 一帶一路* – «инициатива, впервые выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином во время визитов в Казахстан и Индонезию осенью 2013 года» [МИД РФ, электронный ресурс].

2. С конца XX века Китай стал экономическим гигантом, его влияние на мировую экономику и культуру значительно возросло. Это привело к необходимости более точного описания китайских технологий, продуктов, явлений и бизнес-моделей. Такие термины, как *Шэньчжоу – 神州* – «космановтика Китая» [Большая российская энциклопедия, 2016, 505–506], *Таобао – 淘宝* – «китайский маркетплейс, входящий в группу Alibaba» [Академик: энциклопедия маркетинга, электронный ресурс], обозначают уникальные китайские понятия, которые не могли быть описаны с помощью уже существующих в русском языке слов.

3. С усилением роли китайской экономики в глобальном контексте в последние десятилетия возросла необходимость заимствования терминов китайского происхождения, обозначающих новые экономические модели, виды продукции и технологические инновации. В частности, название китайской программы космических полетов (*Чаньэ – 嫦娥* – «программа китайских автоматических лунных аппаратов, предназначенных для исследований Луны» [Большая российская энциклопедия, 2016, 505–506], *Тяньгун – 天宫* – «китайский орбитальный экспериментальный модуль / прообраз национальной космической станции» [Большая российская энциклопедия, 2016, 505–506]) или китайских моделей автомобилей стали важной частью глобального межкультурного дискурса.

4. В последние десятилетия Китай становится объектом устойчивого интереса в контексте культурных контактов, туристических поездок, делового сотрудничества и образовательных программ. Продукты китайской культуры – кино, музыка, философия, традиции – все чаще интегрируются в глобальное культурное пространство, что, в свою очередь, способствует увеличению числа заимствований из китайского языка, описывающих соответствующие феномены.

Разнообразные подходы к классификации китайской лексики, зафиксированной в русскоязычных медиатекстах, позволяют выявить не только механизмы ее адаптации к фонетико-грамматической системе русского языка, но и особенности ее встраивания в понятийную структуру языка-реципиента. Такие классификационные модели демонстрируют, каким образом китайские заимствования отражают не только вектор внешнеполитических и культурных взаимодействий, но и внутреннюю динамику развития российского медиадискурса.

Отметим, что функциональное значение китайских заимствований в русском медиапространстве высоко: эти лексические единицы способствуют расширению лексико-семантической системы русского языка за счет включения слов, связанных с китайской политикой, экономикой и культурой. Особенно это актуально в контексте усиливающегося российско-китайского сотрудничества.

Вслед за кратким анализом структурных, семантических и прагматических характеристик китайских заимствованных единиц, функционирующих в русском медиадискурсе, представляется целесообразным обратиться к изучению динамики их употребления. Такой подход позволяет выявить количественные изменения, трансформации в семантическом наполнении, а также проследить, каким образом внешнеполитические и социокультурные факторы влияли на прагматику использования слов китайского происхождения в русском медиадискурсе.

2.3. Динамика функционирования китайских заимствованных слов в русских медиатекстах с 1950 по 2023 год

Временные рамки с 1950 по 2023 год позволяют проследить, как менялось употребление китайских заимствованных слов в русских медиатекстах в зависимости от политической, экономической и культурной ситуации. В настоящем подразделе анализируется динамика функционирования данных единиц с акцентом на количественные и прагматические показатели их употребления. В период с 1950 по 2023 год посредством анализа 523 статей и новостных сообщений,

опубликованных в печатных и электронных версиях газет «Правда» и «Известия», из 45 заимствованных слов китайского происхождения было отобрано 30 наиболее репрезентативных лексических единиц, устойчиво функционирующих в русском медиадискурсе. Критерием отбора послужили частотность употребления, активность функционирования на протяжении трех исторических этапов, а также заметная семантическая стабильность данных единиц. Именно эти заимствования демонстрируют наиболее наглядно общие тенденции адаптации и функционирования китайской лексики в русском медиaprостранстве, что позволяет провести сопоставительный анализ по временным и тематическим параметрам. Эти заимствования были классифицированы по тематическому признаку и распределены на пять семантических групп:

1. Лексика, отражающая политическое взаимодействие между Китаем и Россией (*Гоминьдан, маоизм, дацзыбао, хунвейбин, Пояс и путь*);
2. Экономические заимствования, связанные с двусторонним партнерством (*жэньминьби, гаолян, Хуавэй, Чжифубао, Таобао*);
3. Слова, используемые в контексте культуры и образования (*ципао, шарпей, путунхуа, фэншуй, эрху*);
4. Лексика, связанная с технологическим сотрудничеством (*Дунфанхун, Дунфэн, Шэньчжоу, Тяньхэ, тайконавт, Changan, Geely, Бэйдоу, Вэйбо*);
5. Заимствования, относящиеся к сфере спорта, здоровья и питания (*цигун, ушу, тайцзи, минтай, тофу, фунчоза*).

Выделенные лексические единицы в течение 75-летнего периода, охватывающего три этапа эволюции российско-китайских отношений, претерпели определенные изменения как в частотной представленности, так и в тематическом распределении. Кроме того, зафиксированы трансформации заимствований на графическом, семантическом и прагматическом уровнях. В настоящем разделе диссертационного исследования рассматривается динамика функционирования китайских заимствований в русских СМИ с опорой на количественные, семантические и прагматические показатели. Анализ осуществляется в контексте ключевых этапов двустороннего взаимодействия и значимых внешнеполитических

и социокультурных событий, оказавших влияние на трансформацию языкового материала в период с 1950 по 2023 год.

2.3.1. Статистические изменения в использовании китайских заимствований в русских СМИ

Статистический анализ позволяет выявить динамику употребления китайских заимствований в русскоязычном медиадискурсе в период с 1950 по 2023 год. Наиболее ярко эта динамика проявляется в тематических зонах наибольшей лексической активности – в текстах, посвященных политике, экономике, культуре и иным сферам общественной жизни. Количественные изменения в использовании иноязычной лексики коррелируют с ключевыми историческими этапами развития советско-китайских (затем российско-китайских) отношений, а именно: 1950 – 1960 годы; 1960 – 1989 годы; 1989 – 2023 годы. Каждый из указанных периодов отличается своей степенью интенсивности включения китайских заимствований в русскоязычные медиатексты.

С 1950 по 1960 год в русских СМИ стали активно употребляться восемь слов, заимствованных из китайского языка: *цигун* – 气功³⁴, *Гоминьдан* – 国民党³⁵, *маоизм* – 毛主义³⁶, *人民* – 人民币³⁷, *旗袍* – 旗袍³⁸, *高粱* – 高粱³⁹, *明太鱼* – 明太鱼⁴⁰, *豆腐* – 豆腐⁴¹. Следует отметить, что такие слова, как *цигун* и *Гоминьдан*, были заимствованы еще в первой половине XX века, однако именно в 1950–1960-е годы они получили широкое распространение в медиатекстах. Три слова относятся к теме спорта, здоровья и питания (*цигун* – 气功, *минтай* – 明太鱼, *тофу* – 豆腐), четыре слова связаны с политикой (*Гоминьдан* – 国民党, *маоизм* – 毛主义) и

³⁴ См.: «Известия» от 08.11.1958; «Известия» от 28.03.1964; «Известия» от 07.09.2001.

³⁵ См.: «Известия» от 14.02.1952; «Правда» от 16.05.1961; «Известия» от 24.03.1990.

³⁶ См.: «Правда» от 30.12.1967; «Правда» от 09.06.1968; «Известия» от 09.09.2002.

³⁷ См.: «Правда» от 13.10.1954; «Правда» от 23.02.1955; «Известия» от 06.10.2015.

³⁸ См.: «Известия» от 07.09.1957; «Известия» от 26.10.1985; «Правда» от 2–5 августа 2019 г.

³⁹ См.: «Известия» от 03.05.1955; «Известия» от 23.07.1987; «Известия» от 15.11.2012.

⁴⁰ См.: «Известия» от 10.07.1962; «Известия» от 12.12.1972; «Известия» от 02.07.1997.

⁴¹ См.: «Известия» от 25.06.1955; «Известия» от 20.03.1983; «Известия» от 13.04.2006.

экономикой (*жэньминьби* – 人民币, *гаолян* – 高粱) и одно относится к сфере культуры и образования (*ципао* – 旗袍). Заимствования, связанные с наукой и технологиями, в этот период не обнаружены.

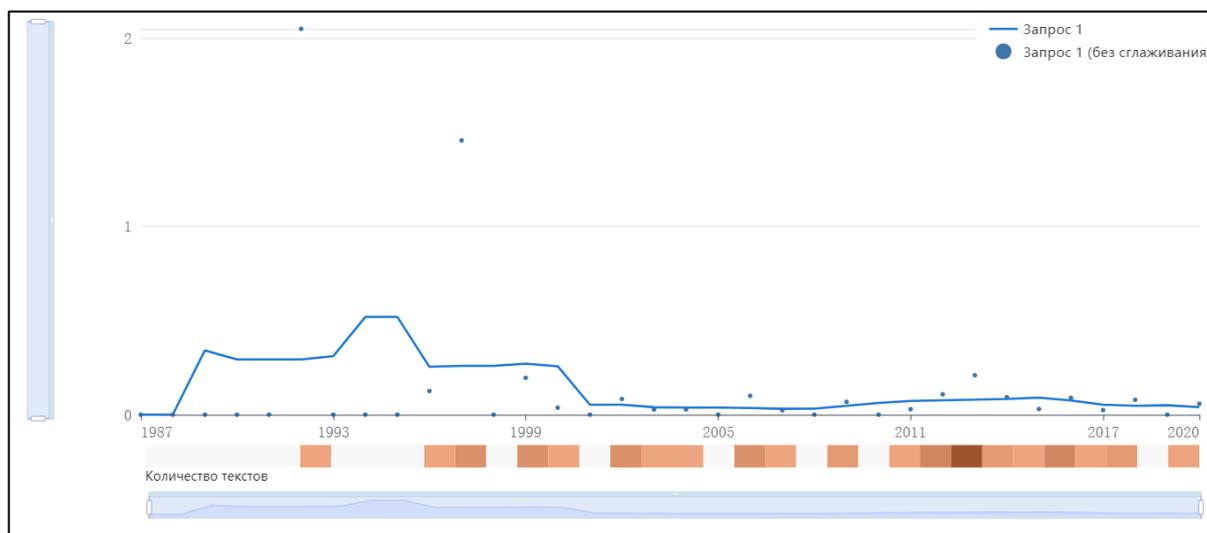
Отдельного внимания заслуживает слово «маоизм» из числа лексем китайского происхождения, отражающих важнейшие этапы российско-китайского взаимодействия. Употребление этой заимствованной единицы демонстрирует специфику идеологического обмена между двумя странами в период их наиболее тесного сотрудничества.

На этапе всестороннего сотрудничества между двумя странами с 1950 по 1960 год Китайская Народная Республика активно изучала политическую систему Советского Союза, а руководство Коммунистической партии Китая (КПК) глубоко анализировало опыт модернизации СССР как возможную модель для собственного политического развития. В этот же период и Китай, и Советский Союз занимали центральное место в социалистическом лагере, что способствовало регулярному освещению советскими СМИ внутривосточной ситуации в КНР. Именно в контексте политического взаимодействия между СССР и КНР в русскоязычном медиадискурсе появляется лексема *маоизм* – 毛主义 или 毛泽东思想, представляющая собой начальный этап рецепции и распространения идеологической доктрины Мао Цзэдуна в Советском Союзе. Несмотря на то что концептуальная теоретизация идеологии Мао Цзэдуна как полноценной теории в тот период еще не была завершена, ее уникальный вклад в практику социализма вызвал интерес советских ученых и СМИ.

Появление термина «маоизм» в советском медиадискурсе относится к концу 1950-х годов, когда в условиях постепенного усложнения советско-китайских отношений в печатных изданиях возникает необходимость фиксировать отдельными обозначениями различные аспекты политического курса КНР. В газетах «Правда» и «Известия» лексема «маоизм» зафиксирована 12 раз за период с 1950 по 2023 год. В 1950–1960-е годы отмечено лишь 2 ее употребления,

выявленных в выпусках газеты «Правда» от 30 декабря 1967 года⁴² и 9 июня 1968 года⁴³.

Начиная с 1970-х годов и вплоть до конца 1990-х использование этого термина в указанных изданиях не зафиксировано, что вполне коррелирует с ухудшением советско-китайских отношений и снижением интереса к политическим реалиям КНР в советской информационной повестке. Однако с начала 2000-х годов, в условиях нормализации и активизации двусторонних отношений, включая подписание в 2001 году «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем», а также в связи с возросшим интересом российских СМИ и научного сообщества к политическим концепциям Китая, включая идеи Мао Цзэдуна, слово «маоизм» вновь начинает употребляться в медийных и академических контекстах. Это возобновление интереса обусловлено стремлением к переоценке социалистического опыта и изучению китайской модели развития как потенциальной альтернативы западным социально-политическим системам.

⁴² Идеологическая борьба в международном коммунистическом движении // Правда. – 1967. – 30 декабря. – № 364.
*Из контекста публикации: «Под видом «обновления марксизма» пекинские идеологи распространяют догматические и волюнтаристские установки, получившие в зарубежной прессе название «маоизм». Эти установки искажают ленинское учение о закономерностях социалистического строительства и направлены на разрушение единства международного коммунистического движения».

⁴³ Опасность мелкобуржуазного авантюризма под видом революционной фразы // Правда. – 1968. – 9 июня. – № 160.
*Из контекста публикации: «На страницах зарубежной печати продолжаются обсуждения природы так называемого маоизма, который пекинское руководство пытается представить как «новый этап» революционного учения. На деле же маоистские теоретизирования, проникнутые мелкобуржуазным авантюризмом, противопоставляются проверенной практикой ленинизма линии на созидание, планомерность и дисциплину в социалистическом строительстве».

Рисунок 4. Изменение частотности слова китайского происхождения «маоизм» – 毛主义 в СМИ России с момента его первого появления (по данным НКРЯ, 1950–2023 гг.)

В соответствии со статистическими данными газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (см. Рисунок 4), лексема «маоизм» фиксируется в русскоязычных СМИ 59 раз. Наибольшая частотность ее употребления (16) наблюдается в 1997 году, после чего следует спад, сохраняющийся до начала 2000-х годов. Снижение частотности использования слова может быть обусловлено стабилизацией российско-китайских отношений и снижением интереса отечественных СМИ к идеологическим аспектам китайской политики на фоне смещения акцентов медиадискурса в сторону внутренних социально-экономических проблем. До настоящего времени частота использования слова «маоизм» остается низкой, что, вероятно, связано с переходом медиадискурса от идеологических нарративов к прагматичной повестке, ориентированной на вопросы торгово-экономического взаимодействия, а также с выбором Россией самостоятельной модели социально-политического развития, отличной от китайской.

После подписания «Китайско-советского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи» в 1950 году начался этап масштабного экономического взаимодействия между СССР и КНР. Советский Союз оказывал Китаю значительную финансово-техническую поддержку, а объемы двусторонней торговли демонстрировали устойчивую динамику роста. Укрепление экономических связей между двумя государствами нашло отражение в языке российских медиа, где в этот период фиксируются заимствования, тематически связанные с торговлей и сельским хозяйством. Наиболее показательные примеры – лексема *жэньминьби* – 人民币.

Лексема *жэньминьби* как наименование китайской валюты регулярно упоминалась в контексте отчетов об экономическом взаимодействии, выступая символом институционализированного финансового сотрудничества. Этимологически слово *жэньминьби* восходит к китайскому выражению 人民币 [rén mǐn bì], буквально означающему «народная валюта» (*жэньминь* – ‘народ’, *би* –

‘валюта, деньги’). В корпусе газет «Правда» и «Известия» слово зафиксировано пять раз. Первое ее упоминание датируется 13 октября 1954 года в статье, посвященной советско-китайским экономическим отношениям. В 1950-е годы слово *жэньминьби* упоминается дважды, после чего в период с 1960-х до 1990-х годов исчезает из медийного пространства указанных изданий. Возобновление его употребления фиксируется с 1999 года, после чего оно продолжает периодически появляться в медиатекстах.

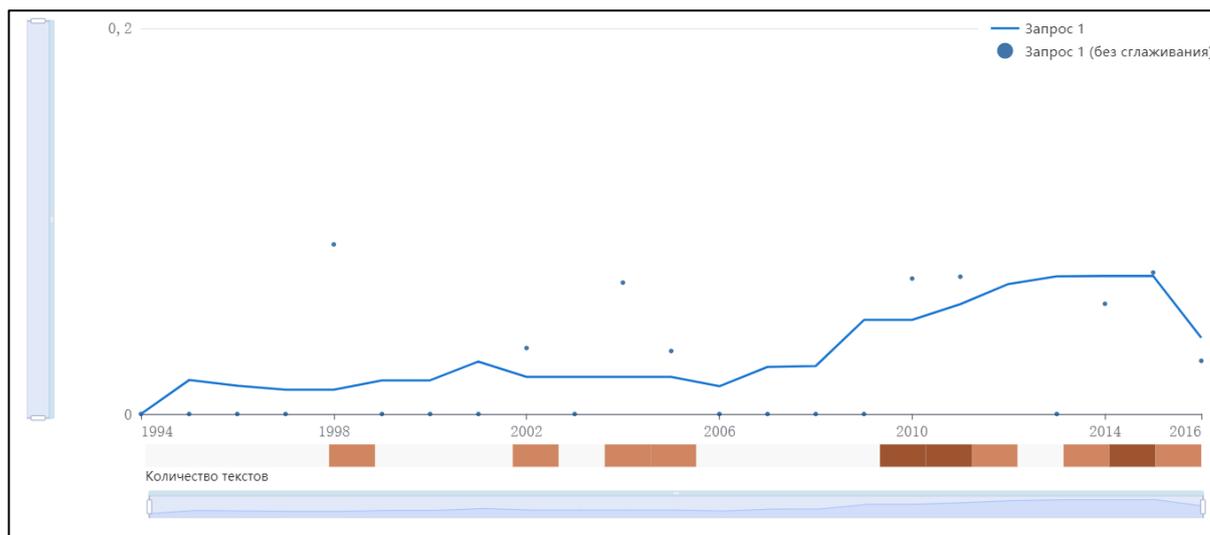

Рисунок 5. Изменение частотности слова китайского происхождения «жэньминьби» – 人民币 в СМИ России с момента его первого появления (по данным НКРЯ, в 1950–2023 гг.)

По данным газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (см. Рисунок 5), начиная с первого появления слова *жэньминьби* в русских медиатекстах в 1995 году, частота его употребления постепенно растет. В общей сложности заимствование встречается в медиатекстах 19 раз. При этом начиная с 2008 года отмечается заметный рост его использования: в 2008–2010 годах слово фиксируется в текстах СМИ 2–3 раза в год, а в 2012 году достигает максимума в количестве 6 употреблений. После 2012 года частотность употребления начинает постепенно снижаться, что, вероятно, связано с переходом российско-китайских отношений в более стабильную фазу, когда внимание СМИ смещается с идеологических и символических аспектов на практические вопросы двустороннего экономического сотрудничества.

В 1960–1989 годы, когда советско-китайские отношения характеризовались глубоким политическим и идеологическим разладом, количество заимствований

значительно сократилось. В текстах «Правды» и «Известий» за анализируемый период зафиксировано только 7 лексических единиц китайского происхождения. В русских медиатекстах этого периода они относятся в основном к сфере политики (*дацзыбао* – 大字报⁴⁴, *хунвэйбин* – 红卫兵⁴⁵), науки и технологий (*Дунфанхун* – 东风⁴⁶, *Дунфэн* – 东风⁴⁷), спорта и здоровья (*ушу* – 武术⁴⁸, *тайцзи* – 太极⁴⁹). В это время отмечено лишь 1 заимствованное слово, связанное с культурой, бытом и образованием (*шарпей* – 沙皮狗⁵⁰). Слова, связанные с экономикой, в указанный период не зафиксированы.

В ходе Культурной революции в Китае появились термины, которые стали ключевыми символами идеологической борьбы и нашли отражение в советских медиатекстах, *дацзыбао* – 大字报 – «стенная газета, афиши (написанные от руки), листовки. Были распространены в Китае в 50–70-е годы XX в.» [Комлев, 2006, 944] и *хунвэйбин* – 红卫兵 – «члены отрядов радикально настроенной молодежи, участвовавших в массовых кампаниях периода культурной революции⁵¹ в Китае (1966–1976 гг.)» [Комлев, 2006, 722]. Указанные лексемы привлекли повышенное внимание со стороны советских средств массовой информации, освещавших внутривнутриполитическую конфронтацию в КНР. Через медиарепрезентацию этих понятий советский дискурс стремился акцентировать внимание на политической нестабильности в Китае и тем самым подчеркнуть преимущества советской идеологической и управленческой модели. Таким образом, на данном этапе лексика политико-идеологической сферы, отражая специфику идеологической конфронтации и инструментализации языка в пропагандистских целях, стала доминирующим источником заимствований.

⁴⁴ См.: «Правда» от 19.08.1966; «Известия» от 18.11.1997; «Известия» от 16.06.2014.

⁴⁵ См.: «Правда» от 24.09.1966; «Правда» от 19–20 сентября 2017 г.; «Известия» от 07.03.2019.

⁴⁶ См.: «Правда» от 25.04.1970; «Известия» от 15.12.2009; «Известия» от 12.09.2019.

⁴⁷ См.: «Известия» от 14.10.1989; «Известия» от 24.05.2006; «Известия» от 09.11.2023.

⁴⁸ См.: «Известия» от 11.12.1987; «Известия» от 01.07.1997; «Известия» от 20.06.2006.

⁴⁹ См.: «Известия» от 19.01.1989; «Известия» от 28.04.2013; «Известия» от 04.10.2016.

⁵⁰ См.: «Известия» от 28.07.1994; «Известия» от 17.07.2001; «Известия» от 03.11.2018.

⁵¹ Великая пролетарская культурная революция (1966–1976 годы) – политическая кампания, инициированная Мао Цзэдуном с целью устранения «буржуазных» элементов в китайском обществе и укрепления идеологии коммунизма. В ходе революции происходили массовые репрессии, преследования представителей интеллигенции, а также масштабное разрушение элементов традиционной культуры.

Слово *дацзыбао* происходит от китайского *大字报* [dà zì bào] – «плакат с крупными иероглифами». Лексема впервые появляется в материалах газеты «Правда» от 19 августа 1966 года в связи с описанием событий Великой пролетарской культурной революции в Китае. В целом это заимствование фиксируется в материалах газет 4 раза – в 1966 году в «Правде», и в 1997-м, в 2001-м и в 2014-м – в «Известиях».

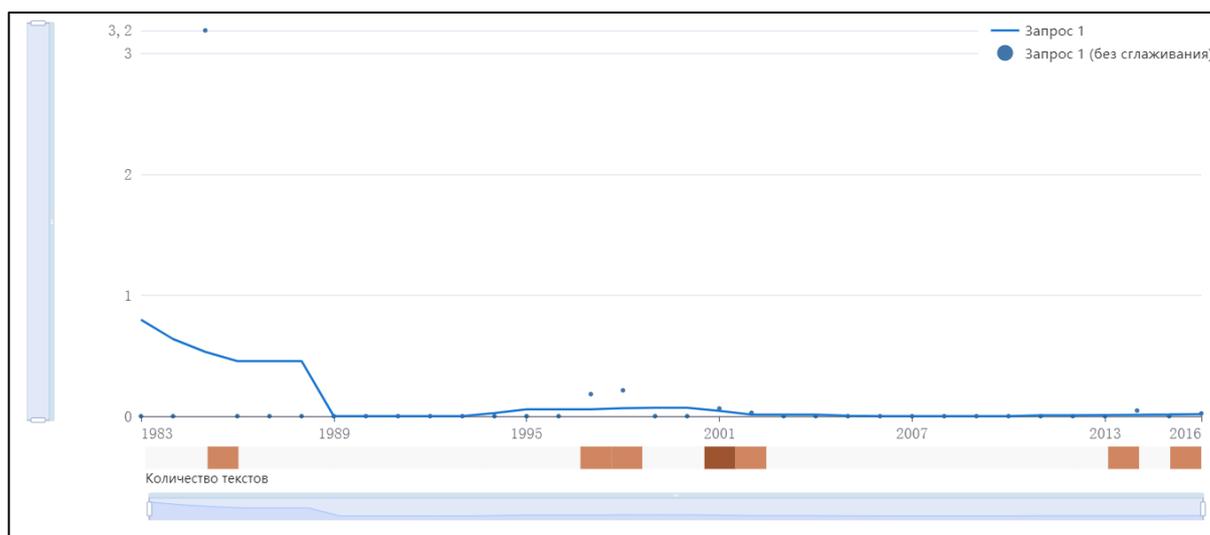

Рисунок 6. Изменение частотности слова китайского происхождения «дацзыбао» – 大字报 в СМИ России с момента его первого появления (по данным НКРЯ, в 1950–2023 годы)

Согласно статистическим данным газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (см. Рисунок 6), лексема фиксируется в общей сложности 12 раз, при этом наибольшее количество употреблений в русскоязычных СМИ приходится на 1990-е годы (5 раз). Впоследствии наблюдается устойчивая тенденция к снижению частотности, и к началу XXI века слово появляется в медиатекстах крайне редко.

Несмотря на напряженный характер советско-китайских отношений в указанный период, достижения КНР в сфере науки и технологий продолжали вызывать интерес у советской стороны. Так, первое успешное ядерное испытание, проведенное Китаем в 1964 году, запуск первого китайского искусственного спутника Земли «Дунфанхун-1» (в пер. с кит. – «Алеет Восток») в 1970 году, а также развертывание ракетной программы «Дунфэн» стали символами борьбы Китая за укрепление позиций на международной арене. Название спутника

«Дунфанхун-1» зафиксировано в материалах газет «Правда» и «Известия» трижды в период с 1950 по 2023 год. Впервые оно появляется в публикации 1970 года, приуроченной к запуску спутника, и наибольшее число упоминаний относится к 1970-м годам, после чего лексема постепенно утрачивает актуальность, сохраняясь преимущественно в контекстах, связанных с ретроспективным освещением космической программы КНР особенно в начале 2000-х.

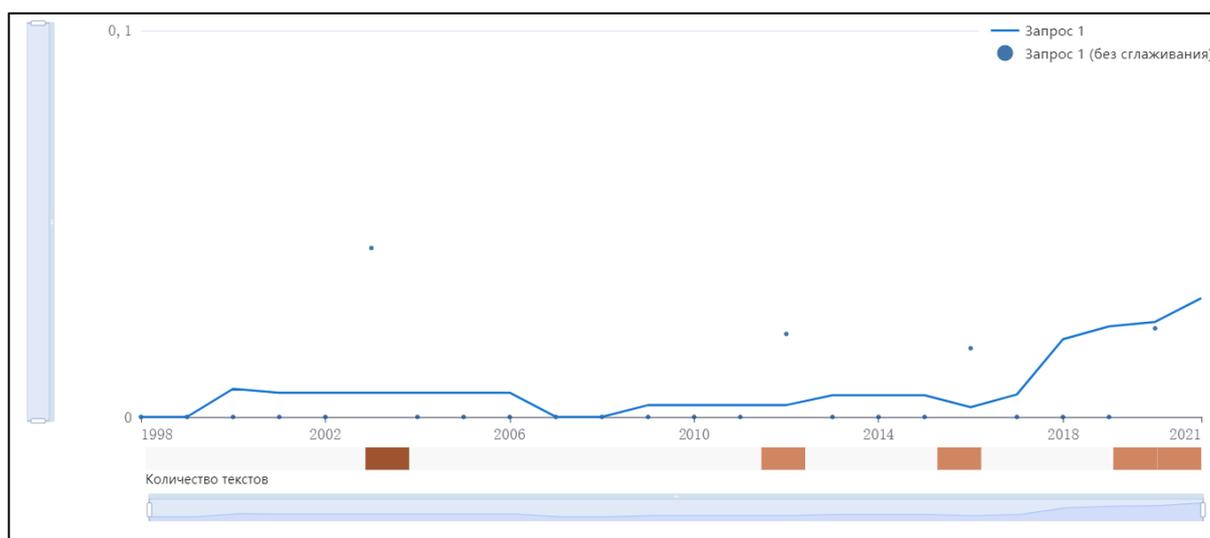

Рисунок 7. Изменение частотности слова китайского происхождения «Дунфанхун» – 东方红 в СМИ России с момента его первого появления (по данным НКРЯ, в 1950–2023 гг.)

В соответствии с данными газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (см. Рисунок 7), в российских СМИ слово «Дунфанхун» фиксируется 6 раз. С момента появления в конце 1990-х годов частота его употребления постепенно растет, особенно это становится заметно после 2018 года. Употребление лексемы преимущественно соотносится с историко-культурным контекстом и аналитикой событий периода Культурной революции в КНР. Например, в «Известиях» за 2019 год лексема «дацзыбао» используется в обзоре, посвященном анализу роли политической пропаганды в формировании массовых социальных движений в странах Азии. В другом тексте за 2021 год слово «Дунфанхун» звучит в исторической ретроспективе, где сравниваются методы идеологической мобилизации в СССР и КНР.

Рост частотности употребления лексемы в последние годы, по-видимому, обусловлен возросшим интересом российских средств массовой информации к вопросам идеологического функционирования китайского общества, а также

стремлением к переосмыслению опыта массовых движений в контексте глобальных политических трансформаций.

Китайские лексические заимствования в советском медиадискурсе периода 1960–1989 годов отличаются как ограниченным числом, так и узкой тематической направленностью. Преобладают лексические единицы, связанные с политико-идеологической сферой, что отражает сокращение культурных и экономических контактов и смещение акцентов в медийном освещении на риторику идеологического противостояния. Представленная лексическая выборка демонстрирует, каким образом количественное сокращение и тематическое сужение заимствованного корпуса отражают состояние напряженности в межгосударственных отношениях. Завершая анализ рассматриваемого этапа, следует подчеркнуть, что ограниченный и идеологически маркированный характер заимствований в полной мере коррелирует с сокращением объема двустороннего взаимодействия.

Однако уже с конца 1980-х годов ситуация начинает меняться: с этого момента в медиадискурсе России наблюдается устойчивая тенденция к увеличению количества заимствований из китайского языка, что коррелирует с активизацией межгосударственных связей и углублением диалога в культурной, экономической и гуманитарной сферах. В это время появляются следующие китайские заимствования: *путунхуа* – 普通话⁵², *фэншуй* – 风水⁵³, *фунчоза* – 粉条⁵⁴, *Хуавэй* – 华为⁵⁵, *эрху* – 二胡⁵⁶, *Чжифубао* – 支付宝⁵⁷, *Шэньчжоу* – 神州⁵⁸, *Тяньхэ* – 天河⁵⁹, *тайконавт* – 航天员⁶⁰, *Changan* – 长安⁶¹, *Geely* – 吉利⁶², *Пояс и путь* – 一带一路⁶³, *Таобао* – 淘宝⁶⁴,

⁵² См.: «Известия» от 30.09.2002; «Известия» от 09.04.2008; «Известия» от 03.08.2010.

⁵³ См.: «Известия» от 04.10.2001; «Известия» от 11.02.2002; «Известия» от 20.06.2012.

⁵⁴ См.: «Известия» от 19.06.2002; «Известия» от 30.05.2021; «Известия» от 18.07.2023.

⁵⁵ См.: «Известия» от 18.10.2010; «Известия» от 09.12.2018; «Правда» от 23–26 октября 2020 г.

⁵⁶ См.: «Известия» от 28.10.1997; «Известия» от 05.11.2019; «Известия» от 08.12.2019.

⁵⁷ См.: «Известия» от 07.12.2012; «Правда» от 16.03.2018; «Известия» от 13.09.2019.

⁵⁸ См.: «Известия» от 15.10.2003; «Известия» от 18.06.2012; «Известия» от 19.12.2019.

⁵⁹ См.: «Правда» от 21–24 мая 2021 г.; «Известия» от 25.07.2022; «Известия» от 12.11.2023.

⁶⁰ См.: «Известия» от 15.10.2003; «Правда» 15–16 от мая 2018 г.; «Правда» от 24–25 января 2023 г.

⁶¹ См.: «Известия» от 28.10.2015; «Известия» от 09.04.2018; «Известия» от 17.09.2020.

⁶² См.: «Известия» от 01.11.2007; «Правда» от 23–26 июня 2017 г.; «Известия» от 26.02.2020.

⁶³ См.: «Известия» от 12.05.2017; «Известия» от 24.06.2019; «Правда» от 26–27 декабря 2023 г.

⁶⁴ См.: «Правда» от 19–22 августа 2016 г.; «Известия» от 10.01.2018; «Правда» от 25.04.2021.

Бэйдоу – 北斗⁶⁵, Вэйбо – 微博⁶⁶. Эти заимствования активно используются в текстах СМИ, связанных с пятью основными темами: политикой, экономикой, культурой и образованием, наукой и технологией, спортом и здоровьем.

В течение последних нескольких лет Россия и Китай тесно сотрудничают в автомобилестроении. В частности, китайские автомобильные бренды, такие как *Changan* – 长安 и *Geely* – 吉利, успешно вышли на российский рынок, что способствовало активному употреблению соответствующих лексических единиц в медиатекстах. Слово «Changan» происходит от китайского 长安 [cháng ān], что означает «долгий мир». В русских медиатекстах это наименование, подобно другим китайским автомобильным брендам, используется без перевода, в фонетической записи на основе системы пиньин, что соответствует международной практике и обеспечивает унификацию написания.

С одной стороны, такая форма заимствования способствует закреплению ассоциации конкретного автомобиля со страной-производителем, усиливая его восприятие как элемента китайской промышленности. С другой стороны, для русскоязычной аудитории утрачивается внутренняя семантика названий, связанная с позитивными коннотациями: скорость, надежность, безопасность и комфорт, – что ограничивает культурно-эмоциональный потенциал восприятия брендов. Аналогичный принцип применяется в наименованиях других китайских автопроизводителей, представленных на российском рынке, таких как *Hongqi* (红旗 [hóng qí] – «красный флаг»), *Dongfeng* (东风 [dōng fēng] – «восточный ветер»), *Lixiang* (理想 [lǐ xiǎng] – «идеал») и т. д.

В период с 2010 по 2023 год в «Правде» и «Известиях» заимствование *Changan* упоминается в общей сложности 10 раз. Первое употребление зафиксировано в «Известиях» в 2015 году в статье, посвященной российскому автомобильному рынку. Наибольшая частота употребления лексемы приходится на 2015–2020 годы, что связано с развитием китайского автомобильного рынка в

---

⁶⁵ См.: «Правда» от 15–18 апреля 2016 г.; «Правда» от 25–28 января 2019 г.; «Правда» от 25–28 марта 2022 г.

⁶⁶ См.: «Известия» от 24.04.2012; «Правда» от 19–22 августа 2016 г.; «Правда» от 25–28 декабря 2020 г.

России. Максимальная интенсивность упоминания бренда отмечается в 2020 году, когда объем продаж автомобилей марки Changan в России увеличился в пять раз.

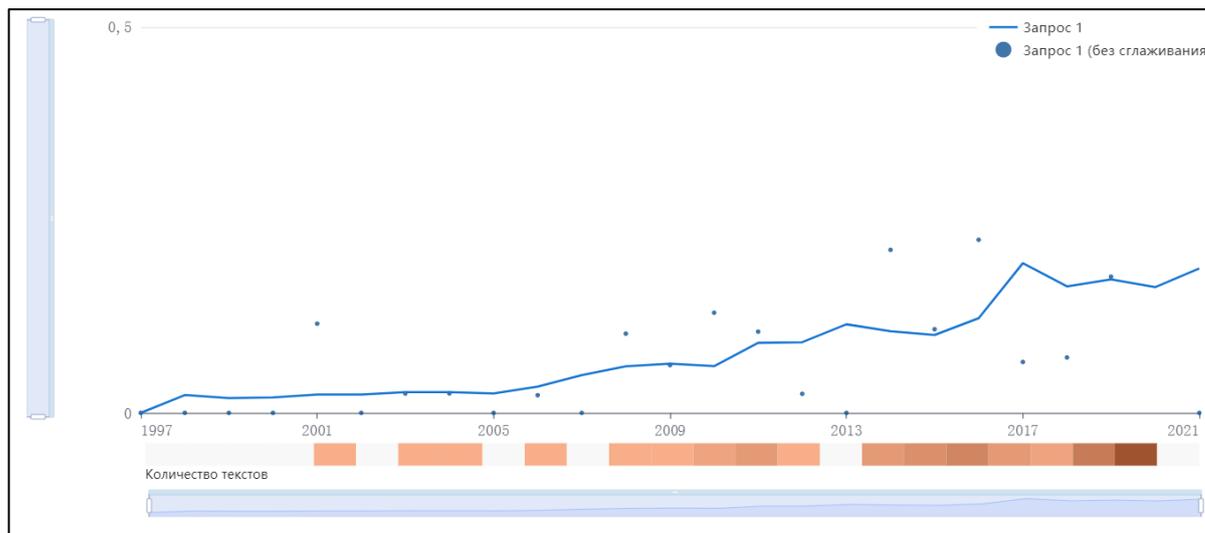

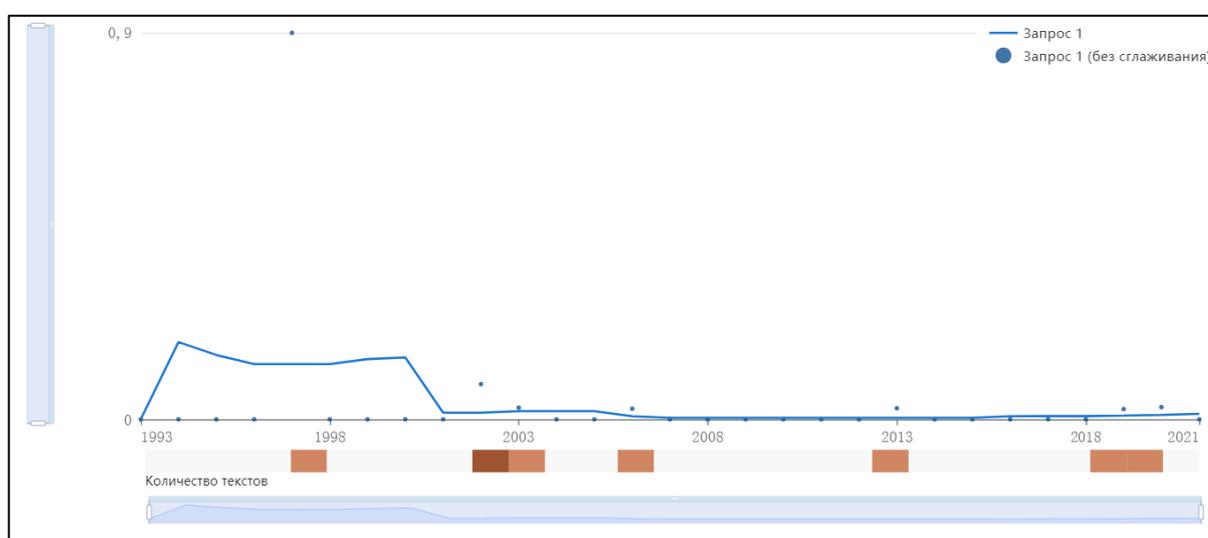
Рисунок 8. Изменение частотности слова китайского происхождения «Changan» – 长安 в СМИ России с момента его первого появления (по данным НКРЯ, 1950–2023 гг.)

Согласно данным газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (см. Рисунок 8), лексема *Changan* впервые фиксируется в российских медиатекстах в 2001 году, а к 2021 году ее общее количество употреблений достигает 75. С момента появления частотность ее использования демонстрирует поступательный рост, особенно выраженный после 2015 года. Это, по всей видимости, связано с активным развитием российско-китайского сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс – один путь», а также с усилением позиций китайских компаний на российском рынке, что вызвало повышенный интерес масс-медиа к соответствующей тематике.

Относительно стабильная частотность китайских заимствований, относящихся к сфере культуры и образования, в текстах российских СМИ свидетельствует о сохранении устойчивых культурных связей между Китаем и Россией. С одной стороны, в условиях роста международного авторитета Китая наблюдается постепенное увеличение интереса к изучению китайского языка среди российских граждан. Лексема «путунхуа» (普通话 [pǔ tōng huà]), представляющая собой прямое фонетическое заимствование, выступает лингвистическим маркером данной тенденции. С другой стороны, элементы традиционной китайской культуры,

в том числе философская практика «фэншуй» – 風水 и традиционный музыкальный инструмент «эрху» – 二胡, постепенно интегрируются в культурное пространство России, приобретая все большую популярность. Это способствует заимствованию соответствующих лексем в русский язык и их распространению в медиадискурсе. Таким образом, использование слов «фэншуй» и «эрху» в российских медиатекстах отражает процессы культурной рецепции и символического освоения китайского культурного наследия в российской информационной среде.

Лексема «эрху», образованная от китайского слова 二胡 [èr hú], впервые упомянута 28 октября 1997 года в статье, опубликованной в газете «Известия».

Рисунок 9. Изменение частотности слова китайского происхождения «эрху» – 二胡 в СМИ России с момента его первого появления (по данным НКРЯ, 1950–2023 гг.)

По статистике газетного раздела Национального корпуса русского языка (см. Рисунок 9), в СМИ России слово «эрху» зафиксировано 18 раз, причем наибольшее количество его упоминаний приходится на 1990-е годы, после чего с конца десятилетия фиксируется резкое снижение частотности. С 2000-х годов эрху появляется в медиатекстах лишь эпизодически. Это обусловлено тем, что интерес к инструменту, несмотря на его представленность в российской культурной среде, сохраняется преимущественно в рамках узкого круга профессиональных музыкантов и энтузиастов традиционной китайской музыкальной культуры, что, в свою очередь, не способствует активной репрезентации лексемы в медиадискурсе.

В тематическом сегменте, связанном с практиками здорового питания, лексема *фунчоза* – 粉条 как наименование традиционного китайского пищевого изделия, занимает относительно устойчивое положение, что свидетельствует о растущем интересе российских потребителей к китайской гастрономической культуре.

Нормализация китайско-российских отношений, начавшаяся в 1989 году, а также установление всеобъемлющего стратегического партнерства способствовали углублению сотрудничества двух стран в различных отраслях, что нашло отражение и в составе китайских заимствований, функционирующих в русском медиадискурсе.

Наибольшую репрезентативность продемонстрировали лексемы, связанные с экономикой и высокими технологиями, что свидетельствует о возрастающем влиянии научно-технического прогресса и экономического потенциала Китая на характер и структуру двустороннего взаимодействия. Заимствования, относящиеся к сфере культуры и образования, представлены в меньшем объеме, однако их стабильная частотность косвенно указывает на устойчивый интерес к традиционной культуре Китая и поддержанию гуманитарных связей. В то же время минимальное количество лексических заимствований из областей политики, спорта и здравоохранения подчеркивает периферийный статус этих направлений в рамках российско-китайского сотрудничества. Таким образом, распределение китайских заимствований в русскоязычном медиaprостранстве не только отражает текущее состояние межгосударственных отношений, но и позволяет идентифицировать приоритетные сферы их дальнейшего развития.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется комплексный анализ семантико-прагматических трансформаций китайских заимствований в русском медиадискурсе в контексте эволюции межгосударственных отношений в течение последних 75 лет.

2.3.2. Прагматические изменения в употреблении китайских заимствований в русском медиадискурсе

При функционировании китайских заимствований в русскоязычных медиатекстах их семантика и эмоционально-оценочная окраска могут варьироваться в зависимости от контекста публикации, коммуникативной установки автора и социокультурных условий соответствующего исторического этапа в развитии отношений между Советским Союзом (Россией) и Китаем. Аналогичные прагматико-семантические сдвиги наблюдаются и в китайских медиатекстах при использовании русских заимствований, что указывает на универсальный характер данного явления для медиадискурсов обеих стран. В зависимости от тематической направленности текста, интенции автора и актуальной политической конъюнктуры китайские заимствования в русской медиасреде могут приобретать нейтральную, положительную или негативную эмоционально-оценочную окраску.

Одним из примеров лексем, описывающих хозяйственные и регионально-культурные контакты между Китаем и Советским Союзом, выступает слово «минтай» – наименование распространенного дальневосточного промыслового вида рыб, восходящее к восточноазиатским языкам (кит. 明太, кор. 명태). В советском и затем российском медиадискурсе это заимствование демонстрирует постепенное расширение семантики и усложнение прагматических функций, что связано с трансформациями рыбной отрасли, изменениями продовольственного рынка, с одной стороны, и эволюцией медийных практик во второй половине XX–начале XXI века, с другой стороны. На раннем этапе, в 1950–1970-е годы, слово имело узкое биолого-промысловое значение и функционировало преимущественно в региональном хозяйственно-экономическом контексте. Отсутствие регулярных упоминаний в статьях «Правды» и «Известий» отражало периферийный статус лексемы и ее закреплённость в профессиональной терминологии рыбной промышленности. В редких случаях, когда слово попадало на страницы указанных

изданий, его употребление сохраняло строго нейтральный характер. Так, в статье «Правды» от 14 мая 1956 года отмечалось: *«На промыслах Приморья продолжается успешное освоение тресковых пород... значительно увеличился вылов минтая, что способствует выполнению плановых показателей текущей пятилетки»*, – что свидетельствует о функционировании лексемы в рамках статистической информации без какой-либо оценочной нагрузки.

Ситуация существенно меняется с 1990-х годов, когда *минтай* приобретает новое семантическое наполнение. В условиях трансформации продовольственного рынка, расширения ассортимента продуктов питания и роста социального внимания к ценам и доступности продовольствия слово начинает обозначать не только объект промысла, но и товар повседневного потребления. Прагматически лексема включается в статьи на социально-бытовые и экономические темы, связанные с потребительскими практиками и динамикой цен. В «Известиях» от 2 июля 1997 года подчеркивалось: *«Дорожке стал даже популярный среди пенсионеров минтай безголовый»*, – что отражает восприятие минтая как социально значимого, но в то же время доступного продукта.

В последующие годы лексема активно функционирует в экономических материалах, в том числе связанных с вопросами ресурсной обеспеченности и аукционной торговли: *«Подорванными оказались запасы такого ценного объекта, как минтай»* («Известия», 16.11.2001); *«Следующий аукцион, который пройдет 11 января, обещает стать не менее "жарким" – продавать будут минтай»* («Известия», 27.12.2001). На данном этапе семантика слова расширяется до обозначения массового продовольственного товара, а его прагматика отражает социальную значимость и роль в структуре повседневного потребления.

В 2000–2020-е годы динамика употребления лексемы продолжает усиливаться. Помимо сообщений о квотах, вылове, переработке и экспорте, слово активно используется в медийных текстах на бытовые сюжеты, связанные с питанием различных социальных групп. Так, в статье «Известий» от 9 апреля 2003 года сообщалось: *«Сейчас в этом детдоме, как сообщили "Известиям", вообще озерную рыбу детям в пищу не дают, только океаническую – в основном минтай,*

*который покупают в магазинах по товарному кредиту», – что показывает включенность лексемы в контекст социального обеспечения и ее ассоциацию с доступным продуктом для бюджетных учреждений. В этот период семантика слова дополняется оценочным компонентом: качество и происхождение продукции становятся объектом сравнения, что придает слову новые прагматические особенности. В публикации «Известий» от 07.09.2020 отмечалось: *«Кроме того, Буглак рассказал, что китайский минтай «накачан водой», в отличие от высококачественного отечественного».**

В целом динамика употребления слова «минтай» в русском медиадискурсе демонстрирует путь от термина, обозначающего промысловый товар в 1950–1970-е годы к обозначению массового продовольственного продукта в 1990-е, а затем – к многослойному экономическому и потребительскому маркеру качества в 2000–2023 годах. Семантическое расширение лексемы сопровождается усложнением ее прагматических функций, что отражает изменения в продовольственной системе, экономических реалиях и структуре медиакommunikаций в России на протяжении всего исследуемого периода.

Показательным примером политической лексики китайского происхождения, функционирующей в советском и российском медиадискурсе, является термин *маоизм*, демонстрирующий различную прагматику в зависимости от исторического контекста. Употребление этой лексемы в русскоязычном медийном дискурсе в 1950–2023 годах тесно связано с идеологическими установками и внешнеполитическими приоритетами советского и позднее российского государства. В 1950-е годы, в период активного политического сближения между СССР и КНР, советская пресса использовала преимущественно нейтральные словосочетания «идеи Мао Цзэдуна» и «учение Мао Цзэдуна», подчеркивавшие вклад китайского руководства в развитие марксистско-ленинской теории и укрепление социалистического содружества. Например, в статье «Правды» от 12 ноября 1957 года отмечалось: *«Идеи Мао Цзэдуна, творчески развивающие марксизм-ленинизм, служат важным руководством для народов, строящих*

социализм»⁶⁷.

Следует подчеркнуть, что в конце 1950-х годов в медиатекстах начинает встречаться и формализованное обозначение «маоизм», однако его употребление остается эпизодическим. На данном этапе эта единица еще не несет ярко выраженной критической коннотации и фактически представляет собой лексическое оформление тех же понятий, которые ранее передавались выражениями «идеи Мао Цзэдуна» и «учение Мао Цзэдуна». Таким образом, ранние контексты демонстрируют, что термин «маоизм» в советском дискурсе возник как семантическая и формально-терминологическая эволюция существующих нейтральных обозначений, отражавших политическую близость двух стран.

Однако уже в 1960-е годы, на фоне резкого ухудшения советско-китайских отношений, в русском медиадискурсе понятие «маоизм» приобретает ярко выраженную отрицательную оценочность. Так, в статье «Правды» от 9 июня 1968 года термин включается в ряд идеологически негативных понятий: *«Миллионы людей во всем мире стремятся искоренить бедность, ненавидят угнетение, догматизм и демагогию (и их крайние проявления – расизм, фашизм, сталинизм и маоизм), верят в прогресс в условиях социальной справедливости и свободы мысли, основанный на использовании всего положительного опыта, накопленного человечеством»*⁶⁸. Употребление лексемы в данном контексте отражает неприятие

---

⁶⁷ Новые успехи китайского народа на пути социалистического строительства // Правда. – 1957. – 12 нояб. – №316.

*Из контекста публикации: «В Пекине состоялся многотысячный митинг трудящихся, посвященный дальнейшему укреплению единства социалистического лагеря и успехам Китайской Народной Республики на пути социалистического строительства. В выступлениях представителей рабочих, крестьянской интеллигенции и партактива подчеркивалось, что победы китайского народа неразрывно связаны с верным руководством Коммунистической партии Китая и ее Центрального Комитета во главе с товарищем Мао Цзэдуном. **Идеи Мао Цзэдуна, творчески развивающие марксизм-ленинизм, служат важным руководством для народов, строящих социализм.** Выступающие отмечали, что опора на марксистско-ленинские принципы, обогащенные опытом китайской революции, помогает трудящимся Китая успешно решать задачи индустриализации страны, культурного подъема и укрепления народно-демократического строя. Участники митинга выразили горячую благодарность Советскому Союзу за всестороннюю братскую помощь и подчеркнули, что нерушимая дружба между СССР и КНР является надежной гарантией мира и безопасности для всех миролюбивых народов».

⁶⁸ Цель наша и у всех народов мира // Правда. – 1968. – 09 июня. – №161.

*Из контекста публикации: «Выступая на митингах и собраниях, представители демократических движений различных стран подчеркивают, что народы все настойчивее требуют коренных перемен и выступают против политики, ведущей к разделению мира и усилению социального неравенства. **Миллионы людей во всем мире стремятся искоренить бедность, ненавидят угнетение, догматизм и демагогию (и их крайние проявления – расизм, фашизм, сталинизм и маоизм), верят в прогресс в условиях социальной справедливости и свободы мысли, основанный на использовании всего положительного опыта, накопленного человечеством. Как**

советской стороной политической линии Пекина, что свидетельствует о нарастании конфронтации между государствами и передается в прагматике медиатекстов.

В 2000-е годы наблюдается расширение прагматического потенциала термина «маоизм»: он начинает функционировать в ироничном и саркастическом ключе, приобретая оттенки злой иронии. Для примера рассмотрим отрывок статьи «Улучшители мира» («Известия» от 26 мая 2008 года): *«Быстренько бы узнали, почем фунт столь соблазнительного вчуже маоизма, к коему, разочаровавшись в сталинизме, переметнулся гуру студенческой молодежи Жан-Поль Сартр»*⁶⁹. Очевидно, что лексема «маоизм» используется с саркастическим оттенком и выражает критику идеологических предпочтений некоторых представителей западной интеллигенции. Ирония усиливается стилистически маркированной конструкцией «почем фунт маоизма», приближающей высказывание к разговорному стилю.

В 2010 – 2020-е годы лексема «маоизм» стабильно сохраняет резко отрицательную окраску, ассоциируясь с тоталитаризмом и историческими трагедиями. Например, в газете «Известия» от 12 февраля 2014 года написано: *«Несвободны, потому что не прокляли наследие маоизма и не раскаялись за сотни миллионов жертв – великие проекты Мао завершились только с его смертью в 1976 году»*. Маоизм здесь осмысляется как историческое наследие, оцениваемое собственным народом через призму коллективной травмы и последствий тоталитарной политики. В данном случае выражается осуждение идеологии маоизма, акцентируется внимание на ответственности за массовые человеческие жертвы и разрушительные последствия идеологически мотивированных реформ.

На следующем этапе анализа прагматических характеристик китайских

отмечают участники этих выступлений, решимость трудящихся и растущее единство народов продолжают оказывать все более заметное влияние на международную обстановку и усиливают позиции тех сил, которые последовательно выступают за мир и сотрудничество».

⁶⁹ Улучшители мира // Известия. – 2008. – 26 мая.

*Из контекста публикации: «В силу известных особенностей российской истории, "наши" отнюдь не сочувствовали "тамошним". Даже тамошнюю революцию не называли революцией. Она казалась им пародией. Самых бунтарей величали презрительно - леваками. Европейские друзья хунвейбинов не без основания казались "нашим" поддельными романтиками. Баррикады из собственных автомобилей – это, чай, не краснопресненские баррикады из трамваев, булыжников и телеграфных столбов. Их бы на строительство Беломорканала, быстренько бы узнали, почем фунт столь соблазнительного вчуже маоизма, к коему, разочаровавшись в сталинизме, переметнулся гуру студенческой молодежи Жан-Поль Сартр».

заимствований в русскоязычном медиадискурсе периода ухудшения советско-китайских отношений особое внимание заслуживает термин *дацзыбао* – от китайского *大字报* [dà zì bào]. Изменение прагматической окраски этого заимствования в зависимости от исторических условий и коммуникативных задач позволяет рассматривать его как семиотически подвижную единицу, отражающую эволюцию образа Китая в советском медиадискурсе.

В конце 1960-х годов, на фоне нарастающего идеологического противостояния между СССР и КНР, лексема «дацзыбао» приобретает выраженную негативную оценочность и начинает употребляться в советском медиадискурсе как обозначение экстремистских и деструктивных форм политической мобилизации, сопровождавших события Культурной революции. В ряде публикаций подчеркивалось, что распространение подобных плакатов способствовало эскалации внутренней напряженности, разжиганию конфликтов между различными группами населения и подрыву механизмов организованного государственного управления. Так, в газете «Правда» от 14 февраля 1968 года отмечалось: *«Расклеиваемые на улицах Пекина экстремистские дацзыбао стали одним из инструментов разжигания политической истерии, в которых разрозненные группы радикалов предъявляют обвинения, подталкивающие страну к дальнейшему хаосу и разобщению»*⁷⁰. В данном контексте слово функционирует как маркер идеологически вредной практики, противопоставляемой принципам общественной стабильности и упорядоченного политического процесса.

В последующие периоды слово используется без эмоциональной окраски, к примеру, в 1990-е годы оно появляется преимущественно в ретроспективных и документальных описаниях событий Культурной революции, где функционирует как фактографическая единица, лишенная оценочного компонента. Так, находим

---

⁷⁰ Выходки пекинских радикалов и нарастающий хаос // Правда. – 1968. – 14 февр. – №45.

*Из контекста публикации: *«Сообщения из Пекина отмечали, что продолжающиеся кампании так называемых “революционных групп” все чаще сопровождаются появлением агитационных надписей, направленных против отдельных представителей власти и учреждений. Расклеиваемые на улицах Пекина экстремистские дацзыбао стали одним из инструментов разжигания политической истерии, в которых разрозненные группы радикалов предъявляют обвинения, подталкивающие страну к дальнейшему хаосу и разобщению. Как подчеркивалось в публикации, подобные действия усугубляют атмосферу нестабильности и приводят к дальнейшему росту напряженности в ряде районов страны».*

фрагмент статьи, опубликованной в газете «Известия» от 18 ноября 1997 года: «В конце *дацзыбао* он приписал свой телефон и адрес и пригласил всех желающих, в том числе Дэн Сяопина, к публичной дискуссии»⁷¹. Лексема «*дацзыбао*» употребляется здесь в нейтральном значении и лишена эмоционально-экспрессивной окраски. Она функционирует как номинация исторического явления, без выражения оценки его позитивных или негативных последствий.

Однако с 2000-х годов слово встречается в историко-культурных очерках, где толкуется как способ народного самовыражения. В некоторых случаях это интерпретируется положительно, как символ активного участия народа в общественной жизни. Например, в заметке газеты «Известия» от 16 сентября 2001 года находим: «Когда-то китайцы писали *дацзыбао*, чтобы выразить свое особое отношение к происходящему в Поднебесной, клеили их тайком на какой-нибудь заметной стене»⁷². В этом контексте лексема «*дацзыбао*» обозначает форму культурной практики, ассоциированной с выражением общественной позиции, с акцентом на непосредственность и смелость народного высказывания.

С другой стороны, *дацзыбао* используется как метафора резкой, агрессивной критики, направленной на делегитимацию государственных институтов и подрыв общественной стабильности. Такая интерпретация опирается на ассоциативную связь с хаосом, политическим шантажом и популистской риторикой. Показателен пример из статьи газеты «Известия» от 12 мая 2015 года, где сообщается о массовых акциях протеста с использованием провокационных лозунгов: «Участники митинга развесили на ограждениях импровизированные *дацзыбао* с обвинениями в адрес властей, требуя немедленных отставок и угрожая радикальными действиями»⁷³. В данном контексте *дацзыбао* приобретает метафорическое значение и используется с ироничной окраской для обозначения стихийных агитационных высказываний, характеризующихся ультимативной риторикой: обвинениями в нарушении национальных интересов, призывами к смене власти и

---

⁷¹ Главный китайский диссидент попал в американскую больницу // Известия. – 1997. – 18 нояб.

⁷² Цветы у посольской ограды // Известия. – 2001. – 16 сент.

⁷³ Задержание участника митинга от Чечни в Москве // Известия. – 2015. – 12 мая.

угрозами силового вмешательства. Такая форма высказывания ассоциируется с радикализмом и деструктивными политическими практиками, что усиливает ее негативную прагматическую нагрузку и формирует в общественном сознании образ нестабильности и угрозы гражданскому порядку.

Для дальнейшего анализа прагматических характеристик китайских заимствований в русском медиадискурсе рассмотрим лексему «*фэншуй*», восходящую к китайскому 風水 [fēng shuǐ], зафиксированную в русском языке с конца XX века. *Фэншуй* (или *фэн-шуй*, буквально «ветер и вода») – это традиционное китайское учение, направленное на гармонизацию пространства с целью улучшения качества жизни человека. В конце 1980-х годов и в последующие десятилетия, на фоне процессов глобализации и возросшего интереса к восточным духовным и оздоровительным практикам, лексема «*фэншуй*» актуализировалась, то есть была соотнесена с конкретной речевой ситуацией, и приобрела популярность в российском медиaprостранстве и стала регулярно фигурировать в СМИ как актуальное культурное явление, связанное с организацией жилого пространства, улучшением внутренней атмосферы и поиском гармонии в повседневной жизни. В медиадискурсе встречаются две формы написания этого слова: слитное – *фэншуй* и дефисное – *фэн-шуй*. Использование дефиса в ряде текстов обусловлено стремлением графически подчеркнуть двухкомпонентную структуру термина, отражающую значение его составляющих – «ветер» и «вода», однако на уровне содержания эти варианты равнозначны.

С момента своего первого упоминания и по настоящее время слово «*фэншуй*» прошло путь от специфического культурного термина до общеупотребительного слова, используемого в самых разных контекстах – положительном, нейтральном и негативном. Например, в газете «Известия» от 2001 года в анонсе мероприятия отмечается: «*В программе – семинары и мастер-классы (например, “Искусство Фэн-шуй и магический дизайн интерьера” – одно название чего стоит)*»⁷⁴. В данном случае употребление лексемы «*фэншуй*» в графически маркированной

---

⁷⁴ Красотица // Известия. – 2001. – 04 окт.

форме (с прописной буквы), несмотря на статус нарицательного существительного, подчеркивает ее особую значимость в контексте мероприятия. Слово репрезентируется как обозначение уникального знания или искусства, актуального и привлекательного для широкой аудитории.

В этом газетном материале *фэньшуй* ассоциируется с гармонией, здоровым образом жизни, рациональной организацией пространства и личностным ростом, вследствие чего лексема приобретает положительную оценочную окраску. В то же время в газете «Известия» от 2010 года сообщается о скандале с участием так называемых мастеров фэншуй: *«Издание отмечает, что пойти на подобные меры мастеров подвигла серия скандалов и судебных процессов, связанных с людьми, которые предлагали услуги **фэньшуй** и были уличены в вымогательстве денег»*⁷⁵. В данном контексте лексема «*фэньшуй*» приобретает негативную оценочную окраску, поскольку употребляется в связи с фактами мошенничества, шантажа и злоупотребления доверием. Таким образом, прагматические характеристики заимствования варьируются в зависимости от контекста: в большинстве случаев слово сохраняет нейтральную или положительную коннотацию, однако в отдельных медийных сообщениях употребляется с отрицательной семантической нагрузкой, обусловленной содержанием и интонацией публикации.

Рассмотренные примеры позволяют утверждать, что прагматическая динамика китайских заимствований в русских медиатекстах напрямую коррелирует с трансформацией характера российско-китайских отношений в рамках трех ключевых исторических этапов, описанных выше. Исследованные лексемы демонстрируют вариативность прагматики употребления и коннотативного значения, обусловленную изменяющимся политическим контекстом, идеологической конъюнктурой и коммуникативными задачами медиасреды. Таким образом, китайские заимствования в русских СМИ не только выполняют номинативную функцию, но и служат индикаторами состояния двусторонних отношений, становясь средствами выражения политических оценок, идеологических установок и общественных настроений в различные исторические

---

⁷⁵ Мастера фэншуй создадут собственную организацию // Известия. – 2010. – 06 сент.

периоды.

Для полноты картины взаимного языкового влияния целесообразно рассмотреть динамику употребления русских заимствований в китайских медиатекстах за тот же период (1950 – 2023 годы), что позволит выявить общие тенденции и специфические черты двустороннего языкового взаимодействия в медиапространстве.

Выводы по главе II

Средства массовой информации играют значимую роль в освещении глобальных трансформаций и, как следствие, в формировании и развитии современного языка, одновременно выступая инструментом идеологического воздействия. Каждое заимствованное слово несет в себе отпечаток историко-коммуникативного контекста, в котором оно возникло. Таким образом, медиатексты, информируя читателя о событиях в мире и формируя его отношение к ним, посредством активного использования заимствованной лексики косвенно способствуют укоренению иностранных слов в языке-реципиенте.

В русском медиадискурсе активно используется иноязычная лексика, связанная с различными сферами общественной, культурной и профессиональной деятельности. Заимствованные слова из сферы бизнеса, культурной жизни и науки широко применяются в текстах медиа на русском языке, отражая не только экономическое развитие, но и трансформации образа жизни внутри России и за ее пределами. С увеличением иностранных экономических и культурных контактов активизируется языковое взаимодействие между Китаем и Россией и, как следствие, наблюдается активное внедрение в русский язык лексики китайского происхождения, охватывающей практически все сферы человеческой жизни.

Заимствованные слова, переходя из китайского языка в русский, претерпевают адаптационные изменения, направленные на их интеграцию в лексико-грамматическую систему языка-реципиента. Эти изменения, прежде всего, касаются фонетики, семантики и морфологии. Соответственно, такие лексемы могут быть классифицированы по следующим критериям: по типу заимствования, по способу грамматической адаптации, по специфике семантической интеграции.

Несмотря на существенные структурные различия между русским и китайским языками, лексические заимствования китайского происхождения составляют значимый объем, свидетельствуя об устойчивом, хотя и ограниченном, лингвокультурном влиянии КНР. Посредством анализа 45 заимствованных из китайского языка слов, зафиксированных в текстах газет «Правда» и «Известия» за

1950–2023 годы, установлено, что большинство из них пришли в русские медиатексты путем транскрибирования китайских звуков в русские, что объясняется стремлением максимально приблизить их русское звучание к оригинальной фонетической форме. 68% исследованных слов китайского происхождения заимствовались в русский язык путем калькирования, в то время как лексико-семантические кальки и полукальки гораздо менее распространены. В исследуемый период в русскоязычных медиатекстах преобладают китайские заимствования, обозначающие новые предметы, понятия и культурные феномены, а случаи использования слов китайского происхождения в качестве синонимичных эквивалентов существующих русских единиц остаются сравнительно редки.

Статистический анализ позволяет выявить динамику употребления китайских заимствований в русскоязычном медиадискурсе в период с 1950 по 2023 год. Функционирование китайских заимствований в русскоязычных медиатекстах их семантика и эмоционально-оценочная окраска варьируются в зависимости от контекста публикации, коммуникативной установки автора и социокультурных условий соответствующего исторического этапа в развитии отношений между Советским Союзом (Россией) и Китаем.

ГЛАВА III. ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В КИТАЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ В 1950–2023 ГОДЫ

Настоящая глава посвящена комплексному анализу особенностей функционирования заимствованной лексики в китайском медиадискурсе на протяжении второй половины XX – начала XXI века. В центре внимания находятся русские заимствования, зафиксированные в материалах ведущих китайских газет – «Жэньминь Жибао» и «Справочные новости» в период с 1950 по 2023 год. Исследование включает лексико-грамматический и прагматический анализ заимствованных единиц, а также их классификацию по различным параметрам: происхождение, способ заимствования и степень семантической адаптации. В рамках главы выделяются три ключевых направления: характеристика китайского медиадискурса в его исторической динамике, специфика употребления русской заимствованной лексики в китайских СМИ, а также количественная и прагматическая трансформация заимствованных единиц в зависимости от политических и культурных контекстов. Такой подход позволяет выявить закономерности языкового взаимодействия между Китаем и Советским Союзом (Россией), а также проследить роль медийной среды как основного канала фиксации и распространения заимствований в китайском языке.

3.1. Лексические особенности китайского медиадискурса

За последние несколько десятилетий китайский медиадискурс претерпел существенные изменения, последовательно отражая социальные, экономические и технологические преобразования, происходящие в стране.

Обозначим кратко этапы развития медиадискурса в Китае.

1. 1950 – 1978 годы. Основание Китайской Народной Республики в 1949 году ознаменовало начало новой важной вехи в истории Китая. В этот период китайская социалистическая модель стала доминирующей. Следуя примеру советской традиции медийного дискурса, китайские СМИ активно поддерживали идею

коммунизма, подчеркивали единство нации и контролировали любые выражения оппозиционных взглядов.

В рассматриваемый период лексика китайских масс-медиа во многом была обусловлена политическими и идеологическими трансформациями, происходившими в стране, включая установление коммунистического режима, движение за социалистическую реконструкцию и Культурную революцию. Анализ публикаций ведущих китайских периодических изданий, указанных в качестве материала в данной диссертации, позволяет выделить следующие тематические группы лексики:

1. идеологическая и политическая лексика: 毛泽东思想 («мысли Мао Цзэдуна»), 社会主义 («социализм»), 共产主义 («коммунизм»), 无产阶级 («пролетариат»), 阶级斗争 («классовая борьба»);

2. лексика, связанная с революционными событиями и массовыми движениями: 文化大革命 («Культурная революция»), 人民公社 («народные коммуны»), 大跃进 («Большой скачок»);

3. лексические единицы, отражающие антиимпериалистическую и антиконтрреволюционную риторику: 美帝国主义 («американский империализм»), 阶级敌人 («классовый враг»);

4. лексика, связанная с мобилизацией и агитационной деятельностью: 突击 («ударный труд»), 劳动英雄 («трудовые герои»), 群众动员 («мобилизация масс»);

5. лексика, служащая пропаганде личности Мао Цзэдуна: 伟大领袖 («великий кормчий»), 毛主席语录 («Цитаты Председателя Мао»);

6. термины, относящиеся к экономической и хозяйственной деятельности: 国民经济 («народное хозяйство»), 集体农场 («коллективные фермы»), 自给自足 («самодостаточность»), 五年计划 («пятилетний план») [张闻静, 2010, 24].

В этот период в связи с активным политическим и экономическим сотрудничеством между Китаем и Советским Союзом, в китайский язык вошло значительное количество заимствований из русского языка. Эти лексические

единицы отражают практически полное усвоение советского опыта и охватывают политическую (社会主义 – «социализм»⁷⁶, 共产主义 – «коммунизм», 无产阶级 – «пролетариат»⁷⁷), экономическую (集体主义 – «коллективизм»⁷⁸, 全民所有制 – «всенародная собственность»⁷⁹, 五年计划 – «пятилетка»⁸⁰, 计划经济 – «плановая экономика»⁸¹, 粮食税 – «продналог»⁸², 地下经济 – «теневая экономика»⁸³), культурно-образовательную (习明纳尔 – «семинар»⁸⁴, 副博士 – «кандидат наук»⁸⁵, 教研组 – «кафедра»⁸⁶), общественно-бытовую (广播体操 – «радиогимнастика»⁸⁷, 积极分子 – «активист»⁸⁸, 软卧 – «мягкое спальное место»⁸⁹), а также военно-техническую и промышленную сферы (卫星 – «спутник»⁹⁰, 电气化 – «электрификация»⁹¹, 拖拉机 – «трактор»⁹²). Кроме того, через посредство русского языка в китайский узус проникли слова из европейских языков, в частности английского (например, 洗发香波 – «шампунь» от англ. shampoo, 峰会 – «саммит» от англ. summit) [Козырев, 2007, с. 54]. Таким образом, русский язык в этот период был не только основным источником пополнения китайской лексики, но и посредником при заимствовании лексических единиц из других иностранных языков.

2. 1978 – 2000 годы. В декабре 1978 года на Третьем съезде Центрального комитета КПК одиннадцатого созыва было принято важнейшее решение о

---

⁷⁶ Социалистическое строительство в нашей стране продвигается уверенными шагами // Жэньминь Жибао. – 1954. – 12 марта.

⁷⁷ Идеи коммунизма вдохновляют народ на новые трудовые подвиги // Жэньминь Жибао. – 1953. – 5 октября.

⁷⁸ Пролетариат является решающей силой революции // Жэньминь Жибао. – 1951. – 18 июня.

⁷⁹ Коллективизм становится важной основой сельского труда // Жэньминь Жибао. – 1956. – 14 мая.

⁸⁰ Развитие экономики всенародной собственности // Гуанмин жибао. – 1956. – 18 октября.

⁸¹ О ходе выполнения третьего пятилетнего плана // Жэньминь Жибао. – 1966. – 9 января.

⁸² Плановая экономика обеспечивает устойчивое развитие народного хозяйства // Жэньминь Жибао. – 1955. – 22 февраля.

⁸³ Введение продналога укрепляет государственное регулирование сельского хозяйства // Жэньминь Жибао. – 1953. – 2 ноября.

⁸⁴ Борьба с теневой экономической деятельностью усиливается // Гуанмин жибао. – 1976. – 5 апреля.

⁸⁵ Проведение семинаров в учебно-методических группах вузов // Гуанмин жибао. – 1959. – 3 ноября.

⁸⁶ Подготовка научных кадров уровня «кандидат наук» активно развивается // Жэньминь Жибао. – 1978. – 12 июня.

⁸⁷ Работа кафедр способствует совершенствованию высшего образования // Жэньминь Жибао. – 1957. – 18 сентября.

⁸⁸ Радиогимнастика внедряется в школьную физическую подготовку // Жэньминь Жибао. – 1952. – 19 июля.

⁸⁹ Отчет о передовиках-активистах на собрании трудящихся // Жэньминь Жибао. – 1964. – 22 марта.

⁹⁰ Новые мягкие спальные места введены на железнодорожных маршрутах // Гуанмин жибао. – 1975. – 15 августа.

⁹¹ Китай успешно запустил первый экспериментальный спутник // Жэньминь Жибао. – 1970. – 25 апреля.

⁹² Электрификация сельских районов быстро продвигается // Гуанмин жибао. – 1958. – 9 октября.

проведении внутренних реформ и начале реализации политики открытости для внешнего мира. Это съезд стал поворотным моментом, имеющим далеко идущие последствия в истории КПК и всего мира. Медиадискурс начал изменяться, фокусируясь на экономическом росте, открытости миру и потребности в инновациях.

Этот период характеризуется переходом от жесткой коммунистической риторики к более прагматичному и экономически ориентированному языку. В медиадискурсе Китая активно обсуждаются такие темы, как экономические реформы и модернизация (社会主义市场经济 – «социалистическая рыночная экономика», 四个现代化 – «четыре направления модернизации», 经济特区 – «экономическая зона»), развитие и рост экономики (工业发展 – «развитие промышленности», 投资 – «инвестиции», 现代基础设施 – «современная инфраструктура»), международное сотрудничество и глобализация (国际合作 – «международное сотрудничество», 对外贸易 – «внешняя торговля», 国际组织 – «международные организации»), вопросы улучшения качества жизни, социальной защиты и образования (社会保障 – «социальная защита», 生活质量 – «качество жизни», 医疗 – «здравоохранение»), поддержка науки и техники, инноваций и технологического развития (科技进步 – «научно-технический прогресс», 研发 – «исследования и разработки», 信息技术 – «информационные технологии»), изменения в культуре, традициях и социальных нормах (文化复兴 – «культурное возрождение», 社会变革 – «социальные изменения», 新价值观 – «новые ценности»).

В результате установления многосторонних связей Китая с западными странами в различных сферах деятельности в китайском языке появилось значительное количество заимствований. В указанный период основным языком-источником заимствований является английский, в то время как русские заимствования встречаются гораздо реже: 独联体 («СНГ – Содружество

независимых государств»⁹³), 喀秋莎火箭弹 («Катюша»⁹⁴) и др.

3. 2000 – 2023 годы. В начале XXI века, после вступления КНР во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 году, медиадискурс стал концентрироваться на обсуждении вопросов мировой экономической интеграции и технологического развития. Этот период в жизни страны характеризуется дальнейшей интеграцией в мировую экономическую систему, развитием технологий и усилением международного влияния Китая.

В медийных текстах указанного периода активно используются слова, тематически связанные с такими аспектами общественной жизни, как экономический рост и развитие (高速增长 – «высокие темпы роста», 创新经济 – «инновационная экономика», 可持续发展 – «устойчивое развитие»), технологический прогресс (人工智能 – «искусственный интеллект», 物联网 – «Интернет вещей», 数字化 – цифровизация), международное влияние и дипломатия (一带一路 – «пояс и путь», 和平崛起 – «мирное восхождение», 国际合作 – «международное сотрудничество»), внутренняя политика и управление (中国梦 – «Китайская мечта», 依法治国 – «управление по закону», 全面深化改革 – «всесторонняя углубленная реформа»), улучшение качества жизни, образование и здравоохранение (医疗现代化 – «модернизация здравоохранения», 社会福利 – «социальное благосостояние»), экологически чистые технологии и борьба с изменением климата (环境保护 – «защита окружающей среды», 绿色经济 – «зеленая экономика», 碳中和 – «углеродная нейтральность»), а также сохранение культурного наследия, национальные ценности и патриотизм (文化遗产 – «культурное наследие», 民族自豪感 – «национальная гордость»).

В языке китайских СМИ этого периода по-прежнему фиксируется присутствие иностранных заимствований, преимущественно из английского языка. Помимо традиционных лексических заимствований, в медиатекстах XXI века

---

⁹³ Создание Содружества Независимых Государств // Жэньминь Жибао. – 1991. – 22 декабря.

⁹⁴ Советские реактивные установки «Катюша» продемонстрировали высокую эффективность // Жэньминь Жибао. – 1979. – 14 августа.

наблюдается тенденция использования англоязычных выражений в форме аббревиатур, что может быть интерпретировано как следствие модных веяний: 世界贸易组织 – WTO – «World Trade Organization» – «Всемирная торговая организация», 中央商务区 – CBD – «Central Business District» – «Центральный деловой район», 国际货币基金组织 – IMF – «International Monetary Fund» – «Международный валютный фонд», 首席执行官 – CEO – «Chief Executive Officer» – «директор компании».

Одной из характерных черт китайского медиадискурса является тенденция к использованию ключевых лексем и устойчивых словосочетаний, которые выполняют функцию смыслового ядра высказывания и способствуют структурированию текста. Такая особенность во многом связана с изолирующим характером китайского языка, при котором грамматические средства выражения связей между компонентами высказывания нередко заменяются лексико-семантическими конструкциями.

К примеру, в период с 1958 по 1960 год, когда национальная кампания по ускорению темпов производства стала важной частью государственной повестки, в газете «Жэньминь Жибао» регулярно использовалось словосочетание «大跃进 – Великий скачок вперед» как ключевой заголовочный компонент. Среди таких публикаций можно назвать статьи «欢呼大跃进 (призыв к **Великому скачку вперед**)»⁹⁵ и «农业生产一定能够大跃进 (Сельскохозяйственное производство должно совершить **Великой скачок вперед**)»⁹⁶.

1 июля 1997 года Гонконг был официально возвращен Китаю, после чего политика «одна страна – две системы» была успешно завершена. В новостных сообщениях того периода в качестве ключевого заголовочного компонента регулярно использовалось выражение «一国两制 – одна страна – две системы». Например, «和平统一、一国两制方针 (Мирное воссоединение, **одна страна, две**

---

⁹⁵ Град Великого скачка вперед // Жэньминь Жибао. – 1959. – 10 сент.

⁹⁶ Сельскохозяйственное производство должно совершить Великий скачок вперед // Жэньминь Жибао. – 1957. – 28 дек.

системы)»⁹⁷ и «一国两制是实现祖国和平统一的伟大创举 (Одна страна, две системы – великая инициатива, направленная на достижение мирного воссоединения родины)»⁹⁸. 18 ноября 2012 года на 18-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая генеральный секретарь Си Цзиньпин выдвинул концепцию «китайской мечты» как идею великого национального возрождения, которая впоследствии стала ключевой идеологемой и философией государственного управления. В этот период в китайских СМИ название концепции активно функционировало в качестве ключевого словосочетания. Примерами служат заголовки публикаций: «以强军梦托起中国梦 (Поддержка китайской мечты с помощью мечты о сильной армии)»⁹⁹ и «沿着复兴路实现中国梦 (Реализация китайской мечты на пути к возрождению)»¹⁰⁰.

В текстах новостных сообщений газет «Жэньминь Жибао» и «Справочные новости» используется разнообразная лексика, включая заимствованные единицы, которые будут подробно рассмотрены во второй главе диссертации.

В медиатекстах дискурсивная функция речи достигается за счет включения в словосочетания элементов, отражающих прагматику говорящего. Независимо от того, идет ли речь о конкретных фактах или общих установках, в тексте может быть выражена положительная или отрицательная эмоциональная оценка человека или события с помощью сочетания ключевого слова с его модификаторами. Например, при освещении вопроса об островах Дяоюйдао наиболее характерными являются такие словосочетания «必须承认 (должен признать)» и «必须要求 (должен потребовать)». В новостных статьях положительная оценка официальных действий Китая в отношении островов Дяоюйдао выражается с помощью прилагательных «无可非议的 (неоспоримый)», «合法的 (законный)» и «正当的 (легитимный)»¹⁰¹. Что касается посягательств Японии на острова Дяоюйдао и сопровождающей их

---

⁹⁷ Мирное воссоединение, одна страна, две системы // Справочные новости. – 1990. – 28 дек.

⁹⁸ Одна страна, две системы – великая инициатива, направленная на достижение мирного воссоединения родины // Жэньминь Жибао. – 1997. – 25 мая.

⁹⁹ Поддержка Китайской мечты с помощью мечты о сильной армии // Жэньминь Жибао. – 2017. – 01 авг.

¹⁰⁰ Реализация Китайской мечты на пути к возрождению // Справочные новости. – 2012. – 15 дек.

¹⁰¹ Десять кораблей морского наблюдения курсировали у островов Дяоюйдао // Жэньминь Жибао (зарубежная версия). – 2005. – 28 июня.

дипломатической риторики, то отношение к ним в медиадискурсе носит явно негативный характер, что выражается через использование лексем с отрицательной коннотацией: существительных 闹剧 (фарс)» и «懦夫(трус)» и прилагательных «非法的 (незаконный)», «无效的 (бесполезный)», «徒劳的 (безрассудный)»¹⁰².

Очевидно, что использование слов с положительной и отрицательной оценочной окраской (существительных, прилагательных и глаголов) является одной из характерных черт китайского медиадискурса. Стилистически маркированная лексика с негативной, в частности уничижительной окраской, применяется для обозначения, например, подозрительности или враждебности по отношению к конкретному лицу или событию. Напротив, позитивно окрашенные единицы выражают положительное отношение, такое как уважение, одобрение или признание.

С одной стороны, такие глаголы, как «称 (заявить)» и «宣称 (объявлять или утверждать)» в новостных сообщениях передают нейтральную позицию репортера или могут отражать недоверие к словам представителя пресс-службы, например: «虽然经营普遍出现亏损, 日本各大银行都**宣称** 2002 年度将实现盈利, 理由是“日本经济已达谷底”, 此后将缓慢恢复, 银行将能把信贷成本控制在营业利润之内。(Несмотря на значительные операционные убытки, крупнейшие японские банки **объявили**, что в 2002 финансовом году они ожидают выхода на прибыль, исходя из предположения, что экономика Японии достигла дна и в дальнейшем будет постепенно восстанавливаться, а также при условии сохранения стоимости кредитов в пределах операционной маржи)»¹⁰³.

С другой стороны, слова «谎称 (утверждать заведомо ложное)» демонстрируют явно выраженную негативную оценку и недоверие к сообщаемой информации, например: «经进一步调查核实, 李某已于 1993 年 4 月治疗痊愈。但她为了逃避刑罚, **谎称**“无钱治疗, 病情加重”, 在未经有关部门批准的情况下,

---

¹⁰² Японская сторона стремится все дальше и дальше отступать от консенсуса между двумя странами // Справочные новости. – 2012. – 22 окт.

¹⁰³ Экономика Японии достигла дна // Справочные новости. – 2002. – 03 июня.

擅自外出打工。» (После дальнейшего расследования было установлено, что Ли выздоровела после лечения в апреле 1993 года. Однако, чтобы избежать наказания, она **заведомо ложно утверждала**, что у нее нет денег на лечение и ее состояние ухудшилось и она вышла на работу без разрешения соответствующих органов)»¹⁰⁴.

Важно отметить, что с момента выхода первых номеров ведущих газет в китайском медиадискурсе появилось большое количество заимствованных единиц. Так, в 1950 – 1960-е годы, когда китайское правительство ориентировалось на советскую модель социалистического развития, в медиадискурсе появляется значительное число заимствований из русского языка. Примеры таких лексем: 戈斯计划 (госплан)¹⁰⁵, 共产主义 (коммунист)¹⁰⁶ и др. Начиная с 1980-х в китайском языке стали появляться многочисленные заимствования из западных языков, прежде всего из английского: (可口可乐 (Coca Cola), 肯德基 (KFC) и др.).

Таким образом, китайский медиадискурс отражает авторитарный стиль управления, при котором государство на национальном уровне активно формирует общественное мнение, контролирует информационные потоки и стремится создать положительный образ страны как внутри границ, так и за их пределами. Этому способствуют тщательно отобранные лексические средства, включая контролируемое использование заимствований в СМИ, поскольку медиасреда выполняет не только информационную, но и идеологическую функцию. В рамках настоящего исследования выделены три основных исторических периода в развитии Китая, определяющих лексические особенности медиатекстов соответствующего времени.

3.2. Особенности употребления лексических заимствований в китайских медиатекстах с 1950 по 2023 годы

Лингвист Ю.И. Герасименко отмечает, что доля заимствованной лексики в

---

¹⁰⁴ В сентябре 1991 года Ли была приговорена окружным судом к шести годам лишения свободы за вовлечение и удержание женщины в целях занятия проституцией // Жэньминь Жибао. – 1997. – 09 мая.

¹⁰⁵ Опыт Госплана СССР помогает развитию народного хозяйства Китая // Жэньминь Жибао. – 1955. – 18 апреля.

¹⁰⁶ Высокие качества настоящего коммуниста в строительстве нового Китая // Жэньминь Жибао. – 1953. – 7 сентября.

языке может колебаться в очень широких пределах: примерно от 10% до 80–90% [Герасименко, 14]. Не существует языка, лишённого заимствований, и китайский язык не является исключением из этого правила. Однако китайский язык относится к изолирующим языкам, и его структурные особенности затрудняют проникновение иноязычной лексики. Кроме того, особенности китайского иероглифического письма представляют собой ещё один фактор, затрудняющий внедрение заимствований. И наконец, длительная изоляция Китая также сказывается на специфике появления в нём иностранных слов.

Употребление русской заимствованной лексики в китайском медиадискурсе представляет собой сложный и многоаспектный процесс, обусловленный как историческими этапами развития двусторонних отношений, так и внутренними языковыми механизмами адаптации. Лексемы русского происхождения проникали в китайские медиатексты в разное время и с различной интенсивностью, отражая особенности идеологических установок, характера культурного обмена и направлений внешнеполитического взаимодействия. В данном разделе исследуются семантические, стилистические и прагматические особенности употребления русских заимствований в материалах китайских газет.

3.2.1. Русские лексические заимствования в китайских медиатекстах: особенности употребления

В этом разделе исследуются тематические области лексических заимствований русского происхождения, специфика адаптации русских заимствований в китайском языке, их основные стилистические особенности, а также прагматика их употребления в печатных и электронных материалах китайских газет «Жэньминь Жибао» и «Справочные новости» в период с 1950 по 2023 год. В результате анализа 2 731 статьи, опубликованной в указанных изданиях, была зафиксирована 71 лексическая единица русского происхождения, заимствованная и используемая в китайском медиадискурсе.

«Жэньминь Жибао» (в переводе с кит. «Народная газета») была основана 15

июня 1948 года как официальный орган Коммунистической партии Китая (КПК). После образования Китайской Народной Республики (КНР) в 1949 году «Жэньминь Жибао» стала главным печатным органом правительства и КПК. В этот период газета фокусировалась на пропаганде коммунистической идеологии, поддержке политических кампаний и распространении информации о решениях партии и правительства. После начала реформ Дэн Сяопина в конце 1970-х годов «Жэньминь Жибао» адаптировалась к новым условиям и стала освещать экономические реформы и модернизацию страны. Постепенно издание стало менее идеологизированным: тематический акцент сместился в сторону экономических новостей, социальной политики и международных отношений. С начала XXI века и по сегодняшний день газета «Жэньминь Жибао» сохраняет статус центрального печатного органа Коммунистической партии Китая, выполняя функцию официального рупора партии.

Публикации в газете, как правило, выдержаны в официально-деловом стиле и характеризуются использованием устойчивых политических формул, типичных для коммунистической риторики. Текстовое оформление включает лозунги, цитаты речей руководства КПК и иные элементы, репрезентирующие идеологическую линию партии. При этом язык материалов отличается структурной простотой и понятийной доступностью, что обеспечивает их успешное восприятие широкой читательской аудиторией.

Газета «Справочные новости» была основана 7 ноября 1931 года в Китае. В издании были представлены аналитические материалы, освещающие политическую и экономическую ситуацию в стране, однако изначально оно создавалось с целью информирования иностранных читателей о событиях в Китае. После провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 году газета стала официальным печатным органом центральных властей и начала выполнять функцию трансляции ключевых международных новостей в рамках государственной информационной политики. На сегодняшний день «Жэньминь Жибао» остается одним из ведущих китайских изданий как по политическому значению, так и по тиражу.

Статьи, публикуемые в газете «Справочные новости», как правило, характеризуются формальным стилем изложения, типичным для авторитетных информационно-аналитических изданий. В текстах используется ясный и доступный язык, обеспечивающий восприятие информации широкой читательской аудиторией. Особое внимание уделяется точности перевода иностранных источников при сохранении смысловой структуры и контекста оригинальных материалов. Журналисты издания используют специализированную, связанную с международной политикой, экономикой, культурой, а также заимствованную лексику, что способствует как лексическому обогащению китайского языка, так и более точной репрезентации международных реалий.

Таким образом, газеты «Жэньминь Жибао» и «Справочные новости» играют значимую роль в информационном пространстве КНР. Обе газеты вносят вклад в формирование позитивного образа Китая на международной арене и оказывают влияние на развитие китайского языка, в частности в направлении интеграции иноязычных лексических элементов.

Употребление заимствованной лексики в китайском медиадискурсе за период с 1950 по 2023 год поддается периодизации, отражающей этапы внешнеполитической и культурной трансформации КНР.

1. Период советско-китайского всестороннего сотрудничества с 1950 по 1960 год

С момента своего основания Китайская Народная Республика рассматривала политическую и экономическую модель Советского Союза в качестве ориентира для внутреннего развития. Коммунистическая партия Китая и центральное правительство под руководством Мао Цзэдуна проводили внешнеполитический курс, направленный на интеграцию в социалистический блок во главе с СССР и на противостояние капиталистическому лагерю, возглавляемому Соединенными Штатами Америки.

Такие условия способствовали росту интереса к русскому языку среди китайского населения и обусловили значительное влияние на китайский лексикон. За этот период в ходе политического контакта двух стран в китайском

медиадискурсе появилось 48 русских заимствования, например, 社会主义革命 [shè huì zhǔ yì gé mìng] – «социалистическая революция», 思想教育 [sī xiǎng jiào yù] – «идеологическое воспитание», 文盲清除运动 [wén máng qīng chú yùn dòng] – «ликвидация безграмотности». Экономическая лексика пополнилась русскими словами 票证供应制 [piào zhèng gōng yìng zhì] – «карточная система», 计划经济 [jì huà jīng jì] – «плановая экономика». Кроме того, в китайском языке закрепились заимствованные единицы, связанные с повседневной сферой: 工分 [gōng fēn] – «трудодень», 工间操 [gōng jiān cāo] – «физкультпауза», 街道委员会 [jiē dào wěi yuán huì] – «квартальный комитет.

При адаптации в системе китайского языка русские лексические единицы претерпели ряд изменений на фонетическом, графическом, грамматическом и семантическом уровнях, аналогично процессам, характерным для заимствований китайского происхождения в русском языке.

Так, из экономической лексики в китайский язык было заимствовано слово *пятилетка* – 五年计划 [wǔ nián jì huà] – «плановое государственное развитие, включающее разработку целевых показателей социально-экономического развития сроком на 5 лет»¹⁰⁷. Указанная лексема представляет собой семантическое заимствование калькированного типа. В русском языке *пятилетка* функционирует как лексическая редукция – сокращенная номинативная единица, образованная на основе словосочетания *пятилетний план* посредством эллипсиса второго компонента и последующего словообразовательного оформления первого компонента при помощи суффикса -к- и флексии женского рода -а. При заимствовании в китайский язык лексема *пятилетка* подвергается калькированию: она расщепляется на составляющие компоненты, каждый из которых передается с использованием соответствующего китайского эквивалента. Компонент *пятилетний* переводится как 五年 [wǔ nián], а *план* – как 计划 [jì huà]. В результате формируется словосочетание 五年计划, представляющее собой полную лексико-

---

¹⁰⁷ Ольсевич Ю. Я., Грегори П. Плановая система в ретроспективе: Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. – М.: Теис, 2000.

семантическую кальку с русского языка.

В китайском языке это слово сохранило исходное значение «план экономического развития в ходе пяти лет»¹⁰⁸, о чем свидетельствуют контексты его употребления в медиа-текстах. Например, в статье газеты «Жэньминь Жибао» от 31 августа 1955 года: «*在中国共产党和毛泽东主席的英明领导下, 在苏联真诚无私的帮助下, 只要全国劳动人民团结一致, 努力奋斗, 我们就一定能够胜利地实现这个伟大的五年计划。 [Под мудрым руководством Коммунистической партии Китая и председателя Мао Цзэдуна, при искренней и бескорыстной помощи Советского Союза, при единстве усилий трудящихся страны мы, несомненно, сможем победоносно выполнить эту великую пятилетку]*»¹⁰⁹. В данном случае журналист подчеркивает, что реализация пятилетнего плана рассматривается как неотъемлемый компонент экономической стратегии, направленной на построение социалистического общества в условиях становления Нового Китая. Для усиления оценочной направленности высказывания он использует прилагательное 伟大的 [wěi dà de] – о «великий», что придает высказыванию положительную семантическую окраску и подчеркивает идеологическую значимость упоминаемой концепции.

2. Период ухудшения советско-китайских отношений с 1960 по 1989 год

С начала 1960-х годов внешнеполитический вектор Китая претерпел значительные изменения: началось сближение с США и государствами Западной Европы.

На фоне масштабного взаимодействия с западными странами в китайский язык активно проникает лексика из других языков, преимущественно англоязычного происхождения, охватывающая широкий спектр понятий – от экономики и культуры до повседневной жизни. Это привело к значительному снижению доли русских заимствований по сравнению с предыдущими периодами. Тем не менее, определенный интерес к достижениям Советского Союза сохранялся

---

¹⁰⁸ Цен Ц. Словарь иностранных слов китайского языка. Пекин: Коммерческое издательство, 1990.

¹⁰⁹ Консолидированный союз рабочих и крестьян является основной гарантией выполнения пятилетнего плана. // Жэньминь Жибао. – 1955. – 31 авг.

и продолжал отражаться в языке и медийной сфере. В китайский медиадискурс проникают 9 русских слов, среди которых, например, 开放 [kāi fàng] – «гласность», 卡玛斯 [kǎ mǎ sī] – «Камаз».

Достижения Советского Союза в аэрокосмической сфере в начале 1960-х годов получили широкое международное признание, включая позитивный отклик в Китае, что подтверждается лингвистическими данными, зафиксированными в медиадискурсе того периода. Так, в китайский заимствуются такие слова, как космонавт – 宇航员 [yǔ háng yuán] и *Восток* – 东方号 [dōng fāng hào].

Рассмотрим более подробно заимствованное слово *Восток* 东方号 [dōng fāng hào], происходящее от русского «Восток» – название первой советской пилотируемой космической программы. Данная лексема представляет собой семантическое заимствование с элементами калькирования: компонент 东方 [dōng fāng] (буквально «восток») передает значение русского географического ориентира, а суффикс 号 [hào] (буквально «номер», «порядковое обозначение») используется в китайском языке для обозначения названий транспортных средств, в том числе космических аппаратов. Таким образом, слово «东方号» по своей структуре отражает лексико-семантическое уподобление русскому оригиналу, но оформлено в соответствии с внутренними нормами китайской словообразовательной системы. Это заимствованное слово не только сохранило свою семантическую основу, но и активно функционирует в китайском языке, о чем свидетельствуют его сочетаемость с глаголами в медиадатекстах. В китайском языке это существительное может сочетаться с глаголами: 发射东方号 [duì jiē kōng jiān zhàn] – «запустить “Восток”» и 驾驶东方号 [jià shǐ dōng fāng hào] – «управлять “Восток”».

3. Период нормализации и развития стратегических российско-китайских отношений с 1989 по 2023 год

После распада СССР в начале 1990-х годов количество русских заимствований в китайском медиадискурсе мало изменилось. Тем не менее на фоне геополитических изменений на территории бывшего СССР произошла активизация

языковых контактов между Россией и Китаем, появились такие слова русского происхождения, как 独联体 [dú lián tǐ] – «СНГ (содружество независимых государств)», 哈拉少 [hā lā shào] – «хорошо». В рамках настоящего исследования за период с 1989 по 2023 год в китайских медиатекстах было зафиксировано 14 заимствованных единиц русского происхождения. Несмотря на доминирующее положение английского языка в процессе лексических заимствований, русские слова продолжают функционировать в китайском медиадискурсе, что подтверждает устойчивость лингвистических связей между двумя странами.

Рассмотрим особенности перехода в китайский язык аббревиатуры *СНГ*, передаваемой как 独联体 [dú lián tǐ]. Эта речевая единица представляет собой семантическое заимствование, при этом в языке-источнике лексема образована путем аббревиации – объединения начальных букв компонентов словосочетания *Союз независимых государств*, переводимых на китайский язык как 独立国家联合体 [dú lì guó jiā lián hé tǐ], то есть дословно «союз независимых государств». Китайский эквивалент сконструирован по принципу смысловой кальки, и в процессе адаптации в китайском языке эта фраза была сокращена до трех иероглифов, каждый из которых отражает ключевой элемент исходной конструкции: 独 [dú] – «независимый», 联 [lián] – «союзный, объединенный» и 体 [tǐ] – «организация, структура». Таким образом, китайская аббревиатура 独联体 – *СНГ*, сохранив семантическое содержание оригинала, адаптировалась к нормам китайского языка с учетом его морфологических и стилистических особенностей.

В XXI веке политика открытости Китая способствовала активизации межъязыковых контактов, в том числе расширению сферы лексического заимствования в китайский язык. Важно, что на фоне укрепления российско-китайского сотрудничества в политической, экономической и культурной сферах в XXI веке наблюдается рост языкового взаимодействия между двумя странами. Несмотря на доминирующее положение английского языка в процессе заимствования, в китайский продолжают проникать лексемы русского происхождения, что подтверждает устойчивость лингвистических связей в

условиях многоуровневого двустороннего партнерства. Приведем их: 无情哈拉少 [wú qíng hā lā shào] – *очень хорошо*, 乌拉 [wù lā] – *ура* и 普京 [pǔ jīng] – *Путин*.

Итак, в период с 1950 по 2023 год отношения между Китаем и Советским Союзом (а позже – Россией) прошли три четко выраженных исторических этапа. Характер межгосударственных отношений на каждом из них оказывает непосредственное воздействие на объем, тематику и частотность русских заимствований в китайском медиакосмосе. Указанные особенности представляют собой значимый эмпирический материал для лексико-семантической классификации и последующего анализа русских заимствований в рамках настоящего исследования.

3.2.2. Классификация заимствованных единиц в китайском медиадискурсе

Для изучения особенностей употребления заимствованных единиц, функционирующих в китайском медиадискурсе, необходимо выявить ключевые основания классификации лексики иноязычного происхождения. Заимствованные слова, бытующие в рассматриваемый период на страницах изданий «Жэньминь Жибао» и «Справочные новости», классифицируем по нижеследующим основаниям.

А) По происхождению (по языку-источнику заимствования)

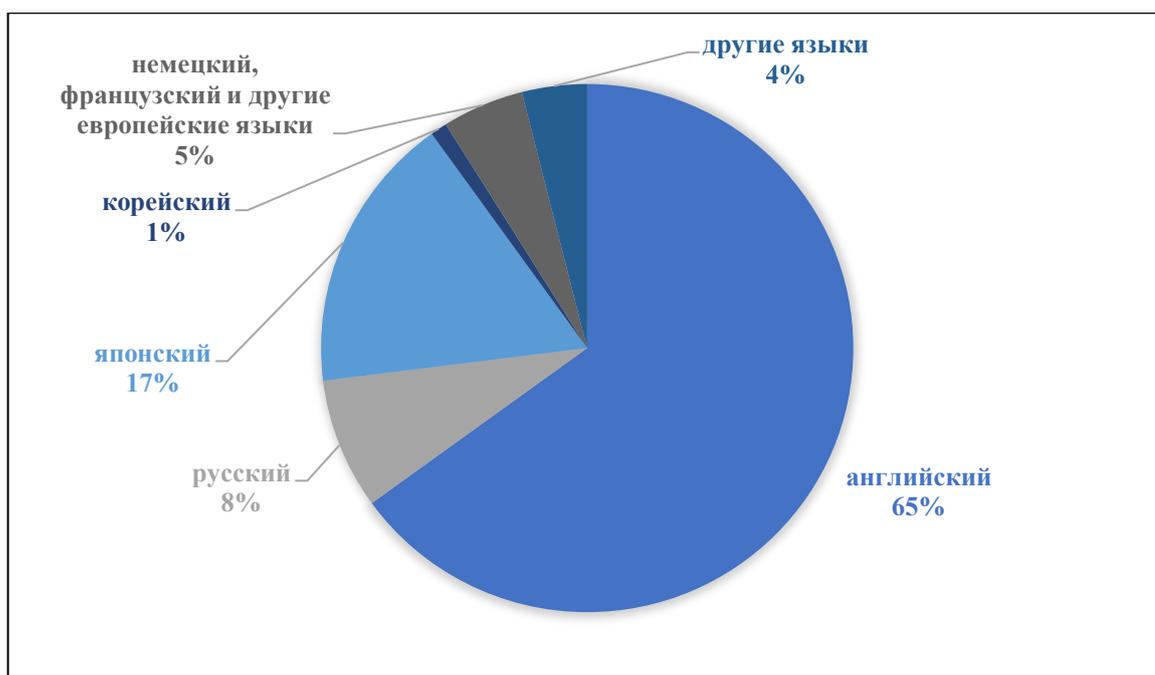

Рисунок 10. Распределение заимствованных слов по языкам-источникам в изданиях «Жэньминь Жибао» и «Справочные новости» (1950–2023 гг.)

Посредством анализа 887 заимствованных слов, зафиксированных в медиатекстах китайских газет «Жэньминь Жибао» и «Справочные новости» за период 1950–2023 годов, было установлено, что основными источниками иноязычной лексики выступают английский (65%), японский (17%) и русский (8%) языки (см. Рисунок 10). Наибольшая доля заимствований приходится на американскую разновидность английского, что обусловлено его статусом глобального языка науки, технологий, бизнеса и массовой культуры, в тематическом поле которых сосредоточено значительное число публикаций ведущих китайских изданий. Англоязычные заимствования способствуют оперативному включению в китайский язык новых понятий, отражающих актуальные технологические, экономические и социокультурные реалии, тем самым ускоряя процессы интеграции соответствующих концептов в национальный лексикон. Например, в СМИ Китая широко используются такие слова английского происхождения, как 艾滋病 [AIDS] – «СПИД», 大数据 [big data] – «большие данные», 股票 [stock] – «акция», 人工智能 [artificial intelligence] – «искусственный интеллект», 新冠病毒 [COVID] – «коронавирус», [DNA] – «ДНК» и т. д.

Кроме того, значительный объем заимствований в китайских медиатекстах

представлен лексикой японского происхождения. Расширению японского влияния на китайский язык способствовали как исторически сложившиеся двусторонние связи, так и интенсивный культурный обмен между странами. Существенная часть общественно-политической и научной терминологии была заимствована еще в начале XX века, в период активного взаимодействия интеллектуальных традиций. В последующие десятилетия в китайский лексикон также вошел ряд культурно-бытовых единиц, отражающих повседневные реалии и особенности японской материальной культуры. В медиатекстах встречаются такие заимствования из японского, как 违和感 – 違和感 – «чувство несоответствия», 卡拉OK – カラオケ – «караоке» и др.

Русский язык также оставался одним из источников лексических заимствований в китайском языке, особенно в середине XX века, когда между КНР и СССР складывались тесные политико-идеологические отношения, сопровождаемые активным научно-техническим и экономическим сотрудничеством. В этот период заимствования охватывали преимущественно терминологию, связанную с социалистической теорией, научно-техническим прогрессом, промышленностью и экономикой: 计划经济 – «плановая экономика», 社会主义 – «социализм», 五年计划 – «пятилетка», 劳动模范 – «герой труда» и др.

Также фиксируются отдельные заимствования из других языков, включая французский, немецкий, итальянский, корейский и некоторые другие. Однако их численность незначительна и, как правило, ограничивается лексическими единицами, относящимися к сферам культуры и гастрономии.

Б) По способу заимствования

Фонетическое заимствование представляет собой перенос иноязычного слова в язык-реципиент в звуковой форме, адаптированной к фонетическим нормам принимающего языка, без сохранения его оригинального написания [Крысин, 2004, 34–36]. Примеры фонетических заимствований: 达瓦里希 [dá wǎ lǐ xī] – товарищ – «человек, связанный с кем-либо по роду деятельности, занятий, месту службы и учебы», 康拜因 [kāng bài yīn] – комбайн – «сельскохозяйственная машина,

выполняющая одновременно ряд операций по уборке зерновых и технических культур», 堪及达 [kān jí dá] – кандидат – «ученая степень, а также лицо, имеющее эту степень; претендент на должность или участие в выборах и т.п.», 克格勃 [kè gé bó] – КГБ – «Комитет государственной безопасности СССР», 无情哈拉少 [wú qíng hā lā shào] – очень хорошо – «выражение, представляющее собой транскрипцию русского слова «хорошо» средствами китайского языка, часто применяется в ироничном или комическом контексте».

При фонетическом способе заимствования иноязычное слово сегментируется на звуки, для каждого из которых подбираются наиболее близкие по звучанию китайские иероглифы или их сочетания. При этом используются иероглифы, уже функционирующие в китайской письменной системе, способные адекватно отразить звуковой облик заимствуемой речевой единицы. Хотя иероглифы обладают собственным лексическим значением, в данном случае они подбираются исключительно на основании фонетической корреспонденции, без учета семантики. Так, русское слово «комбайн» заимствуется в китайский язык в форме 康拜因 [kāng bài yīn], где каждый иероглиф представляет собой приближенное по звучанию соответствие слогам исходного слова.

Семантическое заимствование, или калькирование, представляет собой заимствование значения иностранного слова при помощи уже существующих в языке-реципиенте средств, чаще всего на основе буквального или дословного перевода составляющих исходного слова или выражения [Крысин, 2004, 42]. В китайском языке это выражается в использовании иероглифов, отражающих значение иноязычного термина. Такие заимствования, как правило, представляют собой сложные лексемы, состоящие как минимум из двух морфем: 导弹 – управляемый снаряд, 集体化 – коллективизация, 教研组 – кафедра в значении основной структурной единицы факультета в высшем учебном заведении, СЭВ – Совет экономической взаимопомощи, 转型经济 – экономическая трансформация.

Смешанный тип заимствования сочетает в себе элементы как фонетического, так и семантического заимствования. Такая форма заимствования

представляет собой процесс, при котором часть исходного слова сохраняется по звучанию, а другая его часть переводится или адаптируется по смыслу с помощью морфем языка-реципиента [Крысин, 2004, 36–38]. Подобные заимствования оформляются с использованием китайских иероглифов, часть из которых служит для воспроизведения звучания исходного слова, а другие включаются с целью обеспечения семантической прозрачности или грамматической завершенности конструкции. Дополнительные иероглифы могут предшествовать фонетической основе или следовать за ней, формируя устойчивую лексическую единицу, интегрированную в морфосинтаксическую систему китайского языка. Например, 拖拉机 [tuō lā jī] произошло от русского слова *трактор*. При заимствовании сохраняется первая часть звуковой формы исходного слова (*тра-*), к которой добавляется морфема 机 [jī] – «машина; оборудование». Таким образом осуществляется как фонетическая, так и семантическая адаптация.

Рассмотрим несколько примеров такого типа заимствования:

✧ 米格式 [mǐ gé shì] – *Ми* – представляет собой пример сложного заимствования, сочетающего фонетическую транскрипцию и семантическое калькирование. Морфема 米 [mǐ] выполняет функцию фонетического приближения к начальному звуку слова *Ми* – обозначения советских/российских вертолетов, производимых ОКБ имени М.Л. Миля, а компонент 格式 [gé shì] в дословном переводе означающий «модель», «формат», «тип», передает семантическое содержание оригинального наименования, обозначая техническую разновидность или конструктивную спецификацию объекта;

✧ 博尔食汤 [bó ěr shí tāng] – *борщ* – заимствование для обозначения традиционного супа славянской кухни на основе свеклы. Фонетическая часть 博尔 [bó ěr] приблизительно воспроизводит звучание русского слова «борщ», тогда как компонент 食汤 [shí tāng], дословно переводимый как «пищевой отвар, суп», выполняет семантическую функцию, уточняя кулинарную принадлежность обозначаемого объекта;

✧ 塔斯社 [tǎ sī shè] – калька аббревиатуры *ТАСС*, обозначающей

российское государственное информационное агентство. Слоги 塔斯 [tǎ sī] представляют собой фонетическое приближение к звучанию оригинальной аббревиатуры, а иероглиф 社 [shè] – типичная словообразовательная морфема в китайском языке, обозначающая учреждение, организацию или агентство;

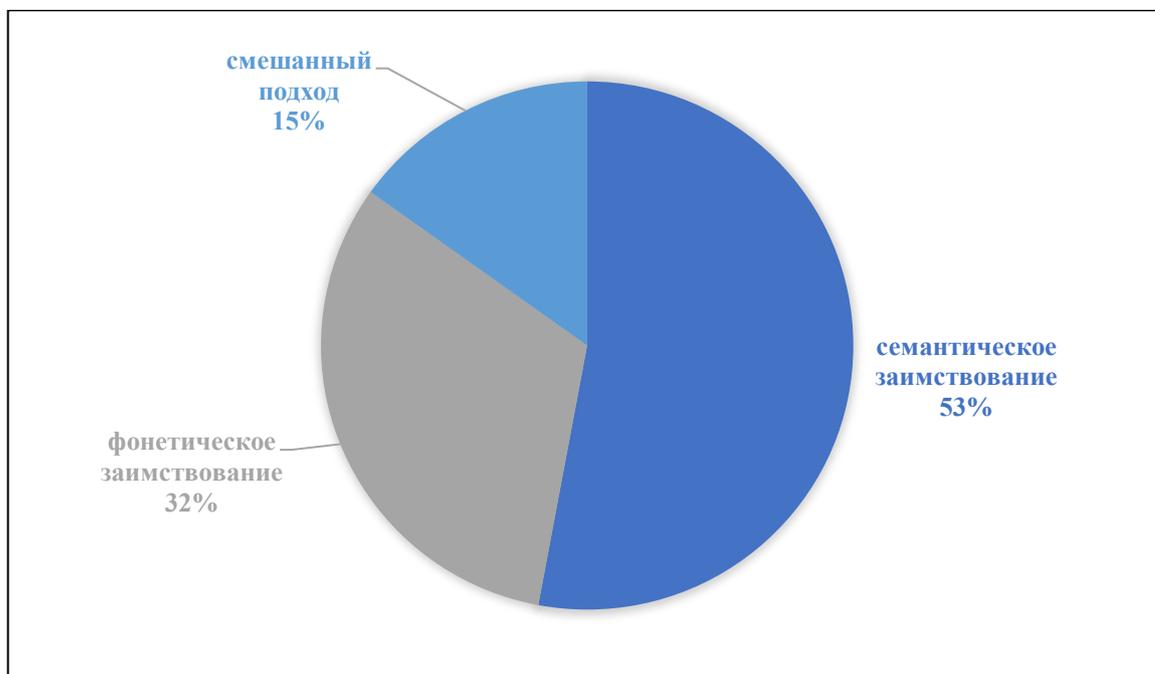

Рисунок 11. Распределение русских заимствованных слов по способу заимствования в китайских медиатекстах (на материале газет «Жэньминь Жибао» и «Справочные новости», 1950–2023 гг.)

Посредством анализа 71 русского заимствования, зафиксированного в китайских медиатекстах за период с 1950 по 2023 год, установлено, что наибольшую долю составляют семантические заимствования (53%), за ними следуют фонетические заимствования (32%) и заимствования смешанного типа (15%) (см. Рисунок 11). Данные основаны на совокупности всех лексем русского происхождения, зафиксированных в газетах «Жэньминь Жибао» и «Справочные новости» за период с 1950 по 2023 год. Значительное количественное преобладание калькированных единиц свидетельствует о доминировании стратегии семантической адаптации при интеграции русской лексики в китайский язык. Это распределение объясняется рядом лингвистических и социокультурных факторов.

1. Заимствованные концепты и термины, отражающие реалии советской действительности, стали основой для формирования идеологических установок и административных практик КНР.

2. Русский терминологический аппарат включал узкопрофильные термины, значение которых невозможно было адекватно передать средствами фонетической транскрипции.

3. Заимствование русскоязычной лексики фонетическим способом нередко сопряжено с трудностями артикуляционного и перцептивного характера, так как фонологическая структура русского языка во многих случаях не соответствует системе китайских тональных и слоговых моделей.

В) По специфике семантической адаптации

Семантические заимствования в китайском языке могут быть классифицированы с учетом степени и характера их интеграции в концептуальную систему языка-реципиента. В ряде случаев речь идет о заимствовании наименований реалий, ранее отсутствовавших в китайском языке. Такие единицы заполняют понятийные лакуны и оформляются с опорой на внутренние ресурсы китайской лексики, что позволяет им органично встраиваться в существующую языковую и когнитивную систему. В соответствии с определением С.В. Мангушева, семантическая адаптация представляет собой «освоение заимствованной единицы в новом языке через актуализацию ее значения в рамках концептуальной системы языка-реципиента» [Мангушев, 2004, с. 162].

Приведем новые лексемы, обозначающие реалии, ранее не репрезентированные в концептуальной системе языка-реципиента: *副博士研究生* – *аспирант* – «лицо, обучающееся в аспирантуре и готовящееся к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата наук», *喀秋莎* – *Катюша* – «неофициальное название советских боевых машин реактивной артиллерии», *独联体* – *СНГ* – «Содружество Независимых Государств».

Предложенная в настоящем исследовании классификация русских заимствованных единиц в китайских медиатекстах позволила систематизировать их по семантическим и формальным признакам, а также выявить особенности их адаптации в китайском языке. Вместе с тем, для более полного понимания их функционирования необходимо учитывать не только типологические

характеристики, но и динамику употребления. В следующем разделе внимание будет сосредоточено на изменениях в частотности использования русских заимствований в китайских медиатекстах в период с 1950 по 2023 год.

3.3. Динамика функционирования русских заимствованных слов в китайских медиатекстах

За период с 1950 по 2023 год из 2 731 статей и новостных сообщений в печатных и электронных изданиях газет «Жэньминь Жибао» [人民日报] и «Справочные новости» [参考消息报] было отобрано 45 слов, заимствованных из русского языка, которые активно используются в китайских медиатекстах. Для дальнейшего анализа были выбраны те единицы, которые не только часто встречаются в корпусе, но и демонстрируют устойчивое функционирование на протяжении всего исследуемого периода, сохраняя при этом актуальность в современном медиапространстве Китая. При изучении русских заимствований, функционирующих в медиадискурсе Китая в период с 1950 по 2023 год, были выделены пять тематических групп.

1. Слова, встречающиеся в политической сфере (*劳动模范 – отличник труда, 配给制 – карточная система, 集体化 – коллективизация, 少先队 – пионерский отряд, 先进分子 – передовик, 劳动改造 – трудовое перевоспитание, 五年计划 – пятилетка, 克格勃 – КГБ, 街道委员会 – квартальный комитет, 国有化 – огосударствление, 社会主义工业化 – социалистическая индустриализация, 开放 – гласность, 重建 – Перестройка, 独联体 – СНГ, 俄罗斯联邦 – Российская Федерация, 主权民主 – суверенная демократия, 联邦安全局 – Федеральная служба безопасности, 国家杜马 – Государственная Дума*).

2. Заимствования, используемые в контексте экономического партнерства России и Китая (*计划经济 – плановая экономика, 生产队 – производственная бригада, 影子经济 – теневая экономика, 转型经济 – экономическая трансформация,*

卢布区 – рублевая зона).

3. Заимствования, связанные с культурой и образованием (副博士 – кандидат (от русского кандидат наук), 扫盲 – ликбез, 习明纳尔 – семинар (от русского семинар), 教研组 – кафедра (от русского кафедра), 教学大纲 – учебная программа, 思想改造 – идеологическое перевоспитание, 五分制 – пятибалльная система, 无情哈拉少 – очень хорошо).

4. Слова из области технологического партнерства между Китаем и Россией (导弹 – управляемый снаряд, 康拜因 – комбайн, 米格式战斗机 – МиГ, 硬件 – аппаратное обеспечение, 人造卫星 – спутник, 拖拉机 – трактор, 拉达 – Лада, 宇航员 – космонавт, 东方号 – Восток, 卡玛斯 – Камаз).

5. Заимствования в сфере спорта и здоровья (课间操 – физкультпауза, 广播体操 – радиогимнастика, 软卧 – мягкое спальное место, 文化宫 – дворец культуры).

Использование русских заимствований в китайских СМИ сопровождается рядом трансформаций, охватывающих количественные и тематические параметры, частотность употребления, графическое оформление, а также семантические и прагматические характеристики лексических единиц. В связи с этим в настоящем разделе анализу подлежит статистическая, семантическая и прагматическая динамика функционирования русских заимствований в китайском медиадискурсе в период с 1950 по 2023 год.

3.3.1. Статистические изменения в использовании русских заимствований в китайских СМИ

Анализ статистической динамики употребления русских заимствований в китайском медиадискурсе требует учета их распределения по трем ключевым историческим этапам двусторонних отношений в период с 1950 по 2023 год, а также по тематическим сферам, в рамках которых данные единицы функционировали в соответствующие периоды.

Согласно полученным данным, в период сотрудничества двух стран в 1950–

1960 годах наибольшее количество русских заимствований в текстах китайских СМИ связано со сферой политики – 11 слов: *劳动模范* – отличник труда¹¹⁰, *集体化* – коллективизация¹¹¹, *少先队* – пионерский отряд¹¹², *先进分子* – передовик¹¹³, *劳动改造* – трудовое перевоспитание¹¹⁴, *五年计划* – пятилетка¹¹⁵, *克格勃* – КГБ¹¹⁶, *街道委员会* – квартальный комитет¹¹⁷, *国有化* – огосударствление¹¹⁸, *社会主义工业化* – социалистическая индустриализация¹¹⁹, *生产队* – производственная бригада¹²⁰. Тема культуры и образования представлена семью единицами: *副博士* – кандидат¹²¹, *扫盲* – ликбез¹²², *习明纳尔* – семинар¹²³, *教研组* – кафедра¹²⁴, *教学大纲* – учебная программа¹²⁵, *思想改造* – идеологическое перевоспитание¹²⁶, *五分制* – пятибалльная система¹²⁷. Область науки и технологий представлена шестью русскими лексемами: *导弹* – управляемый снаряд¹²⁸, *康拜因* – комбайн¹²⁹, *米格式战斗机* – МиГ¹³⁰, *硬件* – аппаратное обеспечение¹³¹, *人造卫星* – спутник¹³², *拖拉机* – трактор¹³³. В сфере спорта и здоровья на страницах двух исследуемых китайских газет обнаружены четыре заимствованных русских слова: *课间操* –

-
- ¹¹⁰ См.: «Жэньминь Жибао» от 04.05.1955; «Жэньминь Жибао» от 05.11.1978; «Жэньминь Жибао» от 20.06.2002.
¹¹¹ См.: «Жэньминь Жибао» от 21.08.1953; «Жэньминь Жибао» от 25.11.1988; «Справочные новости» от 10.08.2000.
¹¹² См.: «Жэньминь Жибао» от 03.01.1958; «Жэньминь Жибао» от 05.10.1978; «Жэньминь Жибао (зарубежная версия)» от 20.10.2000.
¹¹³ См.: «Жэньминь Жибао» от 15.02.1957; «Справочные новости» от 31.08.1981; «Жэньминь Жибао» от 29.04.2003.
¹¹⁴ См.: «Жэньминь Жибао» от 01.09.1955; «Жэньминь Жибао» от 04.11.1985; «Жэньминь Жибао (зарубежная версия)» от 16.08.2000.
¹¹⁵ См.: «Жэньминь Жибао» от 18.11.1957; «Жэньминь Жибао» от 30.11.1984; «Справочные новости» от 01.06.2017.
¹¹⁶ См.: «Жэньминь Жибао» от 21.01.1957; «Справочные новости» от 24.10.1976; «Жэньминь Жибао» от 27.05.2000.
¹¹⁷ См.: «Жэньминь Жибао» от 06.08.1954; «Жэньминь Жибао» от 16.01.1973; «Жэньминь Жибао» от 20.09.2000.
¹¹⁸ См.: «Жэньминь Жибао» от 06.05.1956; «Жэньминь Жибао» от 02.06.1983; «Жэньминь Жибао» от 21.03.2001.
¹¹⁹ См.: «Жэньминь Жибао» от 21.12.1954; «Жэньминь Жибао» от 04.01.1978; «Справочные новости» от 21.03.1995.
¹²⁰ См.: «Жэньминь Жибао» от 25.08.1957; «Жэньминь Жибао» от 09.04.1978; «Жэньминь Жибао» от 31.01.1981.
¹²¹ См.: «Жэньминь Жибао» от 05.06.1957; «Жэньминь Жибао» от 10.05.1976; «Жэньминь Жибао» от 21.11.1995.
¹²² См.: «Жэньминь Жибао» от 29.06.1958; «Жэньминь Жибао» от 28.08.1983; «Справочные новости» от 29.09.2016.
¹²³ См.: «Жэньминь Жибао» от 16.12.1956; «Жэньминь Жибао» от 12.09.1967.
¹²⁴ См.: «Жэньминь Жибао» от 27.01.1958; «Жэньминь Жибао» от 09.05.1973; «Жэньминь Жибао (зарубежная версия)» от 30.05.2016.
¹²⁵ См.: «Справочные новости» от 24.07.1956; «Справочные новости» от 15.04.1980; «Жэньминь Жибао» от 05.03.2001.
¹²⁶ См.: «Жэньминь Жибао» от 13.11.1958; «Жэньминь Жибао» от 07.08.1982; «Жэньминь Жибао» от 02.07.2017.
¹²⁷ См.: «Жэньминь Жибао» от 20.05.1957; «Жэньминь Жибао» от 05.08.2000.
¹²⁸ См.: «Жэньминь Жибао» от 12.11.1957; «Жэньминь Жибао» от 26.03.1982; «Жэньминь Жибао» от 11.10.2000.
¹²⁹ См.: «Справочные новости» от 03.08.1952; «Жэньминь Жибао» от 15.09.1972; «Жэньминь Жибао» от 05.02.1990.
¹³⁰ См.: «Жэньминь Жибао» от 25.12.1957; «Жэньминь Жибао» от 30.11.1971; «Жэньминь Жибао» от 29.03.1999.
¹³¹ См.: «Жэньминь Жибао» от 22.03.1959; «Жэньминь Жибао» от 29.09.1985; «Жэньминь Жибао» от 27.12.2016.
¹³² См.: «Жэньминь Жибао» от 11.07.1958; «Жэньминь Жибао» от 01.06.1962; «Жэньминь Жибао» от 24.01.2000.
¹³³ См.: «Жэньминь Жибао» от 20.02.1959; «Справочные новости» от 06.01.1975; «Жэньминь Жибао» от 05.07.1999.

*физкультпауза*¹³⁴, *广播体操* – *радиогимнастика*¹³⁵, *软卧* – *мягкое спальное место*¹³⁶, *文化宫* – *дворец культуры*¹³⁷. Наконец, две заимствованные лексемы относятся к сфере экономического сотрудничества: *配给制* – *карточная система*¹³⁸, *计划经济* – *плановая экономика*¹³⁹.

В фазе интенсивного двустороннего сотрудничества (1950–1960 годы) КНР активно опиралась на советский опыт в сфере государственного и экономического устройства, что нашло отражение в заимствовании ряда ключевых политико-экономических понятий и терминов из русского языка. *集体化* – *коллективизация*, *劳动改造* – *трудовое перевоспитание* или *计划经济* – *плановая экономика* – эти слова имели ключевое значение для формирования общественно-экономической модели Китая, ориентированного на советский образец. Эти русские кальки не только отражают структурное сходство политических и экономических систем двух государств в рассматриваемый период, но и формируют единую понятийно-терминологическую основу для двустороннего идеологического и административного взаимодействия.

В этой связи рассмотрим термин *配给制* – *карточная система*, зафиксированный в китайском языке в середине XX века как переводной эквивалент соответствующего экономического понятия в русском языке. Данное слово означало распределение продовольствия, одежды, топлива и других жизненно необходимых ресурсов среди населения КНР. В период с 1950 по 2023 год в газетах «Жэньминь Жибао» и «Справочные новости» словосочетание *配给制* – *карточная система* встречается в общей сложности 275 раз.

Впервые оно было упомянуто в 1949 году в газете «Жэньминь Жибао». Наибольшая частота его употребления наблюдается в 1950-е годы, что связано с

¹³⁴ См.: «Жэньминь Жибао» от 17.02.1951; «Жэньминь Жибао» от 21.08.1986; «Жэньминь Жибао» от 02.01.2001.

¹³⁵ См.: «Жэньминь Жибао» от 26.05.1956; «Жэньминь Жибао» от 06.06.1981; «Жэньминь Жибао (зарубежная версия)» от 23.06.2004.

¹³⁶ См.: «Жэньминь Жибао» от 01.11.1956; «Жэньминь Жибао» от 02.01.1982; «Жэньминь Жибао» от 17.03.2002.

¹³⁷ См.: «Справочные новости» от 28.11.1956; «Жэньминь Жибао» от 06.11.1974; «Жэньминь Жибао» от 26.09.2002.

¹³⁸ См.: «Жэньминь Жибао» от 06.04.1955; «Жэньминь Жибао» от 07.11.1973; «Жэньминь Жибао (зарубежная версия)» от 22.04.2017.

¹³⁹ См.: «Жэньминь Жибао» от 18.04.1954; «Жэньминь Жибао» от 31.08.1983; «Жэньминь Жибао» от 02.07.2002.

послевоенными мерами экономического регулирования и восстановления экономики Китая. После 1980-х годов слово все реже встречается на страницах газет, что объясняется глобальными экономическими изменениями и отходом от принципа строгого распределения ресурсов. После 2000 года термин *карточная система* используется редко и встречается только в историческом контексте или при описании чрезвычайных экономических мер.

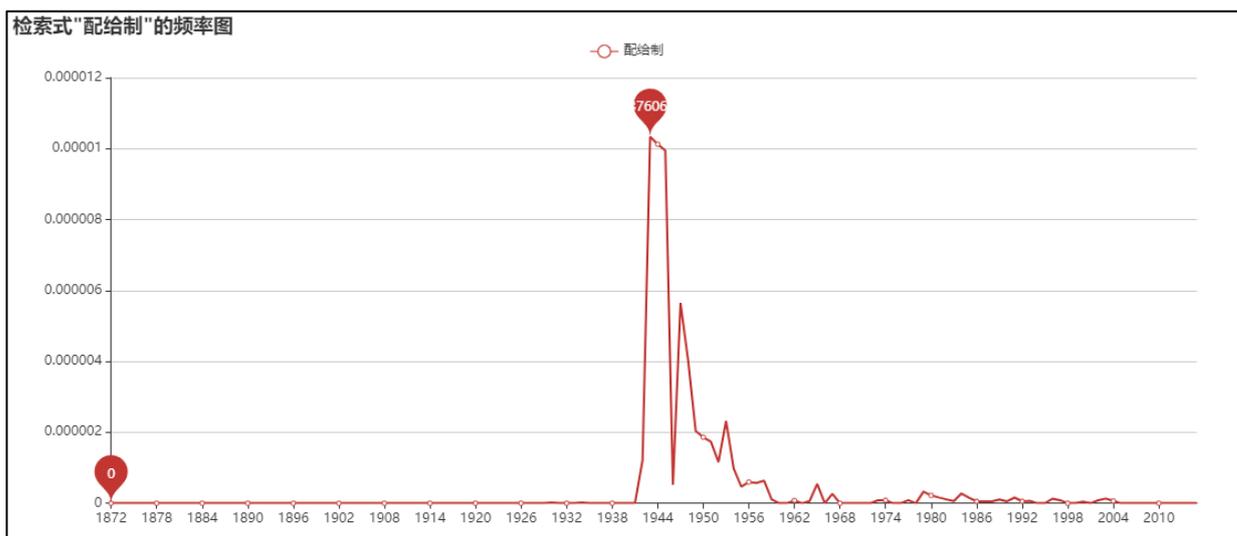
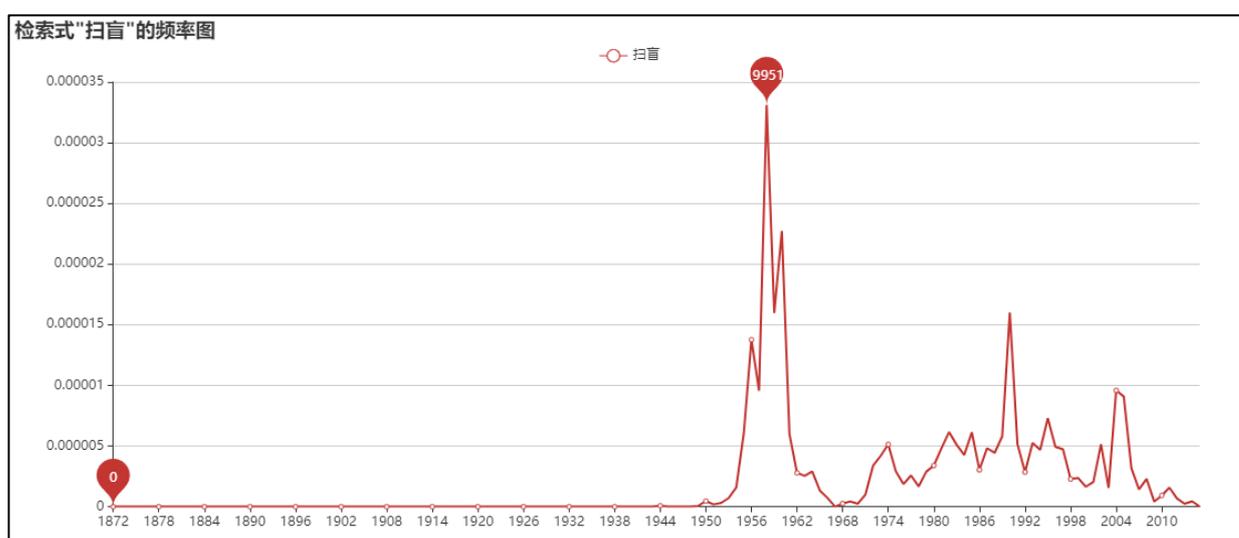

Рисунок 12. Изменение частотности слова русского происхождения «配给制 – карточная система» в СМИ Китая с момента его первого появления (по данным НККЯ, 1950–2023 гг.)

Согласно статистике газетного подкорпуса Национального корпуса китайского языка (см. Рисунок 12), словосочетание «карточная система» встречается в китайских медиатекстах в общей сложности 367 раз. Чаще всего оно встречается в текстах 1940-х, особенно в 1943 году (85 раз). Однако с конца 1940-х годов показатель резко снижается, а затем возрастает в 1950-е годы, достигнув 152 упоминаний. С 1960-х по 1980-е годы сочетание «карточная система» практически не упоминается в китайских СМИ, а с начала 1980-х годов оно вновь появляется в медиатекстах, но характеризуется низкой частотностью, и с 2005 по 2023 год фактически выходит из употребления.

Активное сотрудничество двух стран в сфере идеологической реформы и повышения уровня грамотности населения способствовали закреплению в китайском медиадискурсе и других русских слов, связанных с образованием и культурой. Так, слово 扫盲 – ликбез от «ликвидация безграмотности» стало активно

использоваться в Китае в 1950-х годах. В газетах «Жэньминь Жибао» и «Справочные новости» за период с 1950 по 2023 год оно употребляется 126 раз, а первое его упоминание приходится на 26 июля 1951 года в газете «Жэньминь Жибао». Наибольшая частотность данного слова наблюдалась в 1950 – 1960-е годы, что коррелирует с масштабными кампаниями по ликвидации безграмотности в послевоенном Китае. Пиковое значение зафиксировано в 1958 году: 45 упоминаний. В связи с достижением ключевых показателей по повышению уровня грамотности, к 1970 – 1980-м годам употребление термина постепенно снижается. За последние два десятилетия его частотность в указанных изданиях остается незначительной.

Рисунок 13. Изменение частотности слова русского происхождения «扫盲 – ликбез» в СМИ Китая с момента его первого появления (по данным НККЯ, 1950–2023 гг.)

В соответствии с данными газетного подкорпуса Национального корпуса китайского языка (см. Рисунок 13), слово «ликбез» фиксируется в китайских медиатекстах с 1950 года и в общей сложности упоминается 958 раз за весь анализируемый период до 2023 года. Наибольшее количество употреблений приходится на 1950-е годы, при этом максимальное значение – 134 случая – зафиксировано в 1958 году. В начале 1960-х годов количество упоминаний резко сокращается, однако с 1968 года термин вновь активно используется, что связано с Культурной революцией (1966 – 1976), в рамках которой борьба с неграмотностью приобретает статус элемента идеологической мобилизации. В этот период ликвидация безграмотности рассматривалась не только как образовательная задача,

но и как инструмент политико-воспитательной работы, направленной на вовлечение граждан в революционную деятельность и распространение маоистской идеологии.

После 2000 года наблюдается поступательное снижение частотности употребления лексемы, и с 2015 года она фактически исчезает из медиадискурса, что связано с тем, что к началу XXI века задача достижения всеобщей грамотности в стране была в основном решена. В результате термин утрачивает актуальность и сохраняется преимущественно в историко-документальных и ретроспективных публикациях, посвященных реформаторским кампаниям прошлого.

Во втором историческом периоде (1960–1989) количество русских заимствований в китайских СМИ сократилось. Из шести русских заимствований, зафиксированных в китайских СМИ в период с 1960 по 1989 год, четыре связаны с научно-технической сферой: 拉达 – Лада¹⁴⁰, 宇航员 – космонавт¹⁴¹, 东方号 – Восток¹⁴², 卡玛斯 – Камаз¹⁴³; два относятся к области политики: 开放 – гласность¹⁴⁴, 重建 – перестройка¹⁴⁵. Заимствования, относящиеся к темам экономики, культуры и образования, а также спорта и здоровья за этот период не зафиксированы.

Распределение русских заимствований, появившихся в китайском медиадискурсе в 1960 – 1989 годах, демонстрирует четкую тематическую ориентацию на политико-идеологическую и научно-техническую проблематику. В условиях холодной войны научно-техническое развитие, особенно в областях обороны и космоса, становилось ключевым вектором стратегического соперничества ведущих мировых держав. Несмотря на ухудшение китайско-советских отношений и фактическое прекращение двустороннего технологического сотрудничества, сохраняющееся лидерство СССР в военно-

---

¹⁴⁰ См.: «Жэньминь Жибао» от 06.05.1978; «Жэньминь Жибао» от 10.11.1997; «Жэньминь Жибао (зарубежная версия)» от 24.02.2003.

¹⁴¹ См.: «Жэньминь Жибао» от 02.03.1978; «Жэньминь Жибао» от 06.02.1991; «Жэньминь Жибао (зарубежная версия)» от 15.08.2016.

¹⁴² См.: «Жэньминь Жибао» от 17.04.1961; «Справочные новости» от 22.11.1999.

¹⁴³ См.: «Жэньминь Жибао» от 03.07.1989; «Жэньминь Жибао» от 16.07.2016.

¹⁴⁴ См.: «Жэньминь Жибао» от 16.12.1985; «Жэньминь Жибао» от 05.11.1990.

¹⁴⁵ См.: «Жэньминь Жибао» от 18.08.1988.

промышленной и аэрокосмической отраслях продолжало оказывать влияние на китайский дискурс. В этой связи лексема 拉达 – Лада отражает интерес китайского общества к советским образцам гражданской промышленности, а слова 航天员 – космонавт и 东方号 – Восток заимствованы из русского языка как обозначения технологических достижений Советского Союза в освоении космоса, что свидетельствует о высоком интересе Китая к советскому опыту в освоении высокотехнологичных отраслей.

Русские заимствования в политической сфере в основном отражают международный контекст холодной войны и обострившегося китайско-советского соперничества. Такие слова, как 重建 – перестройка и 开放 – гласность обозначают ключевые понятия политических реформ, инициированных М.С. Горбачевым в 1980-х годах, которые активно обсуждались в китайских научных, аналитических и общественно-политических изданиях.

Среди зафиксированных русских заимствований наибольшую активность в рассматриваемый период демонстрирует лексема 航天员 – космонавт, которая представляет собой кальку с русского слова «космонавт» и первоначально использовалась для обозначения пилотов космических кораблей вне зависимости от их национальной принадлежности, включая китайских астронавтов. Как отмечалось ранее (см. Главы I и II), в русском языке впоследствии было зафиксировано отдельное заимствование из китайского 太空onaut (太空 – [tài kōng]), специально обозначающее космонавтов из Китая. Тем не менее в китайских медиатекстах по-прежнему применяется слово 航天员, что отражает устойчивое влияние советской космической терминологии.

Заимствование «космонавт» впервые возникает на страницах «Жэньминь Жибао» в публикации от 1978 года, где сообщается о борьбе между США и СССР за господство в космическом пространстве во время холодной войны. С момента первого появления слово 航天员 встречается в двух газетах в общей сложности 927 раз. Наибольшее количество упоминаний лексемы зафиксировано в периоды активного развития китайской космической программы, включая в 2003 году запуск

первого пилотируемого корабля *Шэньчжоу-5* и последующие миссии (*Шэньчжоу-6*, *Шэньчжоу-11* и др.). После 2000 года частотность использования термина демонстрирует устойчивую положительную динамику, особенно в связи с реализацией пилотируемых миссий с участием китайских космонавтов; при этом наивысшее значение приходится на 2003 год – 127 употреблений.

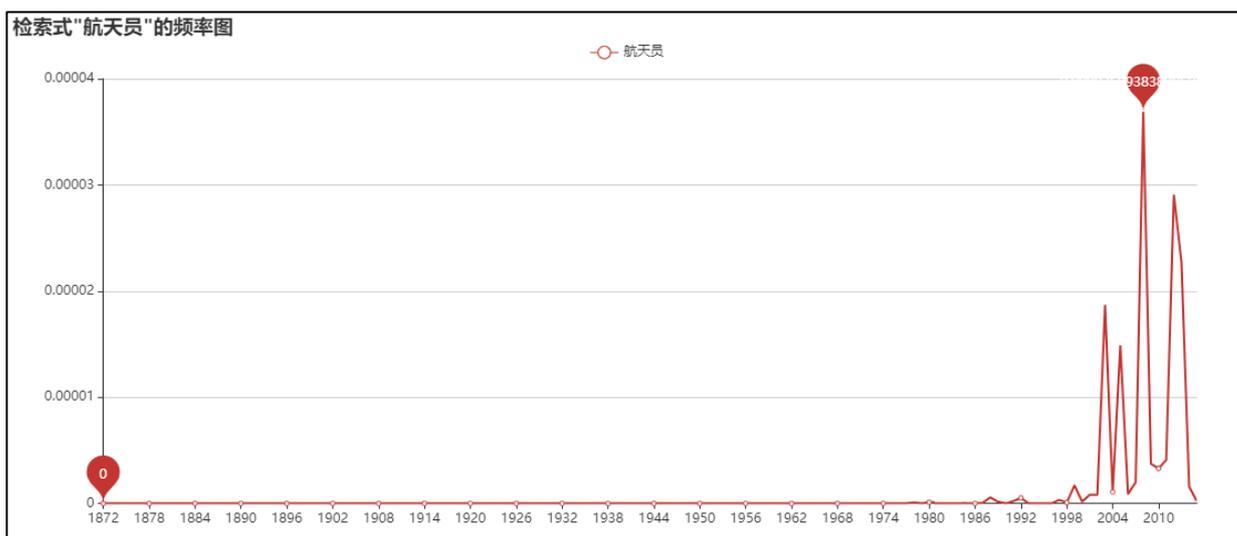

Рисунок 14. Изменение частотности слова русского происхождения «航天员 – космонавт» в СМИ Китая с момента его первого появления (по данным НККЯ, 1950–2023 гг.)

Согласно данным газетного подкорпуса Национального корпуса китайского языка (см. Рисунок 14), впервые данное слово пропало на страницы китайских СМИ в 1980 году, и всего с 1980 по 2023 год зафиксировано 2 232 упоминания. Наименьшая активность наблюдается в 1980-е – 23 случая. С начала 1990-х годов использование слова постепенно возрастает, достигая пика в 2003 году (566 упоминаний). С этого времени лексема сохраняет стабильную активность в медиадискурсе, отражая устойчивый интерес к национальной космической программе.

С мая 1989 года, ознаменовавшего нормализацию российско-китайских отношений, активизировались и языковые связи: в период с 1989 по 2023 год в китайском медиадискурсе зафиксировано появление новых русских заимствований. Лексеммы этого периода охватывают три основные тематические области (культуру и образование, политику и экономику), которые демонстрируют наибольшую продуктивность с точки зрения лексических заимствований.

Пять русских заимствований связаны с политической темой: 独联体 – СНГ

(Содружество Независимых Государств)¹⁴⁶, 俄罗斯联邦 – РФ (Российская Федерация)¹⁴⁷, 主权民主 – суверенная демократия¹⁴⁸, 联邦安全局 – ФСБ (Федеральная служба безопасности)¹⁴⁹, 国家杜马 – Госдума (Государственная дума)¹⁵⁰. Три словосочетания связаны со сферой экономики: 影子经济 – теневая экономика¹⁵¹, 转型经济 – экономическая трансформация¹⁵², 卢布区 – рублевая зона¹⁵³. Кроме того, было заимствовано одно выражение, связанное с массовой культурой и интернет-дискурсом: 无情哈拉少 – очень хорошо¹⁵⁴. Это ироничное выражение, возникшее в китайской интернет-среде, употребляется как позитивная оценка результата или действия, часто с оттенком шутки или игрового подтекста. Слова, посвященные науке и технологии, спорту и здоровью, в этот период не обнаружены.

В качестве иллюстрации специфики экономических заимствований данного периода рассмотрим термин 卢布区 – рублевая зона. Словосочетание было заимствовано из русского языка в начале 1990-х годов в контексте обсуждения экономических отношений между государствами–участниками СНГ. Ее первое упоминание зафиксировано в газете «Жэньминь жибао» от 30 июня 1992 года, вскоре после распада СССР. В период с 1992 по 2023 год термин встречается в газетах «Жэньминь жибао» и «Справочные новости» в общей сложности 75 раз.

Словосочетание 卢布区 – рублевая зона обозначает экономическое пространство, в рамках которого рубль сохранялся в качестве основной расчетной валюты между странами бывшего Советского Союза. Наиболее интенсивное использование термина приходится на 1992 год, что связано с экономическими дискуссиями о перспективах сохранения рубля в качестве общей валюты для

---

¹⁴⁶ См.: «Справочные новости» от 15.03.1992; «Жэньминь Жибао» от 03.12.2001; «Жэньминь Жибао (зарубежная версия)» от 28.10.2014.

¹⁴⁷ См.: «Жэньминь Жибао» от 31.12.1991; «Жэньминь Жибао» от 09.08.2003; «Жэньминь Жибао» от 21.09.2012.

¹⁴⁸ См.: «Жэньминь Жибао» от 22.12.1992; «Жэньминь Жибао» от 21.09.2016.

¹⁴⁹ См.: «Жэньминь Жибао» от 25.07.1995; «Жэньминь Жибао» от 23.01.2001; «Жэньминь Жибао» от 21.12.2016.

¹⁵⁰ См.: «Жэньминь Жибао» от 28.11.1993; «Жэньминь Жибао» от 09.04.2000; «Жэньминь Жибао» от 23.06.2011.

¹⁵¹ См.: «Жэньминь Жибао» от 03.03.1995; «Жэньминь Жибао» от 06.04.2000.

¹⁵² См.: «Жэньминь Жибао» от 18.04.1996; «Жэньминь Жибао» от 23.02.1999.

¹⁵³ См.: «Жэньминь Жибао» от 16.05.1992.

¹⁵⁴ См.: «Жэньминь Жибао» от 13.05.2017.

государств СНГ, а также с началом выхода ряда стран постсоветского пространства из рублевой зоны. В период 1995–2000 годов наблюдается снижение частотности употребления этой лексической единицы, что обусловлено введением национальных валют в большинстве бывших советских республик. После 2000-х годов термин употребляется преимущественно в ретроспективном или аналитическом контексте.

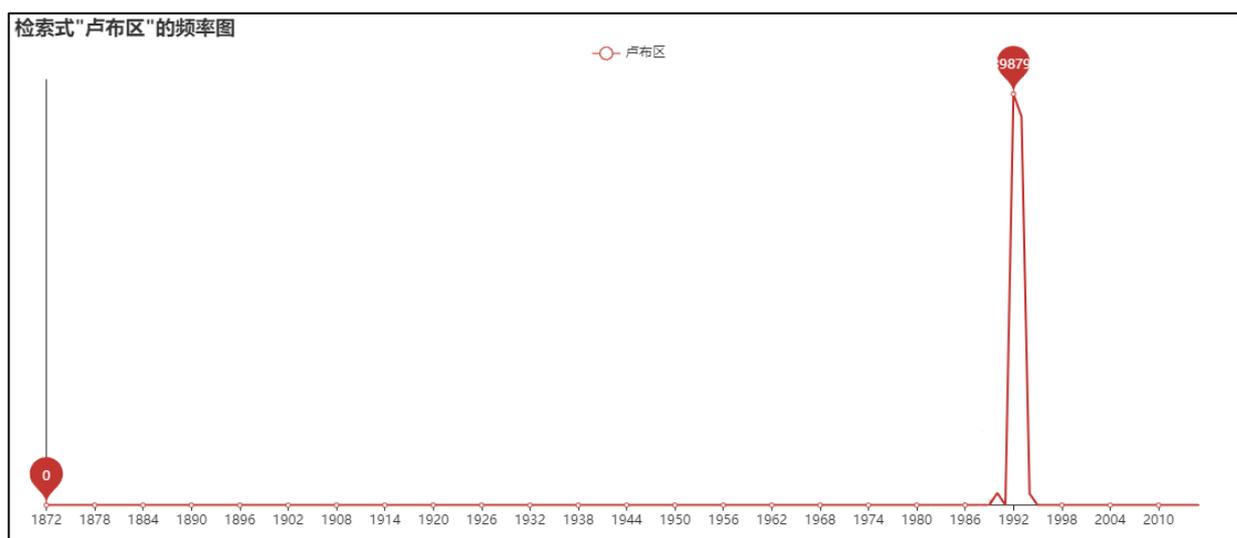

Рисунок 15. Изменение частотности слова русского происхождения «卢布区 – рублевая зона» в СМИ Китая с момента его первого появления (по данным НККЯ, 1950–2023 годы)

Согласно данным газетного подкорпуса Национального корпуса китайского языка (см. Рисунок 15), впервые словосочетание «рублевая зона» появляется в китайских СМИ в 1990 году, и в 1991 году она упоминается лишь однократно. В последующий период наблюдается резкий рост ее частотности: в 1992 году зафиксировано 33 употребления, что соответствует наивысшему числу упоминаний данной единицы. Такое увеличение частотности связано с активным обсуждением перспектив сохранения рубля в качестве общей валюты для стран СНГ, а также с попытками стабилизировать экономические связи на постсоветском пространстве. В 1993 году частота употребления словосочетания снижается до 26 раз, в 1994 году оно фиксируется только однажды, а начиная с 1995 года фактически исчезает из медиадискурса. Это обусловлено завершением функционирования рублевой зоны после перехода большинства государств СНГ на национальные валюты, что сделало этот термин неактуальным в информационном пространстве.

Анализ количественной динамики употребления русских заимствований в

китайских СМИ за три исторических периода развития китайско-советских (китайско-российских) отношений с 1950 по 2023 год свидетельствует о прямой зависимости лексической активности от состояния межгосударственного взаимодействия. Тот факт, что некоторые лексемы, такие как *трудодень* (公分), *колхоз* (集体农庄), *интернационал* (国际歌), потерявшие актуальность после пика их использования в середине XX века, позже вновь возникают в медиадискурсе, заслуживает особого внимания. Возвращение русских заимствований в китайские медиатексты, как правило, связано с возобновлением интереса к соответствующим тематикам на фоне политических событий, международных инициатив или памятных дат, в контексте которых актуализируется обращение к советскому опыту или российской действительности. Это указывает на то, что динамика функционирования таких единиц определяется не только общим состоянием китайско-российских отношений, но и ситуативными факторами, формирующими тематическую направленность медийных публикаций. Таким образом, при анализе материала необходимо учитывать не только количественные характеристики, но и прагматические аспекты употребления заимствованных лексем в различные исторические периоды.

3.3.2. Прагматические изменения в употреблении русских заимствований в китайском медиадискурсе

Историческая динамика китайско-советских (китайско-российских) отношений в период с 1950 по 2023 год оказывает непосредственное влияние на изменение семантики и прагматических характеристик как китайских заимствований в русском медиадискурсе, так и русских заимствований в китайских СМИ. Одним из показательных примеров прагматической специфики употребления русской лексики в китайских медиатекстах являются ключевые единицы, отражающие политические и технологические реалии двустороннего взаимодействия в различные исторические периоды.

Термин 导弹 – управляемый снаряд представляет собой семантическое

заимствование русского словосочетания *управляемый снаряд* или *управляемая ракета*, возникшее в китайском языке в 1950-х годах. Термин был образован из двух компонентов: 导 [dǎo] – «направлять», «руководить» и 弹 [dàn] – «снаряд», «пуля», «боеприпас». Введение этого термина в китайский лексикон связано с активным развитием ракетной техники в середине XX века и тесным военно-техническим сотрудничеством между Китаем и Советским Союзом.

С прагматической точки зрения изменения в характере употребления термина 导弹 – *управляемый снаряд* в газетах «Жэньминь Жибао» и «Справочные новости» на протяжении всего исследуемого периода отражают трансформации в восприятии назначения и роли данного вида вооружения в зависимости от исторического контекста. В 1950–1970-е годы, на фоне начала космической эры и эскалации холодной войны, словосочетание употреблялось преимущественно в связи с гонкой вооружений, стратегическим противостоянием между СССР и США, а также в контексте демонстрации военного и технологического превосходства Советского Союза. Например, в издании «Жэньминь Жибао» находим новостное сообщение, датированное 3 апреля 1959 года: «1955 年苏联首先试射成功中程导弹, 1957 年又发射成功洲际导弹, 地球卫星接连上天。今年初, 苏联宇宙火箭直上太空遨游。这些在美国统治集团内引起一阵又一轮的极大慌乱和沮丧。» [В 1955 году Советский Союз первым провел успешный испытательный пуск ракеты средней дальности, за которым в 1957 году последовал успешный запуск межконтинентального **управляемого снаряда** и череда запусков спутников Земли. В начале этого года советская космическая ракета отправилась прямо в космос. Эти события одно за другим вызывали огромную панику и разочарование в правящем блоке Соединенных Штатов]¹⁵⁵. В данном случае само слово 导弹 – *управляемый снаряд* употребляется в нейтральном значении, без выраженной оценочности. Однако общий информационный контекст подчеркивает достижения СССР и акцентирует его лидерство в военно-технической сфере, что формирует позитивное восприятие темы ракетостроения.

---

¹⁵⁵ Фiasco американских агрессоров в американо-советском противостоянии // Жэньминь Жибао. – 1959. – 03 апр.

В 1980 – 1990 годах термин 导弹 – управляемый снаряд все чаще используется в контексте международных вооруженных конфликтов. Тем не менее в большинстве публикаций словосочетание сохраняет нейтральную прагматическую окраску, поскольку сообщения ориентированы на объективное представление фактов и их авторы избегают выраженной экспрессивности. Пример такого нейтрального, на наш взгляд, использования словосочетания видим в газете «Справочные новости» от 25 марта 1999 года: «南联盟地面防空部队在科索沃北部的契卡维察山区击落了一架北约战机，并拦截了三枚导弹。」 [Сухопутные силы ПВО Союзной Республики Югославии сбили один самолет НАТО и перехватили три управляемых снаряда в районе гор Чекавица на севере Косово]¹⁵⁶.

В последние годы лексема 导弹 – управляемый снаряд все чаще употребляется в контексте оборонительных маневров и военных учений на фоне роста международной напряженности. Так, в сообщении газеты «Жэньминь Жибао» от 3 января 2013 года отмечается: «据了解，俄罗斯国防部计划在2013年进行20余次大型的战术实弹射击与导弹发射的演习。俄四大舰队包括北方舰队、太平洋舰队、波罗的海舰队和黑海舰队，是俄海军的主要组成部分。」 [Как известно, в 2013 году Министерство обороны России планирует провести более 20-ти крупномасштабных тактических учений с боевой стрельбой и управляемыми снарядами. Четыре крупнейших флота России: Северный, Тихоокеанский, Балтийский и Черноморский – являются основными составляющими ВМФ страны]¹⁵⁷. В этом фрагменте заимствованное словосочетание стилистически не окрашено: оно используется в нейтральном информационном контексте для описания запланированных учений, что типично для официальных сообщений о международных военных событиях.

Продолжая анализ прагматических особенностей русских заимствований в китайских медиатекстах, следует обратить внимание на термин 计划经济 – плановая экономика, заимствованный в начале XX века. Он происходит от русского

---

¹⁵⁶ Ракеты НАТО сбиты силами ПВО СРЮ // Справочные новости. – 1999. – 25 марта.

¹⁵⁷ Российский флот уже отправился в предполагаемую акваторию маневров // Жэньминь Жибао. – 2013. – 01 янв.

словосочетания «плановая экономика», в котором первая часть – *计划* – «план» и вторая – *经济* – «экономика» являются прямыми эквивалентами китайских лексем. Активное употребление термина в китайском медиадискурсе начинается в 1950-е годы на фоне тесного идеологического и экономического сотрудничества между КНР и СССР. Термин и сегодня продолжает активно функционировать в китайском медиадискурсе, сохраняя актуальность как в описании исторических реалий, так и в аналитических материалах о трансформации экономических систем.

В прагматическом аспекте коннотация этого словосочетания варьируется: в ранний социалистический период она была положительной, тогда как с началом реформ сместилась к нейтральной или негативной. В 1950 – 1970 годы, особенно в первые десятилетия после основания КНР, *计划经济* – *плановая экономика* рассматривалась как неотъемлемая часть социалистической системы и символ превосходства над капитализмом. В статье «Жэньминь Жибао» от 21 ноября 1954 года написано следующее: «*社会主义的计划经济不仅使社会免除资本主义经济所固有的社会劳动的大量浪费，而且还能消除生产发展中的比例失调。*» [Социалистическая **плановая экономика** не только избавляет общество от массового расточительства общественного труда, присущего капиталистической экономике, но и устраняет диспропорции в развитии производства] ¹⁵⁸. Этот пример иллюстрирует положительное восприятие концепции плановой экономики как эффективной формы организации хозяйственной деятельности в представлении китайского общества.

Кроме того, в газете «Справочные новости» от 1977 года находим другой пример: «*必须坚持社会主义的统一计划，认真搞好综合平衡。社会主义经济是计划经济。这是社会主义经济区别于资本主义经济的一个根本特征。*» [Необходимо придерживаться единого плана социализма и тщательно разрабатывать всесторонний баланс. Социалистическая экономика — это **плановая экономика**. Это фундаментальная особенность, которая отличает социалистическую

---

¹⁵⁸ Социалистическая плановая экономика // Жэньминь Жибао. – 1954. – 11 нояб.

экономику от капиталистической] ¹⁵⁹. Здесь подчеркивается центральная роль плановой экономики в системе социалистического хозяйствования, что указывает на ее позитивную идеологическую маркированность в официальном дискурсе рассматриваемого периода.

Тем не менее в начале 1980-х годов, с началом экономических преобразований и реализации политики реформ и открытости, отношение к плановой экономике начинает трансформироваться. Хотя она по-прежнему рассматривается как структурная основа социалистической системы, в ее характеристике все чаще появляются элементы критики. Прагматическая окраска термина постепенно смещается от положительной к нейтральной, а в отдельных случаях – и к негативной. В одном из материалов газеты «Жэньминь Жибао» от 11 июня 1982 года находим такой фрагмент: «*社会主义国家实行的是计划经济。计划性就是社会主义经济的基本特征。社会主义经济体制改革就应当保持这些基本特征并使之不断完善。*» [*В социалистических странах существует плановая экономика. Планирование – это основная черта социалистической экономики. Реформа социалистической экономической системы должна сохранить эти основные черты и постоянно их совершенствовать*]¹⁶⁰. В этом контексте термин «плановая экономика» употребляется без эксплицитной оценочности и сохраняет нейтральную прагматическую окраску, выступая как обозначение характерной черты социалистической модели хозяйствования.

Другой пример находим в «Справочных новостях» от 1993 года: «*社会主义市场经济把人们从高度集中的计划经济体制束缚下解放出来，消除在高度计划经济时的“大锅饭”、“铁饭碗”养成的惰性、依赖心理。*» [*Социалистическая рыночная экономика освобождает людей от ограничений высокоцентрализованной плановой экономики и устраняет инерцию и зависимость, которые были возвращены «большой рисовой чашей» и «железной*

---

¹⁵⁹ Соблюдение единого плана и комплексного баланса // Справочные новости. – 1977. – 12 сент.

¹⁶⁰ Продолжение прекрасной традиции и стиля реформ и открытости партии представляет собой глубокую революцию. // Жэньминь Жибао. – 1982. – 11 июня.

*рисовой чашей» высокоплановой экономики]*¹⁶¹. Употребление здесь определения *высокоцентрализованная* придает термину «*плановая экономика*» выраженную негативную окраску, акцентируя внимание на ее ограничивающем и демотивирующем характере. С начала 2000-х годов, на фоне завершения перехода к рыночной модели, концепт плановой экономики все чаще ассоциируется с административной неэффективностью и сдерживанием экономического роста. Тем не менее в исторической перспективе этот термин сохраняет положительную коннотацию как символ ранних достижений социалистического развития.

Таким образом, в коммуникативном отношении русские заимствования, зафиксированные в китайских медиатекстах в период с 1950 по 2023 год, демонстрируют динамику, связанную не только с частотностью, но и с контекстуальными особенностями их функционирования. Характер использования таких лексем отражает степень актуальности тех или иных понятий в определенные исторические периоды, а их смысловая интерпретация в тексте свидетельствует об изменениях общественно-политического повестки и идеологического фона как в Китае, так и в России.

3.4. Сопоставительный анализ динамики функционирования заимствованной лексики в медиатекстах России и Китая

Россия и Китай, несмотря на географическую близость и наличие одной из самых протяженных границ в мире, используют лингвистически контрастные системы: русский язык относится к индоевропейской семье языков, а китайский – к сино-тибетской. Тем не менее исторически оба языка демонстрируют высокую восприимчивость к заимствованиям, обусловленным межкультурными, политическими и экономическими контактами. Лексическая интерференция в результате этих контактов способствует обогащению словарного состава обоих

---

¹⁶¹ Эмансипация есть величайшее освобождение производительных сил // Справочные новости. – 1993. – 29 марта.

языков, особенно в рамках медиадискурса, где процесс заимствования наиболее чувствителен к социокультурным изменениям.

В период с 1950 по 2023 год динамика российско-китайских (ранее – советско-китайских) отношений оказывала существенное влияние на объем, структурные параметры и семантико-прагматические характеристики заимствованной лексики в медиадискурсе обеих стран. В 1950–1960-е годы активное межгосударственное взаимодействие способствовало интенсивному функционированию заимствований как в китайских, так и в советских средствах массовой информации. В условиях идеологического и дипломатического разрыва 1960–1980-х годов наблюдалось резкое сокращение объема заимствований и сужение их тематического спектра. С конца 1980-х годов на фоне восстановления диалога и углубления межгосударственных отношений наблюдался этап лексической реинтенсификации, сопровождавшейся расширением тематической представленности заимствований. Эти процессы сопряжены с механизмами адаптации и функционирования заимствованных единиц на различных уровнях языковой системы – фонетическом, графическом, морфологосинтаксическом, а также в области семантики и прагматики.

Во-первых, фонетическая адаптация заимствованной лексики представляет собой один из ключевых механизмов ее интеграции в систему языка-реципиента. Существенные фонологические различия между русским и китайским языками оказывают непосредственное влияние на восприятие и репродукцию заимствованных единиц, что обуславливает необходимость реализации специфических стратегий фонетической адаптации. В русском языке наблюдаются оппозиции по признакам твердости/мягкости и звонкости/глухости согласных, а также акцентная подвижность. В отличие от него, китайский язык является тональным: семантическая дифференциация лексем в нем зависит от тонового контура. Эти особенности требуют переструктурирования фонетической формы заимствований в соответствии с артикуляционно-акустическими нормами языка-реципиента. Так, слово 胡同 [hú tong], обозначающее узкий переулок в старой части

города, в русском языке закрепились в форме «хутун», при этом утратив тоновую маркированность, что типично для процессов адаптации в нетональных языках.

В то же время при адаптации русских заимствований в китайском языке наблюдается их трансформация с учетом особенностей китайской слоговой структуры и тональной системы. Например, слово «спутник» транскрибируется в китайский язык как 斯普特尼克 [sī pǔ tè ní kè], где каждый слог оформляется в соответствии с нормативной слоговой моделью китайского языка и сопровождается характерным тоновым обозначением. Таким образом, осуществляется не механическое воспроизведение фонетической формы оригинала, а ее структурно-фонологическая адаптация, ориентированная на артикуляционные стандарты языка-реципиента.

Во-вторых, значимые различия в графических системах русского и китайского языков – использование кириллической азбуки и иероглифического письма соответственно – детерминируют различные стратегии графического воспроизведения заимствованных лексем. При адаптации слов китайского происхождения в русском языке преимущественно используется транскрипционный метод, при котором фонетическая форма оригинала передается средствами русской графики. Так, китайское слово 功夫 [gōng fu] реализуется в русской орфографической системе как «кунг-фу», что отражает попытки сближения с фонетическим обликом оригинала в рамках ограничений русской письменной нормы. Вариативность написания (*кунфу*, *кунг-фу* или *гунфу*) свидетельствует о продолжающемся процессе поиска наилучшего графического соответствия заимствованной единице.

Наряду с этим при заимствовании лексем русского происхождения в китайский язык, используется механизм иероглифической передачи, основанный преимущественно на фонетической транскрипции. Так, слово *пельмени* адаптируется в китайском языке в виде 皮罗迷尼 [pí luó mí ní], где каждый иероглиф подобран с учетом артикуляционно-фонетического соответствия русскому оригиналу, не отражая при этом его лексического значения. В некоторых случаях для обозначения заимствованных понятий могут использоваться

устойчивые иероглифические формы, ранее закрепившиеся в китайском языке и ставшие воспринимаемыми как лексически автономные единицы. Таким образом, графическая адаптация заимствованной лексики определяется спецификой письменной системы языка-реципиента и реализуется посредством трансформации графических кодов (кириллических и иероглифических) с целью воспроизведения фонетического облика исходной единицы.

В-третьих, важным условием адаптации заимствованной лексики является ее грамматическая интеграция в систему языка-реципиента. В этом отношении особенно отчетливо проявляется типологическое расхождение между флективным русским языком и изолирующим китайским. Например, неизменяемое в китайском языке существительное *Дунфэн* – 东风) в значении «восточный ветер» или «марка автомобиля» в русском оформляется как существительное мужского рода с нулевым окончанием и входит в парадигму второго склонения: *Дунфэн, Дунфэна, Дунфэну* и т. д.

В китайском языке, напротив, заимствованные из русского языка лексемы утрачивают категориальные грамматические признаки, присущие исходному языку. Так, слово *радиогимнастика* – 广播体操, которое в русском языке представляет собой изменяемое существительное женского рода, в китайском функционирует как неизменяемое имя существительное, интегрируясь в синтаксическую структуру высказывания без проявления морфологических категорий рода, числа и падежа.

Таким образом, грамматическая адаптация заимствованной лексики определяется морфологическими характеристиками языка-реципиента.

Четвертым уровнем адаптации заимствований выступает семантический. Существенной особенностью освоения заимствованной лексики в обоих языках является возможное изменение семантики лексем или оттенков значений слов в языке-преемниках. Значение заимствованного слова может быть расширено, сужено либо переосмыслено в соответствии с контекстами употребления в языке-реципиенте. Переосмысление значения слова произошло в процессе адаптации лексемы «тайцзи», восходящей к китайским 太极 [tài jí] или 太极拳 [tài jí quán],

которые обозначают стиль китайских боевых искусств, основанных на философии взаимодействия «инь» и «ян» (мягкости и силе). Однако в русском языке лексема «тайцзи» утратила сему «боевое искусство» и употребляется для обозначения восточных оздоровительных практик, ассоциирующихся с медитативной гимнастикой и духовной релаксацией.

Другой тип семантической трансформации – сужение значения – наблюдается в случае с лексемой *Changan* 长安 [cháng ān], которая в китайском языке означает стабильность и душевное спокойствие, а также используется для наименования одного из известных китайских автомобильных брендов. В русском языке это слово функционирует исключительно как торговое наименование марки автомобилей, что свидетельствует о редукции смысла оригинального слова.

В китайских медиатекстах также фиксируются случаи семантических расширений русских заимствований. Так, слово «дача» было заимствовано в китайском языке в форме 别墅 [bié shù]. И если в русском языке *дача* – «небольшой домик с участком земли в пригородной зоне», то в китайском обиходе оно используется в значении «элитный коттедж, роскошный особняк, вилла», что отличает его от исходного значения. Подобным образом слово «хлеб», заимствованное как 列巴 [liè ba], в языке-источнике представляет собой родовое наименование, охватывающее широкий спектр видов хлебобулочных изделий. В языке-реципиенте лексема приобрела используется исключительно для обозначения «русского» хлеба – плотного черного ржаного изделия, характерного для восточноевропейской традиции.

Наконец, пятый уровень – прагматический – охватывает особенности стилистического функционирования заимствований в медиадискурсе. В русскоязычных медийных текстах китайские заимствования могут приобретать экспрессивно-стилевую окраску. Так, слово «шаолинь» – 少林 выходит за пределы

своей исходной денотации и функционирует как стилистически маркированный символ восточной эзотерики, философско-боевой традиции и культурной экзотики.

В китайских СМИ ряд русских заимствований, связанных с научно-технической или политико-идеологической сферой, напротив, утрачивают стилистическую окрашенность и интегрируются в официальный стиль. Так, лексема 列宁主义 – ленинизм функционирует в китайском медиадискурсе как элемент официальной терминологии без выраженной экспрессивности, тогда как в современном русском языке она зачастую ассоциируется с устаревшей идеологической риторикой. Таким образом, прагматическая адаптация заимствованной лексики демонстрирует не только структурные особенности языка-реципиента, но и отражает культурно-идеологическую специфику медиадискурса, в рамках которого одни и те же языковые единицы могут выполнять различные коммуникативные функции и варьироваться по степени стилистической маркированности в зависимости от контекста.

Проведенный комплексный анализ заимствованной лексики в русских и китайских медиатекстах с позиций фонетической, графической, грамматической, семантической и прагматической адаптации позволяет выявить как универсальные черты адаптационных процессов, так и типологически обусловленные механизмы интеграции заимствованных единиц. Эти различия отражают специфику лингвистической структуры каждого языка, а также идеологические и культурные параметры национальных медиадискурсов.

Появление заимствованной лексики на страницах русских и китайских СМИ в период с 1950 по 2023 год обусловлено социально-политическими и культурными обстоятельствами и соотносится с различными этапами двусторонних отношений. Тематически заимствования представляют собой широкую сферу взаимодействия. Для сравнительного анализа употребления 45 китайских заимствований, отобранных из текстов газет «Правда» и «Известия», и 71 русского заимствования, отобранного из текстов газет «Жэньминь Жибао» [人民日报] и «Справочные новости» [参政消息报], были выделены три ключевых исторических периода развития двусторонних отношений.

1. В период всестороннего китайско-советского сотрудничества (1950 – 1960 годы) объем заимствований из русского языка в китайских СМИ существенно превышал количество заимствований из китайского языка в русскоязычных медиатекстах: 48 русских заимствований к 12 китайским заимствованиям.

Преобладающее положение Советского Союза в китайско-советских отношениях в это время во многом предопределило односторонний характер языкового заимствования. Разница в масштабах языкового влияния также была обусловлена различиями в статусе национальных языков как средств международной коммуникации: ограниченное распространение китайского языка за пределами КНР и высокая престижность русского языка в странах социалистического лагеря способствовали его более широкому влиянию.

В рассматриваемый период количество русских заимствований, используемых в китайских медиатекстах, по всем тематическим направлениям превышает число китайских заимствований, зафиксированных в русскоязычных СМИ. Наибольшее число заимствований в обоих случаях связано с политической и культурно-образовательной тематикой. Единицы, отражающие экономическое взаимодействие, представлены в сопоставимом объеме в медиатекстах обеих стран. В сфере спорта и здоровья частотность употребления заимствований также близка, однако принципиальное отличие наблюдается в области науки и техники: в то время как в китайских СМИ активно используются русские термины, в русских медиа аналогичные китайские заимствования отсутствуют.

2. В период ухудшения китайско-советских отношений с 1960 по 1989 год количественные показатели заимствований в медиатекстах двух стран практически выравниваются: число китайских слов в русскоязычных СМИ и русских слов в китайских изданиях становится сопоставимым: 9 русских заимствований к 10 китайским заимствованиям.

В этот период торгово-экономическое и культурное взаимодействие между странами в приграничных районах резко сократилось, однако не прекратилось полностью. Несмотря на политическую напряженность, наличие общей географической границы способствовало сохранению языковых контактов, в

результате чего в медиатекстах обеих стран продолжали появляться новые заимствования: для поддержания базового уровня информационного и экономического общения сохранялась потребность в использовании ключевых политических, технологических, географических и экономических терминов. Это свидетельствует о продолжающемся, хотя и сдержанном, языковом обмене между государствами. Вместе с тем в тематическом распределении заимствований в СМИ России и Китая произошли значительные изменения.

В этот период число заимствований, относящихся к политической сфере, в русских и китайских СМИ оказывается сопоставимым: по два с каждой стороны. В области научно-технического взаимодействия преобладает использование русских слов в китайских медиатекстах, тогда как китайских заимствований в русских текстах заметно меньше. В сфере культуры, образования, спорта и здравоохранения наблюдается обратная картина: в китайских СМИ русская лексика не фиксируется, тогда как в российских изданиях появляются отдельные китайские заимствования. Экономическая тематика в рассматриваемый период вообще не представлена в лексических заимствованиях обеих сторон. В целом в условиях политического противостояния и идеологической напряженности в этот период характер языкового взаимодействия между Китаем и Советским Союзом существенно изменился. Обсуждение политических доктрин и лидеров государств в китайской и советской прессе стимулировало активное использование заимствованных политических терминов: например, в советских СМИ – китайские лексемы *дацзыбао* (大字报) и *хунвейбин* (红卫兵), в китайских медиа – русские слова *修正主义* – *ревизионизм* и *重建* – *перестройка*. Кроме того, в целях повышения эффективности как внутренней, так и внешней пропаганды, СМИ обеих стран продолжали использоваться политические термины, заимствованные из языка государства-партнера, с их последующей интеграцией в идеологические тексты и агитационные материалы.

Несмотря на ухудшение двусторонних отношений, сотрудничество в научно-технической сфере, начавшееся в 1950-х годах по инициативе Советского Союза, сыграло важную роль в формировании профильной терминологии в Китае. Более

того, СССР оставался лидером в аэрокосмической, атомной и оборонной отраслях, а Китай продолжал следить за научными разработками соседнего государства и перенимать соответствующие термины и понятия. В результате в китайских медиатекстах продолжали использоваться уже закрепившиеся русские заимствования, а также появлялись новые русские лексемы. В то же время, поскольку в тот период Советский Союз не испытывал значительной потребности в китайских технологиях, а сотрудничество в научно-технической сфере было фактически свернуто, заимствование китайской лексики в русскоязычном медиадискурсе оказалось крайне ограниченным.

Несмотря на сохранявшуюся политическую напряженность между Китаем и Советским Союзом, интерес к традиционной китайской культуре среди советских граждан не ослабевал. Ряд китайских терминов, связанных с оздоровительными практиками и национальными искусствами (например, *ушу* – 武术, *цигун* – 气功 и др.), вошел в советские СМИ и стал использоваться для обозначения соответствующих реалий в русском медиадискурсе. Примечательно, что культурный обмен сохранялся даже на фоне почти полного свертывания экономических связей: торговля между странами была сведена к минимуму, что, в свою очередь, практически исключало появление новой заимствованной лексики экономического характера.

3. В период с 1989 по 2023 годы количество китайских заимствований в русских СМИ значительно превышает число русских заимствований в китайских медиатекстах: 23 китайских заимствования к 14 русским заимствованиям. Это связано с тем, что экономика Китая стала второй по величине в мире, а его влияние на глобальные политические, экономические и культурные процессы существенно возросло.

В рассматриваемый период в китайских СМИ зафиксировано больше русских заимствований в политической сфере, чем китайских – в российских медиатекстах. Указанное соотношение обусловлено активным развитием политических институтов в постсоветской России, а также интересом Китая к внутренним политическим преобразованиям, происходившим в РФ после 1991 года. В

экономической сфере численное распределение заимствований в медиатекстах двух стран демонстрирует относительный баланс, что отражает взаимный характер сотрудничества в этой области. Китайские лексемы, связанные с культурой и образованием, значительно чаще встречаются в русскоязычных СМИ по сравнению с русскими заимствованиями в китайском медиадискурсе, что указывает на растущий интерес российской аудитории к китайской традиционной культуре, языку и системе образования. При этом в китайском медиадискурсе не фиксируются новые русские термины, относящиеся к сфере науки и технологий, спорта и здоровья, тогда как в русском медиадискурсе наблюдается расширение употребления китайских заимствований, особенно в научно-технической области. Например, на страницах российских СМИ все чаще звучат такие слова, как *тайконавт*, *Бэйдоу* и др., что отражает растущий интерес к китайским достижениям в сфере освоения космоса и современных технологий.

Распад Советского Союза стал важной вехой в изменении мирового политического порядка, оказавшей заметное влияние на внешнюю политику Китая. Китайские СМИ начали активно освещать политические и институциональные преобразования в России, что сопровождалось использованием ряда новых русских терминов, таких как *重建 – перестройка*, *俄式民主 – демократия по-русски* и др. После распада Советского Союза в 1991 году в РФ были созданы новые государственные институты, названия которых нашли отражение в китайских медиатекстах: *Совет Федерации (联邦委员会)*, *Государственная дума (国家杜马)* и др. Поскольку прямых эквивалентов этим наименованиям в китайском языке не существовало, их включение в китайские медиатексты осуществлялось посредством транскрипции или калькирования. В свою очередь, развитие российско-китайского политического взаимодействия в XXI веке способствовало появлению в русском медиадискурсе заимствований из китайского языка, таких как *Один пояс – один путь – 一带一路*, *Евразийский экономический союз – 欧亚经济联盟*.

В последние годы в России наблюдается устойчивый рост интереса к

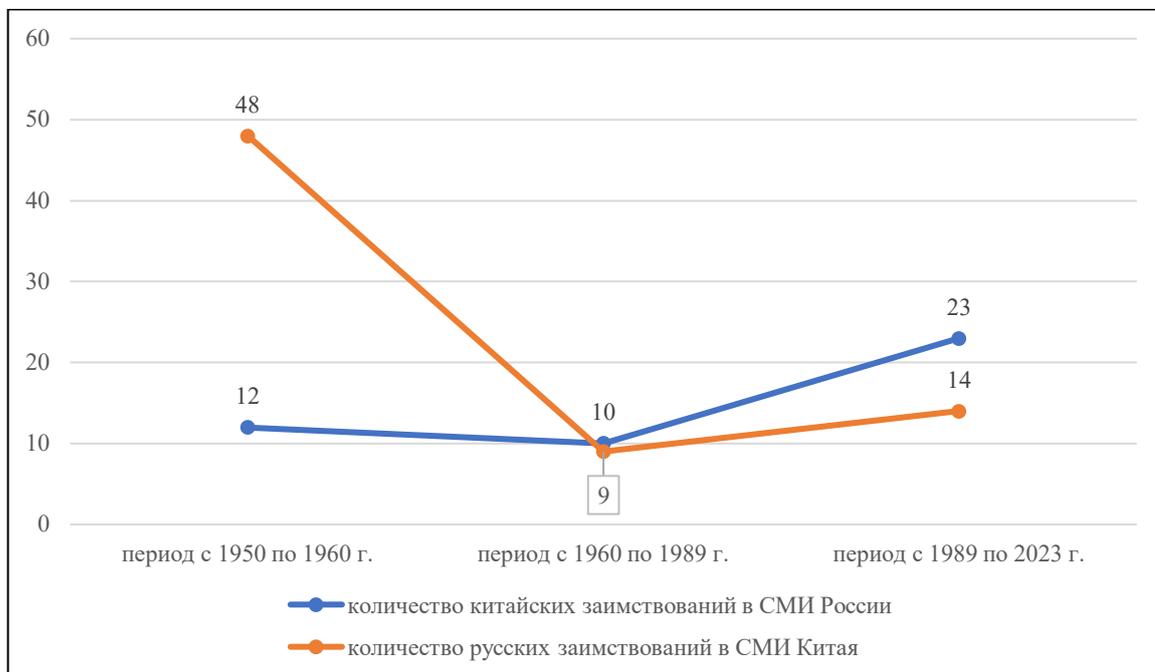
китайскому языку, что способствует более активному проникновению китайской лексики, связанной с культурой и образованием, в русскоязычные медиатексты. В российском медиапространстве фиксируется увеличение лексем, обозначающих элементы традиционной китайской культуры (например, *эрху* – 二胡, *ханьфу* – 汉服, *фэншуй* – 风水), как в прямой, так и в адаптированной форме. Одновременно наблюдается и лингвистическое отражение восприятия русской культуры в Китае. Так, примером культурной адаптации выступает шуточная стилизованная транскрипция выражения *无情哈拉少* [wú qíng hā lā shào], используемая преимущественно в молодежной среде и получившая распространение в китайских медиатекстах.

Отметим также, что китайские заимствования активно интегрируются в русскоязычные тексты, посвященные сфере питания и оздоровительным практикам: например, это такие наименования, как *фунчоза* – 粉条 («лапша из крахмала») и *баоцзы* – 包子 («традиционные китайские паровые пирожки с начинкой»). В то же время спортивная тематика, связанная с Россией, практически не отражается в китайском медиадискурсе, что объясняет отсутствие русских заимствований в этой сфере.

Таким образом, в период нормализации и стратегического российско-китайского взаимодействия заимствования из русского языка, представленные в китайских медиатекстах, преимущественно касаются политической и экономической сферы. Китайские заимствования, интегрированные в русские медиатексты, охватывают более широкий спектр: от политики и науки до гастрономической и оздоровительной культуры. Это тематическое распределение лексических заимствований, на наш взгляд, в полной мере отражает как структурные особенности межгосударственного взаимодействия, так и разнонаправленную мотивацию сторон к восприятию и освоению элементов языковой и культурной среды двумя странами.

Следует подчеркнуть, что количественное соотношение китайских и русских заимствований в медиадискурсе обеих стран в период с 1950 по 2023 год

варьировалось в зависимости от политического и экономического контекста развития двусторонних отношений. На графике представлена динамика количества заимствований в ходе трех ключевых этапов развития взаимоотношений между Советским Союзом (Россией) и Китаем (см. Рисунок 16).

Рисунок 16. Распределение количества заимствованной лексики в медиатекстах России и Китая с 1950 по 2023 год

Динамика функционирования заимствованной лексики в китайском и российском медиадискурсе непосредственно коррелирует с эволюцией двусторонних отношений на различных исторических этапах. Количественные и функционально-прагматические характеристики заимствований тесно сопряжены с политическим, экономическим и культурным взаимодействием между двумя странами. В разные периоды заимствованная лексика отражала либо сближение, либо охлаждение в отношениях между Китаем и Россией, а изменение ее смысловой окраски и частотности употребления служит важным индикатором состояния и направленности межгосударственного сотрудничества.

Выводы по главе III

В результате межгосударственных контактов между странами языковая интерференция становится неизбежной, что подтверждается, в частности, взаимным обменом лексемами между русским и китайским языками. Большинство таких слов представляют собой нарицательные и собственные имена существительные, в то время как встречаются и единичные примеры заимствованных прилагательных и глаголов, что, однако, не входило в рамки настоящего исследования.

Российско-китайские отношения имеют долгую историю, которая отмечена как периодами дружеских контактов, так и периодами ослабления межгосударственных политических, экономических и культурных связей. Однако даже в периоды ослабления взаимодействия контакты между государствами не прекращались полностью, о чем свидетельствуют лексические факты, отраженные в языковом материале.

Заимствования из русского языка, обнаруженные в ходе данного исследования в китайском медиадискурсе, проходят адаптацию на всех уровнях языковой системы – фонетическом, графическом, грамматическом, а также в области семантики и прагматики. При попадании русских заимствований в китайский язык у них наблюдается трансформация с учетом особенностей китайской слоговой структуры и тональной системы. Графическая адаптация русской заимствованной лексики определяется спецификой письменной системы языка-реципиента и реализуется посредством трансформации графических кодов (кириллических и иероглифических) с целью воспроизведения фонетического облика исходной единицы. Грамматическая адаптация заимствованной лексики определяется морфологическими характеристиками языка-реципиента.

Существенной особенностью освоения русской заимствованной лексики в китайском языке является возможное изменение семантики лексем или оттенков значений слов в языке-преемнике. Значение заимствованного слова может быть

расширено, сужено либо переосмыслено в соответствии с контекстами употребления в языке-реципиенте.

С точки зрения количественно-статистических изменений, в период всестороннего сотрудничества между двумя странами (1950–1960 годы) в китайском медиапространстве наблюдается значительное увеличение объема заимствований из русского языка. На втором этапе отношений – в период охлаждения между Китаем и Советским Союзом с 1960 по 1989 год – объем заимствований в медиадискурсе обеих стран значительно сократился.

С 1989 года, после нормализации российско-китайских отношений, наблюдается ощутимое снижение числа русских заимствований в китайских медиатекстах. Прагматико-семантические характеристики заимствованных единиц претерпевают изменения во времени. В новостных сообщениях такие единицы могут приобретать переносные и дополнительные смыслы, а их коннотации – динамически изменяться в зависимости от контекста и коммуникативной ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем диссертационном исследовании предпринята попытка всестороннего анализа динамики функционирования лексических заимствований в российских и китайских медиатекстах в период с 1950 по 2023 год. Работа охватывает широкий спектр вопросов, связанных со способами проникновения в язык, особыми условиями функционирования и частотностью употребления лексики иностранного происхождения, а также со спецификой ее фонетической, графической, грамматической, семантической и прагматической адаптации в языке-реципиенте. Основной задачей исследования стало выявление взаимосвязи между характером межгосударственных отношений и наблюдаемыми языковыми процессами, отраженными в медиадискурсе двух стран в диахронической перспективе.

На основе репрезентативного корпуса медиатекстов России и Китая, включающего ведущие печатные и электронные издания – «Правда», «Известия», «Жэньминь жибао» и «Справочные новости», – было установлено, что заимствованная лексика выполняет не только лингвистическую функцию, но и выступает социокультурным маркером, отражающим динамику международных контактов, приоритеты внешнеполитической повестки и общественные настроения.

В первой главе систематизированы теоретические подходы к определению понятий «дискурс» и «медиадискурс», выявлены жанровые и лексические особенности медиатекстов Китая и России. Установлено, что медиадискурс как форма институциональной коммуникации выполняет воспроизводящую функцию, транслируя официальную повестку и устойчивые идеологические конструкции, а также креативную функцию, реализуемую через формирование новых языковых форм, в том числе путем использования заимствованной лексики, отражающей глобальные и культурно обусловленные трансформации социальной реальности и ценностных установок.

Специфика медиадискурса двух стран оказывает влияние на отбор, адаптацию и функционирование заимствованной лексики: различия в типах письма,

грамматической структуре и стилистических нормах определяют особенности графической, морфологической и прагматической интеграции иностранных языковых единиц.

Во второй главе рассмотрены основные источники лексических заимствований в русском медиадискурсе, а также предложена их классификация по типам, способам грамматической адаптации и тематическим полям. Проведено исследование китайских лексических заимствований, зафиксированных в русских медиатекстах, в зависимости от времени их появления в языке-реципиенте и характера функционирования в медиадискурсе. Показано, что периоды интенсивного межгосударственного взаимодействия сопровождаются ростом объема заимствованной лексики и расширением ее семантического потенциала, тогда как этапы политического охлаждения характеризуются снижением интенсивности языкового обмена и сужением тематического спектра заимствований.

В ходе исследования, во-первых, было установлено, что заимствованные слова в китайских и русских медиатекстах проходят различные этапы адаптации – фонетической, графической, грамматической, семантической и прагматической, а это напрямую связано с типологическими особенностями соответствующих языков и с ролью медиа в институционализации новых лексических единиц. Во-вторых, была подчеркнута функциональная значимость медиадискурса как пространства, в котором наиболее интенсивно фиксируются лексические изменения, обусловленные как внутренними языковыми механизмами, так и актуальной внешнеполитической ситуацией.

В третьей главе на основе анализа корпуса китайского языка и государственных медийных и лексикографических источников, были проанализированы и подробно описаны количественные и качественные изменения в употреблении русских лексических заимствований в китайском медиадискурсе. Была выявлена тенденция к переосмыслению значений заимствованных слов, возникновению новых смысловых оттенков и изменению их прагматических функций.

Представленное научное исследование демонстрирует потенциал междисциплинарного подхода к изучению лексических заимствований, который объединяет лингвистический анализ с элементами политологического и культурологического осмысления. Такой подход позволяет не только характеризовать языковые процессы, но и интерпретировать их как отражение трансформаций в общественном сознании и в межгосударственных отношениях.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется расширение географии анализа медиадискурса за пределы русско-китайской языковой пары, включение в него других типов дискурса (политического, научного, делового, образовательного), а также применение автоматизированных инструментов мониторинга лексических заимствований на цифровых платформах. Особое значение приобретает исследование роли новых медиа и социальных сетей в ускорении процессов заимствования и прагматической трансформации заимствованных лексем в условиях изменяющейся коммуникативной среды.

С учетом тенденции к углублению стратегического партнерства между Россией и Китаем можно ожидать дальнейшего активного развития языковых контактов, расширения сфер межъязыкового взаимодействия и институционализации лексических заимствований в таких областях, как высокие технологии, экономика, образование и культура. В условиях политической многополярности и роста межрегионального сотрудничества лингвистические контакты между двумя странами, вероятно, будут интенсифицироваться не только количественно, но и качественно, что создаст дополнительные основания для системного наблюдения за новыми моделями адаптации и интеграции иноязычных элементов в медиадискурсе.

На основе широкой выборки медиатекстов удалось выявить, собрать и систематизировать значительное количество лексических заимствований из русского и китайского языков, охватывающих период с 1950 по 2023 год. Проведенный анализ позволил не только зафиксировать частотность употребления заимствованных лексем, но и определить их принадлежность к различным тематическим полям, выявить особенности графической, семантической адаптации,

а также специфику их прагматического функционирования в текстах СМИ.

Обобщая полученные результаты, можно сделать вывод о том, что выдвинутая в работе гипотеза о наличии корреляции между языковыми процессами и характером межгосударственных отношений нашла свое частичное подтверждение: в периоды сближения объем лексических заимствований увеличивается, а в период охлаждения отношений между странами количество заимствований снижается. Отмечено также, что увеличивается перечень тематики статей, в которых зафиксирована заимствованная лексика.

Однако прагматическая нагрузка заимствованных слов имеет более сложную кривую, и может проявлять себя по-разному: от положительной до нейтральной и затем к отрицательной даже на одном историческом отрезке, выделенном в данной работе.

В ходе сопоставительного анализа российского и китайского медиадискурса была обоснована достоверность положений, выносимых на защиту. Исследование показало, что лексический состав медиатекстов действительно в некоторой степени служит отражением состояния международных отношений: изменение политического курса оказывает прямое влияние на объем, тематическую направленность и характер заимствованной лексики.

Медиадискурс функционирует как оперативный механизм фиксации языковых трансформаций, в первую очередь благодаря своей высокой чувствительности к актуальным социально-политическим событиям. Семантические сдвиги в значениях заимствованных слов, равно как и прагматическая переоценка их употребления, четко коррелируют с историческим контекстом, хотя и нерегулярно, как показывает анализ материала. Таким образом, в работе обоснована ведущая роль средств массовой информации в закреплении, трансформации и распространении иноязычных единиц в языке-реципиенте.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии представлений о механизмах функционирования заимствованной лексики в условиях медиадискурса, а также в уточнении классификации заимствований на материале двух типологически различных языков. Практическая ценность исследования

определяется возможностью применения его результатов в преподавании лексикологии, медиалингвистики, социалингвистики и теории межкультурной коммуникации, а также при разработке лексикографических пособий и алгоритмов автоматического поиска заимствованной лексики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Акубекова Д. Г. Особенности словообразовательных процессов с англоязычными элементами в современном медиадискурсе // Современная наука. 2025. № 4–2. С. 165–166.
2. Апеля К. О. Дискурс и ответственность. – М., 1988. – 116 с.
3. Апресян Ю. Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия / Ю. Д. Апресян // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 1999. – Т. 58, № 4. – С. 39–53.
4. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – С. 136–137.
5. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – 2-е изд., стереотип. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 416 с.
6. Бенедиктович А. В. Реализация принципа языковой экономии в современном медийном дискурсе // От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов: тезисы междунар. науч. конф. – Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2023. С. 176–177.
7. Блумфилд Л. Язык / Пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат; коммент. Е. С. Кубряковой. Под ред. и с предисл. М. М. Гухман. – 2. изд., стер. – Москва: УРСС, 2002 (Калуга: ГУП Облиздат). – 606 с.
8. Бодуэн де Куртенэ И. А. О смешанном характере всех языков // Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т., 1963. – Т. 1. – С. 362–372.
9. Бондарева Н. В. Лингвокультурные характеристики предметной сферы «Экономика» в современном английском и русском медиадискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2021. – 21 с.
10. Борисова О. С. Идентификация значений заимствованных слов носителями русского и китайского языков // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 3 (15). С. 74–77.
11. Бритков В. Б. Информационные технологии в национальном и мировом развитии / В. Б. Бритков, С. В. Дубовский // Общественные науки и современность.

- 2000. – № 1. – С. 146–150.
12. Будагов Р. А. Введение в науку о языке. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1965. – 490 с.
13. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. – Вып. 6: Языковые контакты. – М.: Прогресс, 1972. – С. 25–61.
14. Ван Дейк Т. А. Принципы критического анализа дискурса // Дискурс и общество. – Vol. 4, N 2. – 1993. – С. 249–283.
15. Васильева Ю. А. Лексико-стилистические характеристики региональных медиатекстов // Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования: материалы II Международной научно-практической конференции. Астрахань, 2022. С. 40–44.
16. Виноградов В. В. К истории лексики русского литературного языка. – М.: Наука, 1987. – 320 с.
17. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. – В кн.: Виноградов В. В. Избранные труды. – Москва: Наука, 1980. – 360 с.
18. Власян Г. Р. Дискурсивные маркеры в британском медиадискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 28–37.
19. Воронкова О. А. Кризис идеологии и развитие социально-политического дискурса в России (1985–2010 гг.): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. / Воронкова Ольга Алексеевна. – М., 2002. – 26 с.
20. Герасимова А. С., Иссерс О. С., Малышева Е. Г. Диалогическая коммуникация в новых медийных практиках: социокультурная, прагмастилистика и коммуникативная специфика: коллективная монография / под ред. О. С. Иссерс. – М.: Флинта, 2025. – 236 с.
21. Гимпелевич В. С. Личные имена существительные с иноязычными интернациональными суффиксами в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Баку, 1966.
22. Глазко П. П. Об особенностях взаимодействия авторской экспрессивности и оценки в англоязычном медиадискурсе // Медиалингвистика. Материалы VI междунар. науч. конф. – СПб., 2022. С. 643–646.

23. Городецкий Б. Ю. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний: сб. ст. – Новосибирск, 1985. – 64 с.
24. Горшков А. И. Русская стилистика: стилистика текста и функциональная стилистика. – Москва: АСТ; Астрель, 2006. – 367 с.
25. Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь // Семиотика. – М., 1983. – С. 483–550.
26. Гуляева Е. В., Денисенко М. В., Никитина И. С. Употребление заимствований в современных СМИ: коммуникативные риски // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 146–157.
27. Гун Л. Русские заимствованные слова в китайском языке // Вестник Башкирского университета. – 2018. – Т. 23. – № 1. – С. 244–252.
28. Гурбик Е. А. Английский язык в языковой ситуации Пакистана: социокультурное своеобразие и коммуникативные функции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 2024. – 25 с.
29. Давтянц И. И. Лексические прагматические маркеры конфликтности в контексте оппозиции «свой – чужой» (на материале мексиканских и американских испаноязычных СМИ и социальных медиа): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2024. – 25 с.
30. Давыдова М. А. Языковые особенности медиадискурса (на материале неофразеологизмов) // Казанская наука. 2025. № 6. С. 261–268.
31. Данилова Е. Г. Искусственный интеллект как новый субъект медиадискурса: лингвистические особенности и трансформация журналистских текстов // Актуальные научные исследования. Материалы XXX междунар. науч.-практ. конф. – Пенза, 2025. С. 116–118.
32. Демьянов В. Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков: Проблемы морфологической адаптации; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – Москва: Наука, 2001. – 408 с.
33. Денисенко В. Н. Семантическое поле «изменение» в русской языковой картине мира: структурный, функциональный, когнитивный аспекты:

диссертация ... доктора филологических наук / В. Н. Денисенко. – Москва: РУДН, 2005. – 337 с.

34. Дешериев Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. – М.: Наука, 1966. – 318 с.

35. Дешериев Ю. Д. Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. – М.: Наука, 1988. – 198 с.

36. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиа речи. – М.: МАКС Пресс, 2000. – 288 с.

37. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. – М.: Наука, 2008. – 264 с.

38. Добросклонская Т. Г. Язык средств массовой информации. – М.: КДУ, 2012. – 116 с.

39. Драчева Ю. Н. Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивно-языковые механизмы: монография. – Вологда: ВоГУ, 2021. – 519 с.

40. Дугалич Н. М., Окил Изилдин. Средства создания образности как инструмент убеждения в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2023. № 5 (101). С. 67–75.

41. Дьячков М. В. Креолизация и пиджинизация как механизмы формирования контактных языков // Язык и общество. – М.: Институт языкознания РАН, 1992. – С. 84–91.

42. Дягилева И. Б. Неологизмы в языке прессы: пути пополнения словарного состава // Русская речь. – 2006. – № 3. – С. 62–68.

43. Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия: монография. – Киев: Изд-во Киевского унта, 1974. – 174 с.

44. Завадовский Л. Славянские языки в контакте с неславянскими. – Минск: Наука и техника, 1982. – 156 с.

45. Зайцева Ю. В. Особенности формирования неологического пространства в современном англоязычном медиадискурсе // Иностранные языки: проблемы преподавания и риски коммуникации. Научные исследования преподавателей и студентов факультета иностранных языков и лингводидактики. Саратов, 2022. С.

74–83.

46. Зарезина С. Н. Устойчивые личностные смыслы в аспекте межкультурной коммуникации (на материале статей о России в англоязычной прессе за 1991–2004 гг.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Зарезина Светлана Николаевна. – Иркутск, 2004. – 236 с.
47. Зарецкая А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2010. – 21 с.
48. Захаров О. И. Лингвокреативность как основа образования полисинтетических номинаций в англоязычном медиадискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 2. С. 607–615.
49. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: Издательство московского университета, 1976. – 307 с.
50. Зеленин А. В. Англо-американизмы в русском и некоторых европейских языках // Русский язык в школе. – 2003. – № 5. – С. 94–98.
51. Зеленовская А.В. Понятия «компьютерный дискурс» «интернет- дискурс», «виртуальный дискурс» // Язык и культура. Новосибирск, 2014. Вып. 12. С. 17–21.
52. Зильберт Б. А. Проблемы классификации текстов массовой информации // Известия РАН. Сер. литературы и языка. – 1986. – Т. 45. – № 1. – С. 70–80.
53. Зорина А. В. Англицизмы в современном русском языке (на примере интернет-лексики) // Казанский лингвистический журнал. – 2018. – Т. 1, № 2(1). – С. 5–14.
54. Зорина А. В., Амирханова К.М. Амирханова К.М. Лексические особенности англоязычного новостного медиадискурса в коронавирусную эпоху // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 3. С. 180–199.
55. Зурабова Л. Р. Переключение кодов в условиях языкового контакта в провинции Нью-Брансуик, Канада (на материале субдиалекта шиак): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2022. – 26 с.
56. Иванов В. В. Терминология и заимствования в современном китайском языке. – М.: Наука, 1973. – 171 с.
57. Казак М. Ю. Специфика современного медиатекста // Лингвистика речи.

- Медиастилистика: коллективная монография, посвященная 80-летию проф. Г.Я. Солганика. – Москва: Флинта: Наука, 2012. – С. 320–334.
58. Кайда Л. Г. Стилистика текста: от теории композиции – к декодированию. – Москва: Флинта; Наука, 2005. – 208 с.
59. Калганский Г. В. Русский язык в международном общении // Русский язык за рубежом. – 1979. – № 4. – С. 62–66.
60. Калинин О. И. Репрезентация СВО в новостном медиадискурсе КНР // В сб.: Информационная война в условиях СВО. Москва, 2024. С. 204–215.
61. Калинин О. И., Игнатенко А. В. Сравнительный анализ использования метафор в русских, английских и китайских медиатекстах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 1062–1082.
62. Карамова А. А. Типологический аспект дискурса // Культура и цивилизация. – 2017. – Том 7, № 1 А. – С. 361–370.
63. Карасик В. И. Лингвокультурные ценности в дискурсе // Иностранные языки в высшей школе. 2015. № 1. С. 25–35.
64. Касымова О. П. Процесс заимствования в китайском и русском языках / О. П. Касымова, Л. Гун // Вестник Башкирского университета. – 2018. – Т. 23, № 1. – С. 119–124.
65. Киосе М. И., Потехин В. О., Зубков О. Д. Экспериментальные методы исследования мультимодального дискурса: кросс-модальная адаптация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2024. Т. 23. № 5. С. 149–160.
66. Кленин И. Д., Щичко В. Ф. Лексикология китайского языка. / И. Д. Кленин, В. Ф. Щичко. – М.: Восточная книга, 2013. – 272 с.
67. Кленин И. Д. Звуковые заимствования в современном китайском языке // Труды института. Иностранные языки. – 1969. – № 5. – С. 198–207.
68. Клименко Ю. С. К вопросу о лингвистических особенностях новостного медиадискурса // Magistri et discipuli. – М., 2025. С. 72–79.
69. Клушина Н. И. Медиастилистика: монография. – Москва: ФЛИНТА, 2018. –

183 с.

70. Ключев Ю. В. Дискурс в массовой коммуникации (междисциплинарные характеристики, концепции, подходы) // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2013. – Вып. 1. – С. 207–217.
71. Кожевникова Е. И. Фонетическая и грамматическая ассимиляция галлицизмов в современном английском языке // Изв. Урал. гос. ун-та. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 84, № 5. С. 222–225.
72. Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – № 12 (83), вып. 6. – С. 13–21.
73. Кожина М. Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории // Stylistyka. – 2005. – Т. 14. – С. 61–74.
74. Козловский Д. В. Актуализация категории «эвиденциальность» в дискурсе массмедиа: лингвосинергетический подход: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2024. – 32 с.
75. Козырев В. А. Свое и чужое: заимствованное слово в современной речи / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2007. – № 3. – С. 54–59.
76. Колесник Т. И. Лингвоэкология медиадискурса (на материале русских и немецких микроблогов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. – Ставрополь, 2024. – 32 с.
77. Кондрашева Е. В., Тинина А. О. «Verbal aggression in the language of media: The varieties and causes» // Era of Science. – 2018. – № 14. – С. 241–246.
78. Костинская Д. С. Влияние когнитивных доминант на стилистические особенности медиадискурса // Филология. – Симферополь, 2025. С. 600–603.
79. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардерики, 2005. – 287 с.
80. Котяну И. Молдавско-русское двуязычие и интерференция. – Кишинев: Штиинца, 1974. – 184 с.
81. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной

- жизни // Русский язык в школе. – 1994. – № 6. – С. 56–63.
82. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 1968. – 208 с.
83. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 1998. – С. 45-67.
84. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современной жизни // Русский язык конца XX столетия. – М.: Наука, 1996. – С. 142–161.
85. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Русский язык, 2004. – 256 с.
86. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 27–34.
87. Крысин Л. П. К определению терминов «заимствование» и «заимствованное слово» // Развитие лексики современного русского языка / ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. – М. –Л.; Наука, 1965. – С. 104–116.
88. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 883 с.
89. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты ИНИОН РАН, М., 2000. – С. 5–13.
90. Кузьмина Н. А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Медиаскоп. – 2011. – № 1. – С. 13–18.
91. Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования / Л. Л. Кутина, Е. Э. Биржакова Л. А. Войнова. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1972. – 431 с.
92. Ладо Р. Лингвистика поверх культур: Прикладная лингвистика для преподавателей языков. – М.: Прогресс, 1989. – 318 с.
93. Ли С. Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков // Вопросы филологии. – 2003. – № 2 (14). – С. 30–34.
94. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоположений. – М.: Наука, 1982. – 149 с.

95. Лю Е. Отражение советско-китайских отношений в газете «Правда» (1949–1953 // Вестник Калмыцкого университета. – 2022. №3 (55). – С. 28-35.
96. Лю Н. Словообразовательная адаптация заимствований в современной русской речи: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России. – Москва, 2025. – 184 с.
97. Максименко О. И., Ахренова Н. А., Беляков М. В. Сдвиги в коммуникативной семантике медиадискурса // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 69–80.
98. Малюга Е. Н., Орлова С. Н. Англоязычные заимствования в европейской экономической прессе: функциональный аспект // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. С. 42–51.
99. Мангушев С. В., Павлова А. В. Экстралингвистическая и внутривидовая обусловленность языкового контакта // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 11. С. 157–160.
100. Мангушев С. В. Заимствование в системе языка: структура, функции, механизмы адаптации. – М.: Логос, 2004. – 216 с.
101. Мангушев С. В. Экстралингвистическая и внутривидовая обусловленность языкового контакта / С. В. Мангушев, А. В. Павлова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 11. – С. 157–160.
102. Маринова Е. В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах. Словарь-справочник. – М.: Флинта, 2014. – 240 с.
103. Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. – 1972. – Вып. 6. – С. 81–93.
104. Масс У. Когда дух общины нашел язык: Язык при национал-социализме // Попытка исторического аргументационного анализа. – Опладен: Westdeutscher Verlag, 1984. – С. 261.
105. Матыцина М. С. Политический медиадискурс в российском, европейском и китайском языкознании: теоретико-аналитический обзор актуальных направлений / М. С. Матыцина, С. Гун // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. – 2024. – Том 17. – Вып. 5. С. 1611–1617.

106. Меграбова Э. Г. Вербализация образа России в масс-медийном дискурсе Запада и Востока / Э. Г. Меграбова, М. Г. Лебедев, З. Г. Прошина и др. // Культурно-языковые контакты: сб. науч. тр. – Владивосток: Изд-во Дальне-вост. ун-та, 2009а. – Вып. 13. – С. 30–54.
107. Мейе А. Лингвистика и диахрония // Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М.: УРСС, 2010. – С. 45–67.
108. Мельник Г. С. Медиатекст как объект лингвистических исследований // Журналистский ежегодник. – 2012. – №1. – С. 27.
109. Мечковская Н. Б. Найчасцейшыя запазычанні ў беларускай, рускай і славенскай мовах: семантыка-тэматычныя рысы // Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філологія. – 2021. – № 1. – С. 25–35.
110. Минаева Л. В. Речь в мире политики: монография. – Москва: Аспект Пресс, 2019. – 222 с.
111. Моисеенко Л. В., Киро Хервилья Э. Прецедентное пространство русского массмедийного дискурса // Русистика. 2021. Т. 19. № 4. С. 453–465.
112. Мусорин А. Ю. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Материалы Первой научной конференции. – Новосибирск: Наука. Университет, 2000. – С. 82–86.
113. Ни Ц. Заимствованная гастрономическая лексика в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Москва: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2024. – 309 с.
114. Новиков В. К. Информационное оружие – оружие современных и будущих войн. – М.: Горячая линия–Телеком, 2011. – 264 с.
115. Новикова М. Л. Лингводидактический потенциал медиатекстов сквозь призму лингвокультурной адаптации иностранных студентов // Русский язык в интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей I Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 8-9 февраля 2017 г. РУДН. 2017. С. 357–363.
116. Оломская Н. Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса // Научный диалог. – 2013. – № 5 (17): Филология. – С. 250–259.

117. Орешкина А. А. Заголовочный комплекс радиотекста: медиалингвистический и коммуникативно-прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2024. – 24 с.
118. Орешкина М. В. Заимствование языковое // Социалингвистика. 2023. № 3 (15). С. 147–170.
119. Пак Л. Е. Дискурс-анализ: речемыслительный аспект // Евразийский союз ученых. 2015. № 6 (15). С. 128–129.
120. Панченко Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Панченко Надежда Николаевна – Волгоград, 2010. – 44 с.
121. Патюкова Р. В., Оломская Н. Н. Медиадискурс: специфика формирования социокультурной коммуникации в медиапространстве: монография. – Краснодар: КубГУ, 2021. – 184 с.
122. Перфильева Н. В. Способы ассимиляции английских заимствований в китайский язык / Н. В. Перфильева, Ху П. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018. – Т. 9. № 2. – С. 287–301.
123. Петрова А. А. Мультимодальное взаимодействие в интерактивном пространстве медиа-политического дискурса: монография / А. А. Петрова, Н. Б. Егорченкова, Н. Л. Шамне. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2016. – 144 с.
124. Пеше М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Под ред. Ю. С. Степанова. – Москва: Прогресс, 1999. – С. 225–290.
125. Полонский А. В. Медиа-дискурс-концепт: опыт проблемного осмысления // Современный дискурс-анализ. – 2012. – № 1 (6). – С. 42–56.
126. Раюшкина М. Е. Семантические и грамматические изменения в английском языке в условиях языковых контактов в Уганде: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2021. – 24
127. Ремчукова Е. Н. Лингвокреативные составляющие современных СМИ на

фоне активных языковых процессов // *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. – Тарту, 2009. – С. 303–316.

128. Розанова Т. О. Особенности функционирования заимствований в современном русском языке (на материале СМИ) // *Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2008. – № 3. – С. 85–93.

129. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты // *Новое в лингвистике*. – 1972. – Вып. 6. – С. 6–7.

130. Романов Н. Р. К вопросу о медиадискурсе // *Языковая личность и перевод: материалы VI Международного научно-образовательного форума молодых переводчиков им. Д. О. Половцева, посвящ. 100-летию Белорус. гос. ун-та, Минск, 11–12 нояб. 2021 г.* / Белорус. гос. ун-т; редкол.: С. В. Воробьева (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2021. – С. 70–73.

131. Русакова О. Ф. Политический медиадискурс: опыт структурного анализа // *Взаимодействие языков и культур: материалы Международной научной конференции, 28–30 мая 2018 г.* – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2018. – Т. 1. – С. 237–240.

132. Русакова О. Ф. Современные теории дискурса: опыт классификации // *Современные теории дискурса. Мультидисциплинарный анализ*. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. – С. 11–30.

133. Сайфуллина А. Д., Олизько Н. С. Об особенностях медиадискурса // *Мир культуры: искусство, наука, образование*. – Челябинск, 2023. С. 189–192.

134. Саяхова Д. К. Лингвокультурные реалии и заимствования: проблемы адаптации в языке-реципиенте // *Вестник Башкирского университета*. 2021. Т. 25, № 3. С. 739–744.

135. Семенова М. Ю. *Словарь англицизмов*. – Ростов-на-Дону: Папирус, 2003. – 278 с.

136. Сенько Е. В., Чекоева С. М. Современная теория заимствования: терминологический аспект // *Вестник Костромского государственного университета*. 2018. № 2. С. 194–197.

137. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993. – 656 с.
138. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио. – М.: Прогресс, 1999. – С. 14–53.
139. Сескутова И. К. Многомерность коммуникативного пространства современного медиадискурса // Стилистика и проблемы контекста. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – С. 70–81.
140. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1956. – 260 с.
141. Смирнова А. Н. Процесс ассимиляции немецких заимствований в английском языке // Сб. конф. НИЦ Социосфера. 2016. № 17. С. 86–90.
142. Соболевский А. И. Русские заимствованные слова. – Санкт-Петербург: лит. Д. Руднева, 1891. – 152 с.
143. Современная политическая наука: Методология: монография / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. – Москва: Аспект Пресс, 2019. – 466 с.
144. Соколовская Ольга. Исследование китайско-русских языковых контактов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Соколовская Ольга. – Харбин, 2012. – 188 с.
145. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. – 432 с.
146. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. – М., 1998. – 678 с.
147. Степанов Ю. С. Язык и наука конца XX века. Сб. статей. – М.: РГГУ, 1995. – 36 с.
148. Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1962. – 309 с.
149. Степанова М. Д. Лексикология современного немецкого языка / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. – М.: Высшая школа, 1962. – 309 с.
150. Суй И., Шаклеин В. М. Китайское слово-реалия в русскоязычных публицистических текстах // Научный диалог. – 2018. – № 10. – С. 9-21.

151. Тертычный А. А. Характер применения жанров в современных печатных СМИ / А.А. Тертычный // Вопросы теории и практики журналистики. – 2012. – № 2. – С. 106–112.
152. Тирлянский Р. В. Социальные аспекты языкового заимствования. – Киев: Наукова думка, 1986. – 148 с.
153. Урывская Т. А. Лингвопрагматические характеристики буквенных слов в медиадискурсе Китая (на материале текстов информационного агентства «Синьхуа»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2022. – 23 с.
154. Утенкова М. А., Кондрашева Е. В. Использование заимствованной лексики в СМИ // Ученые заметки ТОГУ. – 2016. Том 7, № 3 (2). – С. 131–135.
155. Ферм Л. Выражение направления при приставочных глаголах перемещения в современном русском языке: к вопросу префиксально-предложного детерминизма: With a summ. in Engl. – Uppsala: Distributor Almqvist & Wiksell intern. (Stockholm), 1990. – 187 с.
156. Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший период: на материале газет. – Uppsala: Almqvist and Wiksell, 1994. – 212 с.
157. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. – М.: Наука, 1982. – С. 227–239.
158. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
159. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000.
160. Ху Пэйпэй. Вариантность переводов заимствований английского происхождения в китайском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 864–872.
161. Чекунова М. А. Политико-административный сетевой медиадискурс: генезис, контент, речь: дис. ... док. филол. наук: 10.01.10 / Чекунова Марина Анатольевна. – М., 2017. – 445 с.
162. Чернявская В. Е. Научный дискурс: выдвижение результата как

- коммуникативная и языковая проблема. – М.: Ленанд, 2017. – 144 с.
163. Черчук О. И. Заимствования в современном чешском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Москва: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2023. – 227 с.
164. Чжан К. Выражение, мышление и познание: истоки различий русского и китайского языка / К. Чжан, В. Н. Денисенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. РУДН. – Том 15. – 2024. – С. 841–855.
165. Шамне Н. Л. Интерактивное пространство медиаполитического дискурса: коммуникативный и мультимодальный аспекты / Н. Л. Шамне, А. А. Петрова // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 39–51.
166. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972. – 320 с.
167. Шапочкин Д. В., Жилиякова В.В. Метод дискурс-анализа и его ключевые аспекты // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 4 (40). С. 1–3.
168. Шарипова Н. Б. Заимствованная лексика в русском языке конца XX века: процессы и результаты. – Астрахань: Изд-во АГПУ, 2003. – 212 с.
169. Шахрай О. Б. К проблеме классификации заимствованной лексики // Вопросы языкознания. 1961. № 2. – С. 53–59
170. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
171. Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Избранные работы по языкознанию и фонетике. – 1958. – Т. 1. – С. 40–53.
172. Akhrenova N.A., Zaripov R.I. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2023. Т. 14. № 3. С. 801–817.
173. Bell A. The Language of News Media. – Oxford: Blackwell, 1991. – 296 p.
174. Boas F. Handbook of American Indian Languages. Washington, 1911. – 83 p.
175. Crystal D. Language and the Internet. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 272 p.
176. Dijk T. A. Power in the media // In D. Paletz (Ed.), Political Communication and Action. Cresskill, NJ: Hampton Press, 1995. – P. 9–36.

177. Duez D. Silent and non-silent pauses in three speech styles // *Language and Speech*. – 1982. – № 2. – С. 11–28.
178. Fairclough N. *Language and Power*. – Longman Group UK Limited, 1989. – 253 p.
179. Fowler R. *Language in the News. Discourse and Ideology in the Press*. – Routledge, 1991. – 224 p.
180. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns*. B.I. Suhrkamp. Fr.; M., 1987. – 457 p.
181. Hall S. *Encoding / Decoding / S. Hall // Culture, Media, Language: Working Papers in Cultural Studies 1972–1979 (Cultural Studies Birmingham) /ed. S. Hall [et al.] – London: Hutchinson, 1980. – P. 128–138.*
182. Haugen E. *The Analysis of Linguistic Borrowing // Language*. 1950. Vol. 26, № 2. P. 210–231.
183. Hermanns, F. *Sprachgeschichte als Mentalitätsgeschichte. Überlegungen zu Sinn und Form und Gegenstand historischer Semantik [Text] / F. Hermanns // Gardt A., Mattheier K.J., Reichmann O. Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. Gegenstände, Methoden, Theorien. – Tübingen: Niemeyer, 1995. – S. 69–101.*
184. Laks B. *Language Contact and Phonological Theory // The Handbook of Language Contact*. – 2010. – P. 153–168.
185. Montgomery M. *The Media / M. Montgomery, D. Edington B.* – London: British Council. – 1996. – 265 p.
186. Römer Ch., Matzke B. *Lexikologie des Deutschen*. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2005. – 236 S.
187. Thomason S. G., Kaufman T. *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. University of California Press, 1988. – 130 p.
188. Wackernagel J. *Sprachliche Kontakte*. Basel, 1953. – 326 p.
189. 高名凯, 刘正琰. *现代汉语外来词研究*. 北京: 文字改革出版社, 1958年. 178页. (Гао М, Лю Ч. *Исследование иностранных слов в современном китайском языке*. – Пекин: Издательство реформы слов, 1958. – 178 с.)
190. 贺国伟. *新词新语的产生与定形*. 上海辞书出版社, 2003. 250页. (Хэ Г. *Порождение и стереотипизация неологизмов*. – Шанхай: Шанхайское словарное

издательство, 2003. – 250 с.)

191. 贾冬雪. 苏联解体后俄罗斯报刊政治语体词汇运用特点: 硕士学位论文. 长春: 吉林大学, 2016 年. 77 页. (Цзя Д. Лексические особенности употребления в политико-публицистическом дискурсе русской прессы после распада СССР: магистерская диссертация / Д. Цзя. – Чанчунь: Цзилиньский университет, 2016. – 77 с.)

192. 李佳. 当代俄罗斯期刊的词汇特点 // 林区教学. 2015. 第 3 期 (总第 216 期). 第 70–71 页. (Ли Ц. Лексические особенности современной российской периодики // Учение в лесном районе. – 2015. – № 3 (общий выпуск № 216). – С. 70–71.)

193. 刘叔新. 汉语描写词汇学. 北京: 商务印书馆, 2005. 415 页. (Лю Ш. Китайская описательная лексикология. – Пекин: Коммерческое издательство, 2005. – 415 с.)

194. 宋晓亮. 媒介社会学. 上海: 上海知识出版社, 2005. 137 页. (Сун С. Социология медиа. – Шанхай: Шанхайское издательство знаний, 2005. – 137 с.)

195. 孙娜. 苏联解体后俄罗斯报刊文本对话性初探 // 语文教学通讯. 2017. 第 2017.06.041 期. 第 102–103 页. (Сунь Н. Первоначальное исследование диалогичности текстов российской прессы после распада СССР // Газета литературного образования. – 2017. – № 2017.06.041. – С. 102–103.)

196. 姚汉铭. 新词语·社会·文化. 上海: 上海辞书出版社, 1998. 221 页. (Яо Х. Новые слова – общество – культура. – Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 1998. – 221 с.)

197. 张闻静. 《人民日报》政治话语词汇的演变 (1949–2005 年): 语文学副博士学位论文 / 张闻静. – 长春: 吉林大学, 2010 年. – 212 页. (Чжан В. Эволюция лексики политического дискурса газеты «Жэньминь жибао» (1949–2005 гг.): дис. ... канд. филол. наук / Чжан Вэньцзин. – Чанчунь: Цзилиньский университет, 2010. – 212 с.)

СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ:

198. Арутюнова Н. Д. Лингвистический энциклопедический словарь /

- Н. Д. Арутюнова, В. А. Виноградов, В. К. Гак; под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 620 с.
199. Баш Л. М. Словарь иностранных слов современного русского языка / Л. М. Баш, А. В. Боброва, Г. Л. Вечеслова, Р. С. Кимягарова, Е. М. Сендровиц. – Москва: Издательство Вече, 2021. – 960 с.
200. Большая российская энциклопедия. Т. 28: Реутов – Российская эмиграция. – М.: Большая российская энциклопедия, 2015. – 767 с.
201. Большая российская энциклопедия. Т. 31: Холмогорова – Чувства. – М.: Большая российская энциклопедия, 2016. – 798 с.
202. Большая российская энциклопедия. Т. 33: Цемент – Ящур. – М.: Большая российская энциклопедия, 2018. – 799 с.
203. Большая российская энциклопедия: в 35 т. / под ред. Ю. С. Осипова и др. – Москва: Большая российская энциклопедия, 2005. – 766 с.
204. Буров В. Г. Китайско-русский словарь новых слов и выражений. / В. Г. Буров, А. Л. Семенас. – М.: Восточная книга, 2007. – 733 с.
205. Гак В. Г. Новый французско-русский словарь: 70 000 словосочетаний и 200 000 единиц перевода. – М.: Русский язык, 1998. – 1174 с.
206. Добродомов И.Г. Заимствование // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 158–159.
207. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. 100 000 слов и выражений. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.
208. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка. – М.: АСТ, 2006. – 974 с.
209. Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов – М.: АСТ-ПРЕСС, 2014. – 416 с.
210. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 944 с.
211. Михельсон А. Д. 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. По словарям: Гейзе, Рейфа и др. – М., 1866. – 771 с.
212. Музыкальная энциклопедия: в 6 т. Т. 5: Э–Я. – М.: Советская энциклопедия /

Музыка, 1981. – 1088 с.

213. Новый словарь иностранных слов: [более 4500 слов] / [авт.-сост. М. Ситникова]. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 299 с.

214. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 2010. – 944 с.

215. Современный словарь иностранных слов: свыше 7000 слов и выражений, толкование значений, происхождение, употребление / Л. П. Крысин; Российская акад. наук. – Москва: АСТ-Пресс, 2012. – 410 с.

216. Современный словарь иностранных слов: Толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л. М. Баш, А. В. Боброва и др. – М.: Цитадель, 2000. – 926 с.

217. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1935–1940.

218. Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1962. – 584 с.

219. Энциклопедия моды и одежды / гл. ред. В. Д. Белявский. – М.: Олма-Пресс, 2004. – 512 с.

220. 岑麒祥. 汉语外来语词典. 北京: 商务印书馆 1990. 447 页. (Цэнь Ц. Словарь заимствованных слов в китайском языке. – Пекин: Коммерческое издательство. 1990. – 447 с.)

221. 高名凯. 汉语外来词词典. 上海: 上海辞书出版社, 1984. 422 页. (Гао М. и др. Словарь китайских заимствованных слов. – Шанхай: Шанхайское словарное издательство, 1984. – 422 с.)

222. 胡行之. 外来语词典. 上海: 上海天马书局, 1936. 300 页. (Ху С. Словарь иностранных слов. – Шанхай: Шанхайское издательство Тяньма, 1936. – 300 с.)

223. 孙常叙. 汉语词汇. 北京: 商务印书馆, 2006. 544 页. (Сунь Ч. Словарь китайского языка. – Пекин: Коммерческое издательство, 2006. – 544 с.)

224. 现代汉语词典 (第7版) 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 北京: 商务印书馆, 2016. 1080 页. (Современный словарь китайского языка (7-е изд.) /

Редакция словаря Институт языков Китайская академия общественных наук. – Пекин: Коммерческое издательство, 2016. – 1 080 с.)

ДОКУМЕНТЫ И НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ:

225. Летопись периодических изданий СССР. – М: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1947–1990 гг.

ИНТЕРНЕТ РЕСУРСЫ:

226. Академик: Энциклопедия маркетинга [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://marketing.academic.ru/taobao> (дата обращения: 10.12.2025).

227. Боженко Л. Н. Заимствованная лексика в современном русском языке [Электронный ресурс] / Л. Н. Боженко. – 2006. – Режим доступа: <http://filologdirect.narod.ru> (дата обращения: 20.05.2024)

228. Володарская Э. Ф. Заимствования как отражение русско-английских контактов [Электронный ресурс] / Э. Ф. Володарская. – 2002. – Режим доступа: https://issuesinlinguistics.ru/pubfiles/2002-4_96-118.pdf (дата обращения: 15.05.2024)

229. Ильясова М. А. Использование иноязычной лексики в языке СМИ // Scientific progress [Электронный ресурс]. – Электронный журнал. – 2021. – VOLUME 2, ISSUE 7. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-inoazychnoy-leksiki-v-yazyke-smi/viewer> (дата обращения: 17.05.2023)

230. Карасик В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров [Электронный ресурс]. – Электронный журнал. – 2000. – С. 43–44. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-tipy-institutsionalnogo-diskursa> (дата обращения: 14.04.2024)

231. Кожемякин Е. А. Медиадискурс // Современный дискурс-анализ. Методология и концептуальное обоснование [Электронный ресурс]. – Электронный журнал. – 2010. – Т. 2. – Вып. 1. – Режим доступа:

www.discourseanalysis.org. (дата обращения: 20.02.2024)

232. Крысин Л. П. О русском языке наших дней [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm> (дата обращения: 16.02.2023)

233. Министерство иностранных дел Российской Федерации [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767163/ (дата обращения: 10.12.2025).

234. Первый китайский искусственный спутник Земли «Дунфанхун-1» // Энциклопедия ньюсмейкеров: справки по новостным сюжетам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://history.niv.ru/doc/encyclopedia/newsmakers/articles/5203/pervyj-kitajskij-iskusstvennyj.htm> (дата обращения: 10.12.2025).

235. Перфильева Н. В. Различные трактовки заимствования в работах китайских лингвистов / Н. В. Перфильева, П. Ху // Современные исследования социальных проблем [Электронный ресурс]. Электронный журнал. – 2012. – № 8 (16). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razlichnye-traktovki-zaimstvovaniya-v-rabotah-kitajskih-lingvistov/viewer> (дата обращения: 29.05.2024)

236. Рейтинг Китая: Десятка самых влиятельных газет в Китае [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://www.phb123.com/shenghuo/pinpai/59022.html>. (дата обращения: 10.11.2023)

237. Рейтинг России [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.mlg.ru/ratings/media/> (дата обращения: 15.05.2024)

238. Серебренникова Е. Ф. Интернет-дискурс: к проблеме семиометрии значимых параметров лингвистического анализа // Magister Dixit: электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири [Электронный ресурс]. – 2011. – № 2. – Режим доступа: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/statuya_serebrennikova_ef_0.pdf (дата обращения: 01.03.2024)

239. Темникова Л. Б. К вопросу о типологии медиадискурса // Научный журнал КубГАУ [Электронный ресурс]. – Электронный журнал. – № 7119 (05). – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2016/05/pdf/69.pdf> (дата обращения: 15.10.2023)
240. Универсальный дополнительный практический толковый словарь [Электронный ресурс] / И. Ю. Мостицкий. – 2005–2012. – Режим доступа: URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/mostitskiy/fc/slovar-210-1.htm#zag-5119> (дата обращения: 10.12.2025).
241. Уфимцев Ю. С. Китайские слова в русском языке: есть и такие! [Электронный ресурс] / Ю. С. Уфимцев. – 2005. – Режим доступа: [hungtzu.livejournal.com> 288181.html](http://hungtzu.livejournal.com/288181.html) (дата обращения: 23.07.2024)
242. Чистякова О. Н. Заимствования в современном русском языке [Электронный ресурс] / О. Н. Чистякова. – 2001. – Режим доступа: http://www.kls.ksu.ru/boduen/bodart_1.php? (дата обращения: 07.12.2022)

**Список заимствованных лексических единиц китайского происхождения
в русских медиатекстах с 1950 по 2023 г.**

В

北斗 – Бэйдоу: китайская спутниковая навигационная система, аналог GPS, разработанная для обеспечения глобального позиционирования и геолокационных услуг.

С

嫦娥 – Чжаньэ: мифологическая фигура в китайской культуре, богиня Луны; имя также носит серия китайских космических аппаратов, запущенных в рамках лунной программы КНР.

Д

大跃进 – большой скачок: социально-экономическая кампания, проводимая в Китае с 1958 по 1961 годы под руководством Мао Цзэдуна, направленная на быструю индустриализацию и коллективизацию.

大字报 – дацзыбао: «газеты крупного шрифта» – форма публичного выражения мнений и агитации в Китае, широко применявшаяся в годы Культурной революции.

东方红 – Дунфанхун: букв. «Восток краснеет»; название первого китайского искусственного спутника Земли, выведенного на орбиту в 1970 году.

东风 – Дунфэн: букв. «восточный ветер»; название китайского военного ракетного комплекса, используемого в системе стратегического вооружения КНР.

豆腐 – тофу: продукт из соевых бобов, получаемый путем створаживания соевого молока; является важным источником белка в китайской и азиатской кухнях.

Е

二胡 – эрху: китайский двухструнный смычковый музыкальный инструмент, относящийся к категории хучинь; широко используется в традиционной китайской музыке.

Ф

粉条 – фунчоза: разновидность лапши, изготавливаемой из крахмала (обычно

бобового или картофельного происхождения), прозрачной структуры, широко применяемой в китайской кухне.

风水 – фэншуй: традиционное китайское учение о гармонизации жизненного пространства человека с помощью символического анализа потоков энергии (ци), окружающей среды и расположения объектов.

G

改革开放 – Реформы и открытость: название комплекса экономических и социальных реформ, начатых в Китае в конце 1970-х годов под руководством Дэн Сяопина. Предусматривали переход к рыночной экономике и интеграцию в мировое сообщество при сохранении политической монополии Коммунистической партии.

高粱 – гаолян: сельскохозяйственная культура (сорго), используемая в Китае как продукт питания, сырье для изготовления алкогольных напитков (в частности, байцзю), а также как корм для скота.

国民党 – Гоминьдан: китайская националистическая партия, основанная в начале XX века. Играла ключевую роль в политической истории Китая до провозглашения КНР в 1949 году. После поражения в гражданской войне переместилась на Тайвань, где продолжает функционировать как одна из ведущих политических сил.

H

红卫兵 – хунвэйбин: члены массового молодежного движения, возникшего в Китае в 1966 году в ходе Культурной революции. Основной задачей движения была поддержка политического курса Мао Цзэдуна и борьба с «буржуазными элементами» в обществе.

胡同 – хутун: традиционные узкие улицы или переулки, характерные для исторической застройки китайских городов, особенно Пекина. Формируют уникальную структуру городской среды, состоящую из жилых кварталов – сыхэюаней (四合院).

J

吉娃娃 – чихуахуа: название породы декоративных собак, заимствованное из

китайского языка через испанский, однако в русскоязычных медиатекстах может встречаться в контексте описания культуры или быта.

М

毛主席 – маоизм: политическая и идеологическая доктрина, основанная на учении Мао Цзэдуна; в китайских и русских медиатекстах употребляется для обозначения особой формы марксизма, реализованной в КНР.

明太鱼 – минтай: название рыбы, заимствованное в китайском языке как 明太鱼, часто употребляется в кулинарных контекстах; отражает кросскультурный обмен в пищевой сфере.

Р

琵琶 – пипа: китайский щипковый музыкальный инструмент с четырьмя струнами, часто упоминаемый в текстах о культуре и традиционной музыке Китая.

拼音 – пиньинь: система латинской транскрипции китайских иероглифов, официально принятая в КНР и используемая в международных научных и образовательных публикациях.

普通话 – путунхуа: литературный китайский язык, основанный на пекинском диалекте; употребляется в официальной и образовательной сфере, а также в средствах массовой информации.

Q

旗袍 – ципао: традиционное китайское женское платье, символизирующее национальную одежду и часто фигурирующее в контекстах, связанных с модой и культурой.

气功 – цигун: китайская дыхательная гимнастика, объединяющая физические упражнения и элементы медитации; рассматривается как часть нематериального культурного наследия Китая.

R

人民币 – жэньминьби: официальная валюта Китайской Народной Республики; название является прямым фонетическим заимствованием китайского названия 人民币.

S

沙皮狗 – шарпей: порода китайских сторожевых собак, отличающихся характерной складчатой кожей; заимствование встречается в текстах, связанных с кинологией и культурой.

神州 – Шэньчжоу: серия китайских пилотируемых космических кораблей; название отражает достижения КНР в области освоения космоса.

T

太极 – тайцзи: философская концепция, отражающая гармонию противоположностей и принцип инь-ян; также используется как обозначение комплекса гимнастических практик.

淘宝 – Таобао: крупнейшая китайская платформа электронной коммерции, принадлежащая компании Alibaba; слово является заимствованием в сфере цифровой экономики и торговли.

天宫 – Тяньгун: название китайской орбитальной станции, означающее «Небесный дворец»; отражает амбиции Китая в развитии космической программы.

天河 – Тяньхэ: основной модуль китайской космической станции; в переводе означает «Млечный путь», используется в научно-технических текстах.

天问 – Тяньвэнь: китайская межпланетная программа исследований Марса, название которой можно перевести как «Небесные вопросы»; является примером современных научных заимствований.

W

微博 – Вэйбо: китайская платформа микроблогов, функционально аналогичная Twitter; активно используется в медиа и цифровой коммуникации Китая.

文化大革命 – серия идейно-политических кампаний, развернутая Мао Цзэдуном под лозунгом борьбы с 'ревизионизмом' и 'остатками буржуазии в партии, правительстве и армии'.

问天 – Вэньтянь: научный модуль китайской космической станции, название которого можно перевести как «вопросы к небу»; отражает прогресс Китая в космических исследованиях.

武术 – ушу: обобщающее обозначение китайских боевых искусств; в медийных текстах ассоциируется с культурными и спортивными традициями КНР.

X

小字报 – сяоцзыбао: «малые дацзыбао», рукописные стенгазеты меньшего формата, использовавшиеся в годы Культурной революции в Китае как средство выражения мнений и агитации.

Y

一带一路 – Пояс и путь: международная инфраструктурная и экономическая инициатива Китая, направленная на развитие транспортных, энергетических и торговых связей между странами Евразии; активно освещается в российском медиaprостранстве.

宇航员 – тайконавт: термин, обозначающий китайского космонавта; заимствован по аналогии с англоязычным astronaut и русским космонавт.

Z

支付宝 – Чжифубао: китайская система онлайн-платежей, аналог западных платежных сервисов; активно используется в контексте цифровой экономики.

纸老虎 – бумажный тигр: метафорическое выражение, заимствованное из китайского политического дискурса, обозначающее нечто внешне грозное, но не представляющее реальной угрозы; широко использовалось в советской пропаганде.

Английские формы написания китайской заимствованной лексики

Changan – 长安 – Чанган: китайский автомобильный бренд, производящий легковые и коммерческие транспортные средства; представлен на российском рынке с начальных лет 2000-х.

Geely – 吉利 – Джили: китайский бренд, производящий легковые автомобили и владеющий шведской компанией Volvo; активно продвигается на российском рынке с середины 2010-х годов.

Hongqi – 红旗 – Хунци: премиальный бренд китайского автопрома, принадлежащий группе faW; представлен на российском рынке с начала 2020-х годов как символ высокого статуса.

Huawei – 华为 – Хуавэй: китайская технологическая компания, специализирующаяся на телекоммуникационном оборудовании и смартфонах; активно работает в России с 2010-х годов.

Xiaomi – 小米 – Сяоми: китайская компания, выпускающая смартфоны, бытовую технику и устройства «умного дома»; одна из наиболее популярных марок на российском рынке.

Список заимствованных лексических единиц русского происхождения
в китайских медиатекстах с 1950 по 2023 г.

А

агитбригада 宣传队
аппаратное обеспечение 硬件
аспирант 副博士研究生

В

вагон 瓦罐车
Восток 东方号
всенародная собственность 全民所有制

Г

герой социалистического труда 社会主义劳动英雄
герой труда 劳动英雄
Гласность 开放
Государственная Дума 国家杜马

Д

дача 别墅(达恰)
дворец культуры 文化宫
демократия по-русски 俄式民主
доска почета 光荣榜

И

идеологическое перевоспитание 思想改造
интеллигент 知识分子

К

Камаз 卡玛斯
кандидат 堪及达(副博士)
карточная система 配给制

Катюша 喀秋莎(火箭炮)
кафедра 教研组
квартальный комитет 街道委员会
КГБ 克格勃
коллективизация 集体化
комбайн 康拜因
кооперирование 合作化
космонавт 宇航员

Л

Лада 拉达
ликбез 扫盲

М

МиГ 米格式(喷气式战斗机)
мягкое спальное место 软卧

О

образованная молодежь 知识青年
обрусение 俄罗斯化
огосударствление 国有化
отличник труда 劳动模范
очень хорошо 无情哈拉少(非常好)

П

передовик 先进分子
Перестройка 重建
пионерский отряд 少先队
плановая комиссия 计划委员会
плановая экономика 计划经济
планпереброска 计划调配

производственная бригада 生产队
пятибалльная система 五分制
пятилетка 五年计划

Р

радиогимнастика 广播体操
ревизионизм 修正主义
российская демократия 俄罗斯民主
Российская федерация 俄罗斯联邦
рублевая зона 卢布区

С

семинар 习明纳尔
сигнальная система 信号系统
СНГ 独联体
социалистическая индустриализация 社会主义工业化
социалистическое строительство 社会主义建设
спутник 人造卫星
суверенная демократия 主权民主

Т

ТАСС 塔斯社
теневая экономика 影子经济
товарищ 达瓦里希
трактор 拖拉机
трудовая колония 工读学校
трудовое перевоспитание 劳动改造
трудодень 劳动日
трудодень 工分

У

управляемый снаряд 导弹

уравниловка 平均主义

учебная программа 教学大纲

Ф

Федеральная служба безопасности 联邦安全局

физкультпауза 工间操(课间操)

Э

экономическая трансформация 转型经济